

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Институт славяноведения
и Балтийского региона
русской академии наук

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5

1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5

1978

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Костюшко И.</i> Традиции совместной борьбы народов СССР и ПНР за свободу, независимость и социальный прогресс	3
<i>Клеванский А. Х.</i> К истории распада Австро-Венгрии и образования чехословацкого буржуазного государства	9
<i>Киришевская А.</i> К вопросу о классовом характере конфликта в болгарском обществе в конце XIX — начале XX века	20
<i>Ненашева З. С.</i> Софийский съезд неославистов 1910 года	29
<i>Зализняк А. А.</i> Противопоставление букв о и ѿ в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное»	41
<i>Утешены Славомир (ЧССР).</i> О современной диалектографии чешских говоров	69

СООБЩЕНИЯ

<i>Карасев В. Г., Королюк В. Д., Санчук Г. Э.</i> Академик В. И. Пичета	77
<i>Львунин Ю. А.</i> Кампания солидарности грудящихся СССР с польским революционным движением (1922—1923 гг.)	83

Из истории славистики

<i>Логачев К. И.</i> Советское славяноведение до середины 1930-х годов	91
--	----

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Альтман И. А.</i> О. М. Говорухин в эмиграции	104
--	-----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Мельцер Д. Б. П. С. Сохань. Очерки истории украинско-болгарских связей</i>	107
<i>Носкова А. А. К. Кавко. Польша: отечество и социализм.</i>	109
<i>Лециловская И. И. «Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв.»</i>	110
<i>Горский И. К. Г. Германов. Окървавено навечерие (България и българите в руската литература)</i>	113

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1977 г. (продолжение)	115
Содержание иностранных журналов	118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Пирко В. А., Туривиненко Н. И. VIII Всесоюзная научная конференция историков-славистов</i>	120
<i>Фирсов Е. Ф. Советско-чехословацкий коллоквиум по истории фашизма и антифашистской борьбы в Европе</i>	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), Я. Б. ШМЕРАТЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией И. И. Козловская

И. КОСТЮШКО

ТРАДИЦИИ СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЫ НАРОДОВ СССР И ПНР ЗА СВОБОДУ, НЕЗАВИСИМОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

Общность исторических судеб народов СССР и ПНР и их стремление к объединению своих усилий в борьбе за независимое существование и социальный прогресс обусловили тесные связи между ними и взаимную поддержку в обеспечении своих национальных интересов. В процессе исторического развития братских народов сложились и упрочились традиции совместной борьбы против социального и национального гнета, за построение социализма и коммунизма.

Истоки этих традиций связаны с далеким прошлым. Народы России и Польши нередко вместе боролись против иноземных феодальных захватчиков. В 1410 г. под Грюнвальдом польские, литовские, украинские, белорусские и русские воины дали решительный отпор агрессивным устремлениям Тевтонского ордена. Россия и Польша объединяли свои силы в борьбе против турецко-татарских (конец XVII в.) и шведских (начало XVIII в.) завоевателей. В антифеодальных выступлениях участвовали крестьяне и горожане — русские, украинцы, белорусы, литовцы, поляки и трудящиеся других национальностей.

В 20-е годы XIX в. были заложены основы союза революционных сил России и Польши в борьбе против царизма, крепостничества и национального гнета. В это время устанавливаются контакты между русскими дворянскими революционерами — декабристами и польскими шляхетскими революционерами. При некоторых различиях во взглядах русские и польские революционеры, считая необходимым объединение своих сил, договорились о совместных действиях. Связывая свою борьбу за национальную независимость с делом освобождения народов России и отдавая дань памяти казненным декабристам, участники польского восстания 1830—1831 гг. начертали на своем знамени лозунг «За нашу и вашу свободу!», ставший девизом для многих поколений польских революционеров. В восстании приняли участие крестьяне и ремесленники Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины, русские солдаты и офицеры. Передовые круги России выражали сочувствие борющемуся польскому народу, оказывали помощь репрессированным повстанцам.

Революционные связи народов России и Польши значительно расширились и упрочились в 50—60 годах XIX в. В 1862 г. между общероссийской революционной организацией «Земля и воля» и польским Центральным национальным комитетом было заключено соглашение о совместной борьбе против царизма, за свободу народов России и Польши. Начавшееся в январе 1863 г. восстание в Королевстве Польском распространилось на терри-

торию Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Выражая отношение русской демократии к польскому восстанию, А. И. Герцен указывал: «Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих (...) *мы против империи, потому что мы за народ!*»¹. Российские демократы солидаризировались с освободительной борьбой польского народа, оказывали ему посильную поддержку. Многие из них с оружием в руках вместе с польскими повстанцами героически сражались против общего врага — царизма. В совместной борьбе революционных сил России и Польши за свободу и независимость окрепли и приумножились российско-польские революционные традиции.

В 70—80 годы XIX в. эти традиции получили дальнейшее развитие. Установились разнообразные связи и сотрудничество российских и польских революционных демократов, народовольцев и польских социалистов, первых польских и российских марксистских организаций.

С выходом на историческую арену пролетариата как самостоятельной политической силы революционное сотрудничество народов России и Польши приобретает широкие масштабы, а его традиции обогащаются новым содержанием. Ведущей силой освободительного движения народов становится пролетариат, возглавляемый революционной социал-демократией — большевиками в России и польской социал-демократией в Королевстве Польском. Между рабочими России и Польши устанавливается тесное взаимодействие, базирующееся на принципах пролетарского интернационализма. На этапе пролетарского движения стала еще более очевидной взаимосвязь освободительной борьбы народов Польши и России. Эта взаимосвязь была глубоко раскрыта В. И. Лениным в его пророческих словах: «... свобода Польши невозможна без свободы России»².

Партия большевиков, руководимая В. И. Лениным, возглавила борьбу трудящихся России за свое социальное и национальное освобождение. Она признавала право польского народа на самоопределение вплоть до отделения и считала долгом российской демократии оказание всемерной поддержки его освободительному движению. Польская социал-демократия выступала за объединение польского пролетариата с российским для совместной борьбы за общие интересы.

В годы первой русской революции, как говорилось в листовке польских рабочих, «... солидарность и единство рабочего класса Польши и России стали совершившимся фактом»³. Под руководством революционной социал-демократии трудящиеся России и Польши вместе боролись против царского самодержавия, социального и национального гнета. При этом рабочие Лодзи показали «... не только новый образец революционного энтузиазма и геройства, но и высшие формы борьбы»⁴. С вступлением СДКПшЛ в РСДРП еще более укрепилась российско-польские революционные связи. Тесно взаимодействовали революционные силы России и Польши в годы реакции и в период нового революционного подъема; они решительно выступали против империалистической войны.

Новый этап в революционном сотрудничестве народов России и Польши связан с главным событием XX века — Великой Октябрьской социалистической революцией. Октябрьская революция, установив власть рабочих и крестьян в России, открыла новую эпоху — эпоху перехода человечества от капитализма к социализму, эпоху борьбы «за освобождение народов

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XVII, М., 1959, с. 91.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 269.

³ «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.». М., 1956, с. 406.

⁴ В. И. Ленин. Там же, т. 10, с. 310—311.

от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм»⁵. Она показала, как подчеркивал В. И. Ленин, «всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»⁶.

Польские революционеры, находящиеся в России, солидаризируясь с борьбой российских рабочих и крестьян против гнета буржуазии и помещиков, приняли активное участие в подготовке и проведении Октябрьской революции. Трудящиеся Польши с энтузиазмом приветствовали социалистическую революцию в России, видели в ней пример для своей борьбы за свободу и независимость. Выражая эти настроения, СДКПиЛ заявила: «В Петербурге победил рабочий класс! . . . К этой последней, решающей борьбе за социализм прокладывают нам дорогу российские события. Слава русским товарищам, которые первыми начали эту борьбу. Польские рабочие! Нам предстоит кровавая борьба — борьба, быть может еще долгая. . . Будем же бороться за свержение капиталистического строя!»⁷

Октябрьская революция обусловила коренной поворот и в жизни польского народа. Она явилась решающей предпосылкой восстановления независимости Польши. Ленинский Декрет о мире, предусматривавший заключение демократического мира и признание за всеми народами права на самоопределение, Декларация прав народов России, отмена договоров и актов, касавшихся разделов Польши, и другие меры Советской власти способствовали развитию освободительного движения польского народа и обеспечили условия для воссоздания польской государственности.

«60 лет назад, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — Великая Октябрьская социалистическая революция открыла ему [польскому народу] путь к возрождению национальной государственности. Декрет, предоставивший Польше независимость, был подписан Владимиром Ильичем Лениным. Выступая за право поляков на самоопределение, вождь пролетарской революции был вместе с тем страстным поборником теснейшего классового союза польских и российских рабочих»⁸.

Восстановление независимости Польши явилось важным событием в истории польского народа. Оно создавало благоприятные условия для развития народа, роста классового сознания трудящихся. Имущим классам, использовавшим иллюзии широких масс народа о том, что национальное освобождение обеспечит и их социальные интересы, удалось утвердить свою власть в независимой Польше. В стране развернулось широкое движение за создание Советов рабочих и крестьянских депутатов. СДКПиЛ и ППС-левица объединились, и была создана Коммунистическая рабочая партия Польши. Советы, в которых преобладающее влияние имели коммунисты, превращались в органы борьбы за установление власти трудящихся. Однако имущие классы при поддержке империалистических держав смогли подавить революционное движение и сохранить буржуазно-помещичий строй в Польше.

Многие тысячи поляков-интернационалистов вместе с рабочими и крестьянами советских республик боролись против внутренней контрреволюции и иностранных интервентов, героически защищали завоевания Великого Октября. Имена Ф. Дзержинского, Ю. Мархлевского и других видных деятелей польского и российского революционного движения стали символом единства революционных сил обеих стран.

⁵ В. И. Ленин. Там же, т. 37, с. 171.

⁶ В. И. Ленин. Там же, т. 41, с. 4.

⁷ «Socjaldemokracja Krolestwa Polskiego i Litwy. 1893 — 1904». М., 1934, s. 236—237.

⁸ «Правда», 1978, 19 апреля.

Трудящиеся Польши и прежде всего польские коммунисты, видя в советском народе своего классового союзника, протестовали против связанной польскими правящими кругами войны с советскими республиками, добивались установления добрососедских отношений между Польшей и СССР, приветствовали успехи социалистического строительства в Советской стране, выступали в защиту ее от посягательств империалистических сил. Советские люди, выполняя свой интернациональный долг, солидаризировались с борьбой польских рабочих и крестьян за демократические права и свободы, оказывали моральную и материальную помощь польским революционерам, поддерживали усилия, направленные на обеспечение независимости Польши.

В годы второй мировой войны в совместной борьбе против гитлеровских захватчиков сложилось и окрепло боевое содружество советского и польского народов. Созданные при всемерной помощи Советского Союза польские народные вооруженные силы плечом к плечу с Советской Армией героически сражались против общего врага. В советских партизанских отрядах было немало польских патриотов, а в рядах Гвардии и Армии Людовой — советских людей. Советские и польские партизаны в тесном взаимодействии друг с другом наносили ощутимые удары по врагу, содействовали наступательным операциям Советской Армии и Войска Польского. Польские войны вместе с советскими прошли трудный, но славный и победоносный путь от Ленино до Берлина. Осуществляя свою освободительную миссию, Советский Союз сыграл решающую роль в изгнании гитлеровских оккупантов с польской земли и в разгроме фашистской Германии. Польский народ, освобождая свою родину от гитлеровской нечисти и оказывая помощь другим народам в их борьбе за свободу, внес достойный вклад в общее дело победы над фашизмом.

С установлением народной власти в Польше между СССР и Польшей складываются отношения нового типа, основанные на единстве марксистско-ленинских партий — КПСС и ПНР, рабочего класса, трудящихся обеих стран, опирающиеся, как подчеркивается в советско-польском заявлении от 10 ноября 1976 г., «на общность их классовых интересов, на традиции совместной борьбы за национальное и социальное освобождение, проявившиеся особенно ярко в период революции 1905—1907 гг., Великой Октябрьской социалистической революции, в войне против общего врага — гитлеровского фашизма»⁹.

Дружеские отношения и сотрудничество между советским и польским народами были закреплены в Договоре о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 21 апреля 1945 г., который, как отмечалось в приветственной телеграмме руководителей КПСС и Советского государства руководителям ПОРП и ПНР, «заложил прочный фундамент подлинно братского союза, отношений нового типа, основанных на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма»¹⁰. На этих принципах базируется и обновленный советско-польский договор от 8 апреля 1965 г.

В послевоенные годы, в период восстановления разрушенного во время войны народного хозяйства, в процессе строительства социализма и коммунизма непрерывно расширялось и углублялось равноправное и взаимовыгодное сотрудничество между СССР и Польшей, горячими поборниками которого являлись КПСС и польские рабочие партии, а после их объединения в 1948 г. — ПОРП. В результате упрочились политические связи и единство между КПСС и ПОРП, СССР и ПНР, расширился взаимный

⁹ «Правда», 1976, 16 ноября.

¹⁰ «Правда», 1975, 21 апреля.

обмен опытом социалистического и коммунистического строительства. Широкий размах приобрели экономические связи. Советский Союз предоставлял Польше кредиты, оборудование, сырье, промышленные и продовольственные товары, во многом обеспечивавшие ее потребности. Польша со своей стороны, поставляла СССР необходимые ему машины, топливо, товары широкого потребления.

Успешно развивались научно-техническое сотрудничество, производственное кооперирование и экономическая интеграция обеих стран. СССР и ПНР принимали активное участие в осуществлении экономических и научно-технических мероприятий стран СЭВ, в реализации Комплексной программы экономической интеграции социалистических стран. Широкое развитие получили культурные и научные связи между обеими странами. СССР и ПНР всемерно содействовали упрочению политического единства и сплоченности социалистического содружества, вместе с другими участниками Варшавского Договора принимали меры для укрепления безопасности социалистических стран. КПСС и ПОРП настойчиво боролись за единство и сплоченность мирового коммунистического и рабочего движения. Выступая на международной арене, претворяя в жизнь Программу мира, принятую на XXIV и XXV съездах КПСС, СССР и Польша способствовали ослаблению напряженности в мире, развитию сотрудничества между всеми народами.

«Особенно динамичное развитие советско-польские отношения получили в последние годы, — говорится в советско-польском заявлении от 10 ноября 1976 г., — когда они обогатились новым содержанием, вступили в качественно новый этап. Никогда в прошлом не достигалось такого уровня сотрудничества между СССР и Польшей в области политики, экономики и культуры, взаимодействия по линии партийных, государственных и общественных организаций, общения между населением двух стран»¹¹.

Братское сотрудничество СССР и ПНР во всех областях общественной жизни играет важную роль в прогрессивном развитии советского и польского народов. Л. И. Брежнев, выступая на VII съезде ПОРП, указывал: «Разностороннее советско-польское сотрудничество давно уже стало важным фактором продвижения вперед обеих стран. От пятилетки к пятилетке множатся его результаты, расширяется поле действия.

Мы осуществляем теперь глубокую увязку народнохозяйственных планов, объединяем усилия для решения крупнейших экономических проблем, совместно добиваемся ускоренного развития науки и техники. Все более широким и плодотворным становится обмен опытом социалистического и коммунистического строительства. Бурно растут связи между партийными и общественными организациями, ведомствами, производственными коллективами. Все это ведет к дальнейшему сплочению наших народов, укрепляет у миллионов и миллионов поляков и советских людей чувства настоящего товарищества и братства, взаимной кровной заинтересованности в успехах друг друга»¹².

Высоко оценивается советско-польское сотрудничество и в социалистической Польше. В своем выступлении на XXV съезде КПСС Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, отметив громадные достижения в развитии страны, заявил: «Это итог самоотверженного труда в новых социалистических условиях и, вместе с тем, результат братской дружбы и сотрудничества, нерушимого союза Польши с Советским Союзом»¹³.

В советско-польском заявлении «За дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Польской Народной Республи-

¹¹ «Правда», 1976, 16 ноября.

¹² Л. И. Б р е ж н е в. Ленинским курсом, т. 5. М., 1976, с. 415.

¹³ «Правда», 1976, 26 февраля.

кой, за укрепление дружбы советского и польского народов» от 10 ноября 1976 г. было подтверждено единство взглядов по узловым вопросам дальнейшего развития сотрудничества между КПСС и ПОРП, СССР и ПНР, а также актуальным проблемам международной обстановки и определены меры по углублению связей и дружбы между братскими народами¹⁴.

Большими событиями в жизни советского народа явились принятие новой Конституции СССР — Конституции развитого социалистического общества и празднование 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Эти события вызвали живой отклик у польского народа. Характеризуя братские польско-советские отношения, Э. Герек в докладе на II Всепольской конференции ПОРП 9 января 1978 г. указывал: «Они являются ныне более тесными и многосторонними, чем когда-либо ранее, мы вступаем в высший этап их развития. Новым и особенно ярким подтверждением этого явилось празднование 60-летия Октябрьской революции, участие нашей партийно-государственной делегации в торжествах в стране Советов и массовое празднование в Польше юбилея этого эпохального события»¹⁵.

Важное принципиальное значение для развития советско-польских отношений имеют регулярные встречи руководителей КПСС и ПОРП. Во время встречи, состоявшейся 18 апреля 1978 г. в Москве, Л. И. Брежнев и Э. Герек «с удовлетворением констатировали, что в результате последовательной интернационалистской политики обеих братских партий укрепляется дружба советского и польского народов, возрастает эффективность сотрудничества между ними во всех сферах экономической, политической и культурной жизни»¹⁶. Они подчеркнули необходимость принятия мер по обеспечению мира, ослаблению угрозы ядерной войны, по разоружению, выразили готовность всемерно содействовать укреплению сплоченности международного коммунистического и рабочего движения в борьбе за общие цели¹⁷.

Традиции совместной борьбы народов СССР и Польши за социальное и национальное освобождение, за построение социализма и коммунизма, с которыми неразрывно связаны знаменательные события в истории братских народов, являются их ценным достоянием. «Традиции нашей совместной борьбы, — отмечал Э. Герек в речи на обеде в Кремлевском дворце 9 ноября 1976 г., — живы в классовом и национальном союзе Польши и СССР, в нашей нерушимой дружбе. Из этой дружбы, из идейного единства ПОРП и партии Ленина мы черпаем силы и убежденность в верности избранного нами пути»¹⁸. В процессе строительства социализма и коммунизма эти традиции приумножаются и обогащаются новым содержанием.

¹⁴ «Правда», 1976, 26 февраля

¹⁵ Там же, 1978, 10 января.

¹⁶ Там же 1978, 19 апреля.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, 1976, 10 ноября.

А. Х. КЛЕВАНСКИЙ

К ИСТОРИИ РАСПАДА АВСТРО-ВЕНГРИИ И ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Осенью 1918 г., в самые последние дни первой мировой войны, на обломках Австро-Венгрии, не выдержавшей обостренных или порожденных этой войной глубоких экономических, социально-политических, национальных противоречий и внешнеполитических конфликтов, возник ряд самостоятельных буржуазных государств, одним из которых была Чехословацкая республика. Это был один из результатов величайшего революционного потрясения всей мировой капиталистической системы, эпицентр которого находился в России.

Создание самостоятельного чехословацкого государства явилось историческим рубежом в многовековой освободительной борьбе чешского и словацкого народов против чуженационального гнета. Распад империи Габсбургов под ударом буржуазно-демократической революции (в Чешских землях и Словакии — революции национально-демократической в силу значительного удельного веса ее национально-освободительных задач) явился закономерным следствием предшествующего развития буржуазно-помещичьего «лоскутного» государства. Несмотря на то что начатые еще в середине XIX в. буржуазно-демократические преобразования в основном расчистили дорогу развитию капитализма, в начале XX в. Австро-Венгрия, в состав австрийской части которой входили Чешские земли, а венгерской — Словакия, являлась государством того типа, где пережитки монархического абсолютизма, крупное землевладение и политические привилегии дворянства, подавление национальностей серьезно тормозили весь общественный прогресс.

Это предопределило ее относительную отсталость, сравнительно низкий уровень развития производительных сил и обрекало на роль второразрядной империалистической державы. Неравномерность экономического и социально-политического развития разношерстного конгломерата австро-венгерских земель, сложившегося в основном еще во время средневековья, резко обострилась с наступлением эпохи империализма. Новая эпоха вместе с тем характеризовалась расширением и обострением социального и национального гнета, усилением реакционных тенденций со стороны господствующих классов и привилегированных наций. Именно поэтому в условиях Австро-Венгрии обострившиеся социальные конфликты по-прежнему нередко выступали в форме национальных противоречий. Австро-Венгрия относилась к той группе государств, в которых XX век особенно развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу. Тенденцией национальных движений являлось создание самостоятельных национальных государств или государств с

близким, родственным национальным составом. Однако в условиях Австро-Венгрии эти тенденции проложили себе путь далеко не сразу и отнюдь не прямолинейно. Экономически усилившаяся чешская буржуазия претендовала на «равные возможности» с австро-немецкой и венгерской на всем обширном австро-венгерском рынке. Она стремилась к расширению своего политического влияния, и не только в национальных масштабах, готовилась к роли политического лидера всего неполноправного славянского большинства империи. Вместе с тем во внутренних условиях существования этой, одной из экономически наиболее развитых наций страны (т. е. прежде всего с точки зрения развития капитализма) до определенного времени не было факторов, могущих вызвать взрыв, серьезную борьбу за самостоятельную государственность¹. С точки же зрения внешнеполитической, существовала реальная угроза поглощения прежде всего более сильной и агрессивной Германией. Таким образом, создавалось чрезвычайно своеобразное положение, когда именно в интересах национальной самостоятельности чехи стремились к сохранению целостности Австрии, и на лицо была тенденция к превращению дуалистического государства в триалистическое — австро-венгро-славянское².

Концепция сохранения преобразованной «сильной и справедливой» Австрии, как «надежного убежища» от германской экспансии, вплоть до мировой войны определяла основную линию чешской буржуазной политики. Лишь в самый канун войны в связи с все более явным усилением процесса экономического и политического подчинения Австро-Венгрии Германией возникают проекты возможного решения чешского (и словацкого) вопроса вне империи Габсбургов. Один из них связывал будущую судьбу чешского и словацкого народов с царской Россией путем создания объединенного с ней личной унией автономного Чешского королевства (с включением в него Словакии и некоторых других славянских и неславянских земель), другой предусматривал образование самостоятельного чешского государства в системе малых буферных государств между Германией и Россией под эгидой Англии. Что же касается слабой как экономически, так и в еще большей степени политически словацкой буржуазии, то она не представляла собой до поры до времени сколько-нибудь серьезного конкурента венгерским господствующим классам. В венгерской части монархии политика насильственной мадьяризации была возведена в ранг государственного принципа. Здесь фактически не существовало минимально необходимых условий для легальной политической организации словацкого национального движения. И хотя национальный гнет стал одним из самых серьезных факторов, тормозивших социально-экономическое, политическое и культурное развитие словацкой нации, в национальном движении принимали участие практически узкие круги национальной буржуазии и интеллигенции, выдвигавшие ограниченные требования, связанные с решением главным образом культурно-языковых проблем. Даже самые радикальные проекты не шли дальше автономии в рамках Венгрии или вне ее, но в рамках федерализованной империи Габсбургов путем административного объединения Словакии с Чешскими землями.

В условиях, когда новая эпоха, эпоха империализма, усилила тенденцию к внутренней реакции со стороны господствующих классов и привилегированных наций, а с другой стороны, обострила и усилила освободительную борьбу угнетенных классов и неполноправных народов, особенно возросла роль рабочего класса и ответственность его партии. Еще на заре

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 270.

² Там же, с. 270—271.

своего зарождения в 1874 г. австрийская социал-демократия зафиксировала в своей программе двустороннюю задачу пролетарской классовой политики в национальном вопросе, основанной на признании свободного самоопределения наций и необходимости политического единства пролетариев без различия национальной принадлежности. В 1899 г. в специальной резолюции по национальному вопросу съезд австрийских социал-демократов в Брно выдвинул требование преобразования империи в демократическое союзное многонациональное государство, в основе которого лежал принцип территориальной автономии. Однако ревизионизм и оппортунистическая, реформистская практика, возобладавшая в австрийском рабочем движении в начале XX в., привели к тому, что брненская программа, формально оставшаяся в силе, на деле стала прикрытием другой, мелкобуржуазной, националистической концепции, выраженной в программе так называемой культурно-национальной автономии, раскалывавшей пролетариат, лишавшей его союзников в борьбе за преобразование общества. Следствием фактического отказа от марксистского подхода к национальному вопросу явился сепаратизм, вся та, по выражению Ленина, мерзость национализма, тот «австрийских дух»³, который, внедряясь в рабочее движение, ослаблял его, отвлекал многонациональный пролетариат страны от последовательной борьбы за демократические преобразования и социалистические идеалы. Что же касается венгерской социал-демократии, составной частью которой являлась словацкая, то она фактически вообще не имела своей национальной программы. Зафиксировав в своих программных установках лишь требование о «полном равноправии для всех национальностей страны», она на деле никогда даже формально не признавала права наций на самоопределение. Оппортунизм в рядах австро-венгерского рабочего движения шел об руку с великодержавным шовинизмом господствующих наций, питая национализм наций угнетенных. Нет ничего удивительного, что в этих условиях в рядах рабочего движения, особенно неполноправных наций, широкое распространение получили и нигилистические взгляды на национальный вопрос, попытки представить все национальные движения в период империализма, как мешающие общей борьбе, бесперспективные, не несущие в себе революционного потенциала. Налицо было все более открытое сотрудничество отдельных национальных социал-демократических партий со «своей» буржуазией, все более глубокое проникновение буржуазной идеологии в рабочее движение, усиление буржуазного влияния на все национальные отряды рабочего класса страны. Все это не могло не сказаться и действительно сказалось в годы мировой войны, когда в действие вступили факторы, предопределившие возникновение серьезных, массовых национально-освободительных движений угнетенных народов Австро-Венгрии.

Сотнями тысяч убитых и искалеченных на фронтах, умерших от недоедания и болезней в тылу заплатили трудящиеся Австро-Венгрии за кровавую авантюру своих правителей. Ненавистный режим империи Габсбургов, ее правительство стали теперь для самых широких слоев чешского и словацкого народов воплощением всех несчастий, связанных с войной, цели которой были им абсолютно чужды, хотя они не сознавали еще ни ее действительных причин, ни ее империалистического характера.

Военно-полицейский террор, усиление капиталистической эксплуатации и национального гнета вызвали глухое брожение, а затем и стихийное сопротивление. В первые годы войны этот протест выражался в Чешских землях преимущественно в саботаже организуемых властями патриотических манифестаций, стихийных демонстрациях в связи с недостатком продо-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 162.

вольствия, разрозненных экономических стачках, дезертирстве, волнениях при отправке чешских солдат на фронт и добровольной сдаче в плен не только одиночек, но и целых подразделений. Такой характер проявления антивоенных и антигабсбургских настроений в значительной степени являлся следствием позиции, занятой чешскими, а также словацкими политическими партиями.

Практически все ведущие чешские и словацкие буржуазные партии выступили в начале военных действий с заявлениями о лояльности по отношению к династии и империи, ведущей «оборонительную войну». Поддержка военных усилий монархии и пассивное, осторожное противодействие великогерманским и мадьяризаторским тенденциям ее правящих кругов — вот что характеризовало поведение буржуазных партий в эти годы. Это не могло не деморализовать массы чешского и словацкого населения и было фактически на руку милитаристским силам. Позиция, занятая социал-демократией, в свою очередь объективно сыграла ту же роль. Она лишь заявила, что «снимает с себя ответственность за развитие событий». Призвав к «гражданскому миру» и лояльности по отношению к государству, социал-демократические партии свернули всякую политическую работу в массах, пассивно выжидая, когда, как гласило, например, одно из заявлений руководства Чехославянской социал-демократической рабочей партии, «в результате победоносного завершения военных операций нашего государства и начала мирных переговоров вновь настанет время политической деятельности»⁴.

Несмотря на демонстративную лояльность буржуазных и реформистских политических организаций, предотвратить жесточайшие репрессии, обрушенные правительством после успешных военных операций весной 1915 г. на все без исключения слои чешского и словацкого народов, не удалось.

Развитие событий все нагляднее свидетельствовало, что победа Централных держав приведет лишь к кардинальному подрыву экономических и политических позиций чешской и словацкой буржуазии, ибо с каждым годом войны все более явственной становилась экономическая, политическая и военная слабость монархии. Реальной становилась перспектива не только ее полного подчинения, но и поглощения милитаристской Германией. Нависла угроза самому существованию чешской и словацкой наций. Создавались объективные условия для возникновения общенационального, общедемократического освободительного движения. Возникла почва для консолидации в подполье и эмиграции оппозиционных, антиавстрийских чешских и словацких политических течений и группировок. Их активность возрастала по мере ухудшения экономического и военнополитического положения монархии и роста стихийного антивоенного, социального и национально-освободительного движения масс.

Различная внешнеполитическая ориентация антиавстрийских группировок чешских и словацких буржуазных и реформистских политиков, делавших ставку на победу держав Антанты и рассчитывающих с их помощью добиться в той или иной форме создания чешского (позднее чехословацкого) государства, в определенной степени отражала противоречия внутри этого империалистического блока, а также экономические и политические интересы и амбиции различных кругов чешских и словацких господствующих классов. Одни из них ориентировались на царскую Россию, другие — главным образом на западных ее союзников. Правящие круги России, с одной стороны, Франции, Англии, а затем и США, с другой, стремились к созданию под своей эгидой руководящих политических центров чехословацкой эмиграции, к установлению контактов с антиавстрийской оппозицией

⁴ Цит. по: «История Чехословакии», т. II. М., 1959, с. 236.

внутри страны. В России был создан Союз чехословацких обществ, в Париже — Чешский заграничный комитет (позднее Чехословацкий национальный совет). Каждый из них претендовал на роль главного и единственного выразителя надежд и чаяний чешского и словацкого народов.

Между тем ликвидация Австро-Венгрии не входила первоначально в военные планы западных держав Антанты. Царское правительство, хотя, очевидно, не исключало этой возможности, никогда официально не выступало с такой программой. Ни одна из держав Антанты и не помышляла о предоставлении независимости неполноправным народам страны, но всеми силами стремилась использовать национальные противоречия, симпатии и антипатии, движения для ослабления Австро-Венгрии, отрыва ее от Германии, вывода из войны. Именно поэтому так долго тщетными оставались все попытки эмигрантских центров добиться признания их национальных требований и программ от правительств держав Антанты.

На рубеже 1916—1917 гг. в политике воюющих государств намечился поворот от империалистической войны к империалистическому миру. Этот поворот был вызван истощением обеих воюющих коалиций, страхом господствующих классов во всех воюющих странах перед растущим массовым недовольством войной, голодом, социальным и национальным гнетом. Глухое брожение измученных «низов», неуверенность в завтрашнем дне всех правительств свидетельствовали о том, что в Европе складывается революционная ситуация.

В Австро-Венгрии, которая вслед за Россией являлась наиболее слабым звеном в мировой системе капитализма, признаки приближающегося революционного кризиса были особенно заметны. Голодные волнения охватывают практически всю страну, становятся массовыми, забастовочное движение, хотя и носит по-прежнему преимущественно экономический характер, перебрасывается даже на милитаризованные предприятия, растет сопротивление крестьянства насильственным реквизициям продовольствия, ширится дезертирство, активизируются буржуазно-националистические течения среди угнетенных меньшинств. Кризис политики «верхов» проявился и в демагогической программе «справедливого» мира, выдвинутой зимой 1916 г., и в частой смене правительств, и в вынужденном обещании возобновить деятельность парламента, и в попытках достижения компромисса с представителями господствующих классов неполноправных народов, освобождении из тюрем их лидеров и других попытках «либерализировать» внутривнутриполитическую жизнь страны. Используя это, осенью 1916 г. чешские буржуазные и реформистские политики создали политические координационные органы — Чешский союз (объединение представителей парламентских клубов девяти крупнейших чешских политических партий в Вене) и Национальный комитет (из представителей семи буржуазных партий в Праге). Вхождение социал-демократии в «шадпартийный» Чешский союз означало ее официальное вступление на путь сотрудничества с буржуазными партиями на основе их расплывчатой и более чем ограниченной программы достижения «всех прав чешской нации» в рамках «сохраненной и упроченной» империи и под скипетром династии Габсбургов⁵.

Уже первые известия о свержении царизма в России послужили мощным ускорителем подспудно назревавшего в Австро-Венгрии взрыва массовой борьбы всех недовольных и угнетенных. Забастовочное движение рабочего класса стало становым хребтом революционного подъема. Даже по неполным официальным данным в 1917 г. в Австрии количество рабочих, участвовавших в стачках, возросло в семь раз по сравнению с двумя

⁵ Там же, с. 256.

предшествовавшими годами войны. Большинство стачек приходилось на Чешские земли.

Таким образом, основной движущей силой массовых выступлений с весны 1917 г. становится рабочий класс, все настойчивей и энергичней выдвигавший не только экономические, но и политические требования антивоенного и общедемократического характера. Переплетение экономических и политических требований свидетельствовало, что выступление трудящихся принимало революционный характер. Именно чешские рабочие в своем обращении к Чешскому союзу и Национальному комитету накануне открытия заседаний рейхсрата потребовали «создания самостоятельного чехословацкого государства, опираясь на великую идею русской революции и право на самоопределение всех наций Европы»⁶.

Национально-освободительное движение чешского народа В. И. Ленин считал одним из многих признаков вызванного войной кризиса империализма⁷. В. И. Ленин обосновывал и доказывал полную возможность в случае истощения великих держав, обострения противоречий между ними и особенно в условиях победы революции в каком-нибудь из крупных государств, например в России, победоносных национальных движений, войн малых наций, осуществимость создания национально-независимых государств, в частности чешского, даже в условиях сохранения мировых империалистических отношений⁸.

Исторической задачей рабочего класса и его политического авангарда в этих условиях было объединение под своим руководством различных потоков освободительного движения, подготовка и осуществление объективно назревшего революционного переворота во всех сферах общественных отношений. Отсутствие единой революционной марксистской партии трудящихся всех наций страны, по плечу которой только и была эта задача, предопределило то обстоятельство, что развитие событий здесь не пошло по этому наиболее прямому и безболезненному пути.

Социал-демократические партии Австро-Венгрии, разъединенные оппортунизмом, потерявшие революционную перспективу, разобщенные пустившим глубокие корни в рабочем движении буржуазным национализмом, не были способны к борьбе за руководство движением. Они отдавали инициативу национальной буржуазии, которая, по словам В. И. Ленина, вынуждена была становиться на почву революции, ибо другой почвы под ногами не было. И делала она это не потому, что была революционной, а несмотря на то, что не была революционной⁹. Обстоятельства вынуждали чешскую буржуазию все более активно выступать под флагом радикального национализма, если она не хотела потерять все. Ибо война вызвала социальные и национальные конфликты такой разрушительной силы, которые поставили под угрозу не только существование двуединой монархии, но и сами основы капиталистического строя в этой части Европы.

Летом 1917 г. Чешские земли и Словакия были охвачены новой волной забастовок и демонстраций. Растерянное правительство, метавшееся от уступок к репрессиям, бросило против трудящихся войска. Взрыв возмущения чешского пролетариата, с невероятным зверством подавленный летом 1917 г., был, по словам Ленина, наряду с выступлением рабочих в Италии и восстанием в германском флоте — наиболее ярким и неоспоримым признаком нарастающей всемирной революции¹⁰.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России дала

⁶ «История Чехословакии», с. 267.

⁷ В. И. Л е н и н. Там же, т. 30, с. 52.

⁸ Там же, с. 8, 105.

⁹ Там же, т. 11, с. 116.

¹⁰ Там же, т. 34, с. 385.

мощный стимул освободительной борьбе народов империи Габсбургов, оказала прямое и непосредственное воздействие на радикализацию лозунгов, форм и методов этой борьбы, создала благоприятные международно-политические условия для ее успеха. Под влиянием Октября движение масс приобрело такой размах, справиться с которым правящие круги Австро-Венгрии оказались уже не в силах.

Монархия Габсбургов была парализована непрекращающимися массовыми политическими выступлениями, всеобщими (январь 1918) или почти всеобщими (июнь 1918) забастовками, целой цепью подавлявшихся и вновь вспыхивавших восстаний в армии и флоте, этой последней опоре абсолютизма. Правительство металось в поисках выхода, отличаясь, по словам В. И. Ленина, «той же беспомощностью, той же дикой растерянностью, той же полной потерей головы, которой отличалось в свое время, к концу февраля 1917 года, правительство Николая Романова»¹¹.

Именно внутренний фронт стал теперь главным и самым опасным для правящих кругов. Уже январская всеобщая политическая забастовка 1918 г. и непосредственно связанное с ней восстание военных моряков показали возможность объединения пролетарской борьбы с антивоенным и национально-освободительным движением, наличие объективных условий для выхода из войны революционным путем объединенными усилиями трудящихся всех наций страны, для создания нового, последовательно-демократического многонационального государства, подобного тому, которое возникало на развалинах царской России.

То, что возможность такого развития событий не была превращена в действительность и дальнейшая борьба трудящихся проходила в условиях все более значительной национальной разобщенности, при гегемонии национальной буржуазии, в значительной степени было следствием позиции, занятой в этот момент социал-демократией. Соглашательская политика австрийской и венгерской, раскольническая — чехославянской — продлили агонию империи, но не предотвратили ее развала.

Чешская буржуазия, опасаясь последствий стихийно растущего массового движения, возможных социальных потрясений, постепенно переходит на платформу необходимости выхода из состава Австро-Венгрии, создания самостоятельного государства с помощью и под эгидой западных держав Антанты, платформу, которую пропагандировал в эмиграции Т. Г. Масарик и возглавляемый им Национальный совет. Именно в это время, из-за неудачи переговоров Антанты с Габсбургами о сепаратном мире, но главным образом в связи с антисоветским мятежом чехословацкого корпуса в России, буржуазная эмиграция добилась некоторых дипломатических успехов. Франция признала Национальный совет «в качестве первой основы будущего чехословацкого правительства», а Англия — «представителем» будущего чехословацкого правительства.

Все это открывало перспективу дальнейшего упрочения руководящей роли национальной буржуазии, сулило возможность ограничить влияние «низов», «улицы» на процесс создания нового государства, а следовательно и на его форму и на его характер. Вместе с тем буржуазные политики вынуждены были в этот период наряду с выдвиганием радикальных национальных лозунгов прибегнуть и к социальной демагогии, обещая проведение демократических реформ, создание государства «социальной справедливости».

Реорганизованный летом 1918 г. Национальный комитет, включавший теперь представителей всех чешских буржуазных партий и социал-демок-

¹¹ Там же, т. 37, с. 152.

ратии, выступил с заявлением, что его целью является создание демократического и суверенного чехословацкого государства.

Осенью 1918 г., когда стало ясным, что предотвратить военное поражение и неминуемый крах монархии уже невозможно, австрийские власти начали поспешный вывоз продовольствия, промышленного оборудования и железнодорожного парка из Чешских земель. Это вызвало возмущение всех слоев населения. Начатая 14 октября забастовка протеста превратилась в массовое политическое выступление, которое далеко переросло рамки, первоначально намеченные Национальным комитетом. Во многих городах происходили стычки с войсками и полицией, демонстранты срывали австрийские гербы, провозглашали создание Чехословацкой республики. В ряде мест на массовых митингах выдвигалось требование создать социалистическую республику. С этого времени центральное правительство фактически уже не контролировало обстановку в Чешских землях. Власти вынуждены были пойти на переговоры с Национальным комитетом с тем, чтобы предотвратить «большевистскую революцию», провести отделение Чешских земель в обстановке «спокойствия и порядка». Всеобщая забастовка фактически предопределила и республиканскую форму будущего государства.

28 октября, когда стало известно о готовности австрийского правительства принять мирные условия союзников, народ вновь вышел на улицы Праги. Буржуазным политикам стало ясно, что медлить, дожидаясь прихода войск Антанты или окончательного согласия Габсбургов на отделение Чешских земель, больше нельзя. Национальный комитет поспешил провозгласить создание самостоятельного чехословацкого государства. 30 октября в Турчанском Мартине Словацкий национальный совет, созданный в конце сентября по образцу пражского Национального комитета, высказался за самоопределение на основе полной независимости «единой чехословацкой нации», частью которой в языковом и культурно-историческом отношении является нация словацкая¹².

Гегемония буржуазии в национально-демократической революции предопределила то, что новая республика стала государством диктатуры чехословацкого финансового капитала.

Чехословацкая республика возникла в эпоху монополистического капитализма, в условиях первого этапа его общего кризиса, раскола мира на две противоположные общественно-политические системы. Общие закономерности, характерные для мировой системы капитализма, составной частью которой являлась эта республика, обуславливали все основные черты и тенденции ее развития в течение двадцати лет.

После 1918 г. в чехословацкой экономике основные черты империализма начинают выступать более явственно, хотя в силу определенных внешних и внутренних обстоятельств не все они получают одинаково полное развитие. Монополии, главным образом в виде банковских концернов, подчиняют себе всю хозяйственную жизнь страны. $\frac{3}{4}$ ее промышленного производства оказывается сосредоточенным в руках монополистических объединений. Хотя вывоз товаров по-прежнему играл главную роль, с каждым годом все более существенное значение приобретал вывоз капитала за границы республики. Чехословацкие монополии активно участвовали в международных объединениях капиталистов, хотя и занимали в них подчиненное положение.

Неравномерность экономического развития отдельных районов республики не только не была преодолена, но и еще более углубилась. Словакия и Закарпатская Украина неуклонно превращались в аграрно-сырьевые придатки промышленно развитых Чешских земель. Углубилась и диспро-

¹² Цит. по: «История Чехословакии», т. III. М., 1960, с. 38.

порция между различными отраслями промышленности. Циклические кризисы перепроизводства дважды за межвоенный период до самых основ сотрясали экономику страны. Государственно-монополитические тенденции, существовавшие с самого начала создания нового государства, стали особенно заметными в годы мирового экономического кризиса 30-х годов и после него. В целом новая республика, прежде всего в связи с ростом неустойчивости всей системы мирового капиталистического хозяйства, обострением борьбы за рынки сбыта и сырья, а также специфическими трудностями, связанными со становлением относительно небольшого промышленно развитого капиталистического государства, большая часть промышленной продукции которого предназначалась на экспорт, а сырье в основном импортировалось, не создала условий для сколько-нибудь значительного развития производительных сил или какого-либо упрочения стабильности экономики. Даже в лучшие годы производственные мощности использовались только на 75%. Темпы среднегодового прироста промышленного производства не превышали 1,4%¹³.

Несмотря на то, что под нажимом трудящихся в Чехословацкой республике были узаконены 8-часовой рабочий день, более благоприятная, чем ранее, система социального обеспечения, осуществлено частичное перераспределение земельной собственности, радикального улучшения материального положения рабочих, крестьян и других слоев трудового населения не произошло.

Реальная зарплата чехословацких рабочих, даже в годы благоприятной конъюнктуры, была в несколько раз ниже, чем в других промышленно развитых капиталистических государствах. 2/3 рабочих не могли обеспечить даже официального прожиточного минимума своих семей. Особенно низким был жизненный уровень рабочих в Словакии и на Закарпатской Украине. Даже по официальным данным число полностью безработных не опускалось ниже 36,6 тыс., а в кризисные годы поднималось до 738,3 тыс. человек. Действительное число безработных было значительно выше, и безработица поистине являлась постоянным и массовым бедствием.

Аграрная реформа не удовлетворила земельного голода основной массы трудового крестьянства, но резко усилила закабаление деревни финансовым капиталом. Год от года росла задолженность мелких и средних крестьянских хозяйств. Десятки тысяч мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих, особенно из Словакии и Закарпатской Украины, ежегодно уезжали на заработки в другие страны, сотни тысяч навсегда эмигрировали из страны.

В Чехословакии существовала развитая политическая система буржуазной демократии, пожалуй, наиболее демократический фасад буржуазного строя в этой части Европы, что было прямым следствием национально-демократической революции. Именно то, что это была революция, пробудившая к активной политической жизни широкие слои народа, что ее главной движущей силой был рабочий класс, что поднялась она под воздействием примера победоносной социалистической революции в России, в условиях революционного подъема в Европе, вынудило пришедшую к власти буржуазию не только прокламировать, но и осуществить ряд демократических преобразований. Были ликвидированы монархическая форма правления, сословные привилегии, законодательно закреплены республиканские и парламентские институты. Конституция декларировала равенство граждан независимо от происхождения, языка, расы или вероисповедания, неприкосновенность личности, жилища, частной переписки, свободу союзов, собраний, печати и т. д. Вместе с тем конституция

¹³ «50. výročí Československé republiky», II sv. Praha, 1968, s. 93.

не только не гарантировала демократические права, но путем разнообразных оговорок, исключений, изъятий создавала препоны для использования их прежде всего трудящимися, а «в случае чрезвычайных обстоятельств» давала возможность властям решительно их ограничить, фактически свести на нет.

Создание Чехословацкой республики ликвидировало реальную угрозу денационализации (онемечивания, мадьяризации) чехов и словаков. Открылись неизмеримо более широкие перспективы для развития их национальной культуры. Но возникшее многонациональное буржуазное государство не могло ликвидировать фактического неравноправия наций, предотвратить острые межнациональные противоречия и конфликты.

Отражением сложившегося соотношения классовых сил, результатом упорной борьбы трудового народа была общая демократизация общественно-политической жизни, создание значительно более благоприятных, чем ранее, условий, для развития рабочего движения, для организации и воспитания пролетариата. Профессиональные союзы Чехословакии охватывали 40—45% всех рабочих и служащих и около 50% всех рабочих страны. Существовала и широкая сеть прогрессивных общественно-политических организаций рабочей молодежи, творческой интеллигенции, служащих, женщин, студенчества. Легально действовала массовая революционная партия рабочего класса всех наций республики — Коммунистическая партия Чехословакии. А это имело важное не только внутриполитическое, но и международное значение, ибо, как подчеркивалось в одном из посланий Исполкома Коминтерна, в массах чешских и словацких рабочих лежал «не только центр тяжести революции в Чехословакии, но и центр тяжести революции во всей Юго-Восточной Европе»¹⁴.

Буржуазная демократия, даже в ее наиболее развитых формах, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, остается формальной, узкой, лицемерной, исторически ограниченной, а в эпоху империализма для нее характерны тенденции к реакции, к регрессу, к свертыванию демократических прав и свобод. На примере буржуазно-демократической Чехословакии это прослеживается чрезвычайно наглядно.

В республике действовало несколько десятков политических партий и группировок, что являлось отражением ее сложной социальной и национальной структуры. Вместе с тем такая «плюралистическая» политическая система создавала широкую возможность манипуляции общественным мнением, облегчала политическое маневрирование той правящей группировке, которая представляла наиболее общие интересы господствующих классов и их наиболее влиятельных и искусственных политических лидеров. Эта, возглавляемая сначала президентом Т. Г. Масариком, а затем Э. Бенешем так называемая группа Града не имела своей собственной массовой политической организации, но ее более или менее многочисленные сторонники находились почти во всех буржуазных и реформистских партиях. Усиленно насаждаемые и поддерживаемые средствами идеологического воздействия иллюзии о «надклассовости», «надпартийности» «группы Града» помогали ей выполнять ее роль политического генерального штаба¹⁵ чехословацкого финансового капитала.

Руководящей верхушкой «группы Града», чем-то вроде тайного государственного совета стала созданная по инициативе Масарика в начале 20-х годов так называемая Новая мафия. В нее входили крупнейшие банкиры, промышленники, торговцы, лидеры влиятельных буржуазных и реформистских партий. Роль фактического, «теневого» правительства

¹⁴ «Založení Komunistické strany Českoslovencka», sb. dok. Praha, 1954, s. 96.

¹⁵ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. 1. Praha, 1951, s. 292.

выполнял другой политический орган — так называемая «пятерка», состоявшая из руководителей крупнейших партий, составляющих правительственную коалицию или временно находившихся в оппозиции (в 1926 г. она была превращена в «восьмерку»).

Таким образом, были созданы неконституционные, закулисные гибкие органы действительной власти, наиболее полно удовлетворявшие интересы господствующих классов. Вот почему все двадцать кабинетов, сменявшие друг друга в межвоенные годы, вне зависимости от того, как они именовались — правительствами ли «общенациональной», «красно-зеленой», «господской», «международной» или «чехословацко-немецкой» коалиции — и тем более так называемые беспартийные, чиновничьи правительства являлись лишь заменой фасада, прикрывавшего господство чехословацкого финансового капитала.

Уже в начале 20-х годов господствующие классы республики встали на путь прямого ограничения демократических прав и свобод. В 1923 г. был принят закон «Об охране республики», предоставлявший властям неограниченные возможности преследовать оппозиционные, прежде всего прогрессивные, организации и печать. В 1924 г. был ограничен парламентский иммунитет, принят реакционный закон о печати. Во второй половине 20-х годов в нарушение конституции были лишены избирательных прав военнослужащие, существенно ограничены избирательные права населения при выборах в местное самоуправление, расширены полномочия полицейско-бюрократических органов. Серия «чрезвычайных законов» 30-х годов давала правительству право «для сохранения общественного спокойствия и порядка» действовать, не считаясь с конституцией. Все более настойчиво звучали в буржуазном лагере голоса, ратующие за коренную ревизию конституции, избирательной системы, установление открытой диктатуры правительства «сильной руки».

Создание на развалинах полуфеодальной империи Габсбургов буржуазно-демократической Чехословацкой республики было исторически прогрессивным явлением. Однако оно не решило объективно назревших задач социального раскрепощения трудящихся, не ликвидировало национальных противоречий, не смогло сколько-нибудь прочно обеспечить государственную самостоятельность чехов и словаков. Чехословацкое буржуазное государство вступило на международную политическую арену как младший партнер империалистических держав Антанты. Его вооруженные силы приняли активное участие в антисоветской интервенции Антанты и США, в подавлении Венгерской и Словацкой советских республик. Версальская система мирных договоров, на которую опиралась буржуазная Чехословакия, таила в себе зародыш новых конфликтов и войн, и, как показали дальнейшие события, не могла на длительное время обеспечить ее безопасность. Буржуазная Чехословацкая республика стала разменной монетой в преступной игре крупных империалистических держав. Подорванная внутренней реакцией она стала жертвой агрессии фашистской Германии.

Шесть десятилетий отделяют нас от времени образования Чехословацкой республики. Три десятилетия — от тех исторических дней, когда возрожденная республика встала на путь строительства социализма. Только победа социализма принесла трудящимся Чехословакии действительную свободу. Только могучее содружество социалистических государств, прочным звеном которого является Чехословацкая социалистическая республика, гарантирует ее народам действительную независимость, возможность жить в мире и заниматься созидательным трудом.

А. КИРШЕВСКАЯ

К ВОПРОСУ О КЛАССОВОМ ХАРАКТЕРЕ КОНФЛИКТА В БОЛГАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На рубеже двух веков Болгарию потрясли события, подобных которым она не знала со времен борьбы против турецкого ига. Недовольство крестьян, нараставшее подспудно в течение длительного времени, вылилось в 1899 и 1900 гг., в связи с подготовкой и принятием закона о натуральной десятине в открытые противоправительственные выступления. По всей стране прокатилась волна бурных митингов протеста. Дело дошло до вооруженных столкновений крестьян с полицией. Правительство ввело в ряде округов военное положение, помимо полиции двинуло против крестьян регулярные войска. Выступления крестьян были потоплены в крови. Однако уже в следующем году кабинет радославистов пал. Закон о десятине был отменен. Названия сел Дуранкулак, Шабла, Трыстеник, где борьба достигала наибольшей остроты, остались в народной памяти как символы мужества и самоотверженности.

Первую марксистскую характеристику событий дал по их горячим следам основатель Болгарской коммунистической партии Д. Благоев¹. Изучению сельских волнений 1899—1900 гг. посвящена обширная литература. Помимо обобщающих трудов и монографий, в которых данному сюжету уделено более или менее значительное внимание², он рассматривается также в ряде специальных исследований³.

¹ Д. Благоев. Съчинения, т. 6, с. 301—310, 333—335, 365—366, т. 11, с. 361—362.

² «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971, с. 73; «История България», т. I. М., 1954, с. 428—429; «История на България», изд. 2-е, т. 2. София, 1962, с. 148—149; К. Кожухаров. Селското стопанство в България при капитализма. София, 1959, с. 47; П. Кунин. Аграрно-селският въпрос в България от Освобождението до края на първата световна война. София, 1971, с. 60—72.

³ Л. Бешков. Селските вълнения и бунтът на добруджанските селяни при Дуранкулак 1900 г. София, 1970, с. 69; Д. Косев. Селското движение в България в края на XIX в. Основаването на БЗНС и отношението на БРСДП към селския въпрос. «Исторически преглед». София, 1949, кн. 5, с. 549—586; Б. Матеев. Селското движение против десятъка в Бургаски окръг през 1899 и 1900 г. «Известия на държавните архиви», София, 1958, т. 2, с. 36—89; В. Топалов. Основание на Болгарския Земеделски съюз. «Известия на Института за история», т. 8. София, 1960, с. 153—205; е г о ж е. Отношението на социалистите към движението против натуралния десятък през 1899—1900 г. Там же, т. 18. София, 1967, с. 53—87; е г о ж е. Политическа дейност на Болгарския Земеделски съюз през 1900 и 1901 г. Там же, т. 10. София, 1962, с. 61—118; Х р. Х р и с т о в. Селските вълнения и бунтове 1899—1900, София, 1962, с. 65; Кр. Шарова. Селските вълнения против десятъка в Русенско през 1900, «Исторически преглед», София, 1957, кн. 4, с. 3—44.

Фактическая сторона событий вырисовывается в этих работах на большом документальном материале с достаточной полнотой. Можно считать установленным также, что борьба против закона о десятине, высшей точкой которой были крестьянские выступления, охватила широкие слои болгарского народа и явилась выражением глубокого конфликта, назревшего в стране. Однако в оценке классового характера этого конфликта нет полного единства.

Академик Д. Косев, первым обстоятельно исследовавший вопрос, писал: «...закон о десятине задел интересы всего крестьянского населения, но больше всего — малоимущих и мелких крестьян, которые своим участием дали движению массовый, напряженный и угрожающий, бунтарский характер»⁴. Аналогичная оценка дана в I томе «Истории Болгарии»⁵ и во II томе «История на България»⁶. Б. Матеев отмечал, что от введения десятины больше всего страдали беднейшие крестьяне⁷. В монографии П. Кунина подчеркивается, что «...это было движение сельских пролетариев, мелких и основной массы средних крестьян...»⁸. В. Топалов считает, что безземельные крестьяне не были заинтересованы в борьбе против десятины⁹.

Но есть сторонники и более широкого толкования круга участников борьбы. По мнению Кр. Шаровой, «...в движении против десятины участвовали и ростовщики»¹⁰. Академик Хр. Христов считает, что «...введением десятины были недовольны и некоторые представители торговой буржуазии — торговцы зерном и мукой, а также собственники больших мельниц». В число недовольных он включает также богатых крестьян и крупных землевладельцев, которые «...во многих случаях были сельскими лавочниками, трактирщиками, ростовщиками и скупщиками урожая на корню» и «...большую часть своих земель сдавали в аренду исполу и из третьей части»¹¹. Такой же точки зрения придерживается и Л. Бешков¹².

Данное расхождение привлекает самое серьезное внимание.

Где же в действительности пролегал раздел между борющимися в стране силами? Ответ на этот вопрос имеет тем более важное значение, что он прямо и непосредственно связан с вопросом об истоках идеологии Болгарского земледельческого союза на раннем этапе его развития¹³.

Закон о натуральной десятине (сдаче государству в качестве налога $\frac{1}{10}$ части урожая) принимался после освобождения Болгарии не впервые. Он действовал в 1880—1882 гг. и в 1889—1892 гг., каждый раз значительно усиливая налоговое бремя на крестьянство.

⁴ Д. К о с е в. Там же, с. 562—563.

⁵ «История Болгарии», т. I. М., 1954, с. 429.

⁶ «История на България», т. II, София, 1962, с. 148.

⁷ Б. М а т е е в. Там же, с. 39.

⁸ П. К у н и н. Там же, с. 66.

⁹ В. Т о п а л о в. Основание на Българския земеделски съюз, с. 162.

¹⁰ Кр. Ш а р о в а. Там же, с. 42.

¹¹ Хр. Х р и с т о в. Там же, с. 32.

¹² Л. Б е ш к о в. Там же, с. 18.

¹³ Основанный в декабре 1899 г. Земледельческий союз не был и не мог быть организатором крестьянских выступлений, как это утверждает К. Кожухаров (см. К. К о ж у х а р о в. Българските селяни по пътя на прогреса и социализма. София, 1949, с. 75—76; е г о ж е. БЗНС в миналото и днешните задачи. София, 1956, с. 38). Большинство исследователей доказано, что эти выступления были чисто стихийными. Отсюда, однако, никак не следует, будто Земледельческий союз не имел к ним отношения. Его низовые организации активно в этих выступлениях участвовали. Сам Земледельческий союз питался крестьянскими настроениями, получал в них свою силу и направление. Особенно ярко это подтверждается первой печатной работой будущего вождя и идеолога Земледельческого союза А. Стамболийского «Глас из земеделска среда», выпущенной в Пловдиве в 1900 г.

Подготовка и принятие закона о десятинах в 1899—1900 гг. проходили в особых условиях. Сельское хозяйство Болгарии находилось в состоянии затяжного кризиса. Процесс концентрации земельной собственности, прослеженный с его начальных стадий Д. Благоевым¹⁴, не приводил в обстановке общей стелалости экономики страны к созданию крупного капиталистического сельского хозяйства. Этот факт подтверждается, в частности, и современной событиями экономической литературой.

«...Если у нас дело не дошло до концентрации земель в более крупные хозяйства в руках ростовщиков, причина отнюдь не в... традиционной привязанности болгарина к земле и к своему очагу, а в невыгодности этой операции для самих ростовщиков», — писал заместитель председателя Болгарского экономического общества Б. Боев министру торговли и земледелия в своем докладе о хлебной торговле¹⁵. Эту же мысль развивал и З. Стоянов, отмечавший, что крупное сельское хозяйство в Болгарии «...не сможет быть создано еще в течение продолжительного времени и из чисто спекулятивного расчета: давать деньги под урожай на корню — значительно более выгодное занятие, чем покупать землю, сельскохозяйственные орудия, а главное — подвергаться опасности стихийных бедствий, неурожая и т. д.»¹⁶.

Периодическая печать Болгарии тех лет была по-прежнему полна сообщений о продаже имущества за долги и описаний мошеннических операций ростовщического капитала. Ростовщичество, олицетворявшее собой наиболее тяжелые, изнурительные методы полуфеодалной эксплуатации крестьян — скупку урожая на корню и натуральной аренде исполу, — являлось серьезным препятствием развитию производительных сил деревни.

В болгарской статистике фактически нет данных о количестве хозяйств в болгарской деревне и об их группировке по размеру земельной площади для периода ранее 1908 г.¹⁷ Нет также данных об аренде земли и о применении наемного труда в сельскохозяйственном производстве. Весьма любопытные, хотя далеко не полные, выборочные материалы можно почерпнуть из ежегодных докладов окружных земледельческих надзирателей¹⁸.

В декабре 1900 г. в Болгарии были проведены две переписи: перепись населения¹⁹ и перепись скота, домашней птицы и сельскохозяйственных орудий, в которой давалась группировка хозяйств по количеству рабочего скота²⁰. Весьма впечатляющи данные о количестве сельскохозяйственного инвентаря — на более чем 2,9 млн га пахотной земли в стране было

¹⁴ Д. Благоев. Съчинения, т. 2, с. 442—450, т. 3, с. 184—196; т. 4, с. 360—375.

¹⁵ «Списание на Българското историческо дружество» (СБИД). София, 1900, кн. 7, с. 508.

¹⁶ СБИД, 1899, кн. 7, с. 296.

¹⁷ То, что по сельскохозяйственной переписи 1897 г. именовалось «владением», представляло собой лишь земельный участок отдельного лица в каждом отдельном населенном пункте, вне всякого учета того, каким количеством земли владело то же лицо в других населенных пунктах, общинах и околиях. В итоге крупный землевладелец, имевший, скажем, в десяти населенных пунктах мелкие и мельчайшие земельные участки, фигурировал в статистике как десять мелких и мельчайших владельцев. Общее количество «владений» значительно превосходило количество физических лиц-владельцев. И лишь данные о так называемых «местных» владениях (т. е. таких, где проживал сам владелец) и «паракендных» (расположенных вне места проживания владельца), дают некоторые материалы для сопоставлений и выводов. Подробнее об этом см. «Славяне и Россия». М., 1972, с. 248—255.

¹⁸ См. «Годишни рапорти на земеделски надзиратели». София, 1897, 1899 и т. д.

¹⁹ «Общи резултати от преброяването на населението в княжество България на 31 декември 1900 г.». София, 1906.

²⁰ К сожалению, в целом по стране, без выделения сельских. «Результати от преброяването на добитъка, домашните птици, колата и земеделските оръдия и машини в княжество България на 31 декември 1900 г.» София, 1906, кн. 1 и 2.

387 346 сох и только 48 958 плугов, 11 828 веялок и триеров, 1 202 жатки, 257 сеялок и 155 молотилок²¹. Болгарская соха лишь царапала землю, давая пахоту на глубину не более 5—6 см²². Малые размеры землевладений, двуполье и черные пары, ограниченное пространство плохо используемых лугов не давали крестьянам возможности выращивать достаточное количество скота. Земля систематически получала мало удобрений. Урожайность пшеницы не превышала 9—10 ц с га²³.

К началу XX в. Болгария, таким образом, продолжала оставаться страной мелких и мельчайших сельских хозяйств с крайне примитивной техникой, низкой урожайностью и ничем не ограниченной зависимостью от природной стихии. Последние десятилетия XIX в. ознаменовались неуклонным падением мировых цен на зерно в связи с выходом на мировой рынок таких крупных экспортеров хлеба, как США, Аргентина и Индия. Болгария, $\frac{3}{4}$ экспорта которой составляло зерно, оказывалась все менее конкурентноспособной, тем более что поступление на рынок хлеба в течение всего года лишало болгарских экспортеров возможности придержать хлеб, дожидаясь лучших времен. Серьезнейший удар по болгарскому сельскому хозяйству нанесли два неурожайных года — 1897 и 1899²⁴. В 1897 г. экспорт болгарского зерна (вместе с мукой и бобовыми) сократился по сумме на 28% по сравнению с среднегодовым экспортом за семь предыдущих лет (1890—1896 гг.)²⁵. В 1899 г. падение было еще большим — в 1,9 раза по сравнению с тем же периодом²⁶. Крупные производители хлеба теряли свои прибыли. Для мелких и средних крестьян стоял вопрос о самом их существовании. Внутри страны цены на хлеб резко поднялись. На пшеницу, например, они выросли более чем в полтора раза по сравнению с уровнем 1894 г.²⁷ В отдельных районах страны начинался голод.

В этой поистине драматической обстановке принятие закона о десятине явилось «последней каплей». Небезынтересно отметить, что инициатива принадлежала не правительству, а группе депутатов Народного собрания, которые 5 июня 1899 г. на 15-м заседании I внеочередной сессии X Обыкновенного народного собрания внесли предложение о замене поземельного налога десятиной, мотивировав ее необходимостью «оказать помощь населению, пострадавшему от засухи»²⁸. Но правительство не спешило вводить десятину в неурожайном году. Оно поставило законопроект на обсуждение лишь 28 ноября 1899 г. на 27-м заседании следующей — I обычной сессии Народного собрания с расчетом получать десятину в течение 6 лет — с 1900 по 1905 г.²⁹ И тогда его инициаторы и многие из ранее поддержавших его депутатов круто изменили свою позицию, став его яростными противниками. Обсуждение шло в обстановке

²¹ «Резултати от преброяването на добитъка на домашните животни, по-важни предмети за живеење и надниците в България през десетилетието», т. 3. Необходимо отметить, что в число плугов были включены и так называемые «болгарские плуги», применявшиеся на тяжелых почвах после раскорчевки лесов в северо-западной Болгарии и представлявшие собой деревянную основу с железным лемехом и деревянной двухколесной тележкой. Для работы таким плугом требовалось не менее двух пар сильных быков, но за 10-часовой рабочий день можно было вспахать не более 0,2—0,25 га. См. СБИД, 1902, кн. 7, с. 440.

²² Там же.

²³ К. П. Попов. Стопанска България през 1911 г. София, 1916, с. 154.

²⁴ В результате непрерывных дождей в течение весны и начала лета 1897 г. хлеба стали загнивать, в 1899 г. страну постигла сильнейшая засуха.

²⁵ «Getreide im Weltverkehr». Wien. 1900, p. 25.

²⁶ «Външната търговия на България през годините 1897—1903». София, 1905, с. 22.

²⁷ «Статистика за средните пазарни цени 1893—1902». София, 1906, с. 55.

²⁸ Дневници (стенографски) на X обыкновенно Народное собрание (ОНС) I извънредна сесия (ИС). София, 1899, с. 536.

²⁹ Там же, I редовна сесия (РС), кн. 5. София, 1900, с. 821—825.

шума и волнений. Доступ публики был ограничен. Еще до начала прений многие депутаты потребовали не вносить предложений об их прекращении. Дебаты продолжались почти пятнадцать часов подряд и закончились лишь в половине шестого утра следующего дня. Из числа выступавших депутатов лишь один поддержал законопроект, однако «молчаливым большинством» он был принят «в принципе»³⁰. Примерно так же проходили и второе и третье чтения законопроекта (12, 13, 14 и 15 января 1900 г., когда он был принят окончательно)³¹.

Баталии, развернувшиеся в Народном собрании, несмотря на их остроту, представляли собой, разумеется, лишь слабый отзвук происходивших в стране событий. Тем не менее, анализ парламентских прений весьма интересен, так как позволяет яснее представить себе размежевание общественных сил. Депутаты оппозиции и некоторые представители большинства, перешедшие в данном вопросе на сторону оппозиции, резко, зачастую не стесняясь в выражениях, нападали на законопроект, требовали снять его с повестки дня. Лейтмотивом большинства выступлений было утверждение, что десятина несовместима с рациональным ведением хозяйства, применением машин, удобрений и т. д. Чрезвычайно характерно выступление депутата от Ломской околии А. Ангелова: «...Рациональное хозяйство не терпит налога в натуре, оно требует своевременной работы, своевременной уборки всех засеянных культур, требует своевременного обмолота, а всему этому налог в натуре является серьезным тормозом»³².

Некоторые выступления против законопроекта были продиктованы и иными соображениями. Напуганная ростом крестьянского движения, крупная буржуазия хотела как-либо смягчить положение. Так, лидер прогрессивно-либеральной партии Ст. Данев высказал опасение, что десятина еще более усилит аграрное движение. «Если крестьяне организуются как политическая единица, хаос еще более усилится», — уверял он³³. Нет сомнения, что имела место также и межпартийная борьба. Однако объективно значительная часть выступлений отчетливо отражала интересы крупных землевладельцев, которые сами вели свое хозяйство и боялись понести убытки.

Немногочисленная парламентская группа социал-демократов активно участвовала в прениях. Ее представители Н. Габровский и Хр. Хаджиев разоблачали антинародный характер закона о десятине, который нес окончательное разорение беднейшему крестьянству, и без того задавленному ростовщическим капиталом и живущему, «экономя на питании и одежде и лишая себя самого необходимого»³⁴.

В чем суть закона о натуральной десятине? Следует отметить три основных момента.

1. Сумма налога намного возростала. Несмотря на ханжеские заверения правительства в желании сделать распределение налога «более справедливым», его подлинной целью было увеличить поступления от сельского хозяйства с 18 млн левов до примерно 28—30 млн левов. Государственная казна, и без того подорванная хозяйничаньем предыдущих правительств,

³⁰ Там же, с. 826—880.

³¹ Там же, с. 1847—1985 и 1990—1999.

³² Там же, с. 1902.

³³ Там же, с. 1901.

³⁴ Там же, кн. I, 1899, с. 873. В целом, однако, позиция БРСДП по отношению к крестьянской борьбе против десятины не была вполне последовательной. Это было связано с наметившимся выделением оппортунистического крыла, вскоре оформившегося как общедельчество, а также и с некоторыми доктринерскими ошибками революционных марксистов. См. В. Т о л о в. Отношение на социалистите към движението против натуралния десятък през 1899—1900 гг. «Известия на Института за история», т. 18. София, 1967, с. 53—87.

в результате афер правительства радославистов, прозванного в народе разбойничьим, стояла на пороге полного банкротства³⁵. Однако стремление еще более усилить налоговый пресс на крестьян вызывало яростный отпор. Ведь крестьянин, помимо поземельного налога (или десятины), платил также с десяток других налогов (налог на овец и коз, отчисления на школы и постоянные комиссии общин, дорожную подать, а также натуральные подати в пользу сельского священника, сельского кузнеца, пастуха, сторожа и других). В общей сложности, как отмечал Д. Благоев, крестьянин был обременен налогами в 6 раз больше, чем ремесленник, в 10 раз больше, чем торговец и в 20 раз больше, чем чиновник³⁶.

2. Менялся принцип обложения. Поземельный налог платили владельцы земли в соответствии с размерами имевшейся у них земли³⁷. По новому же закону объектом обложения являлся выращенный непосредственным производителем урожай. В случае, если земля по какой-либо причине оставалась незасеянной, десятина, естественно, не уплачивалась. Такое положение отнюдь не стимулировало расширения посевов. В то же время оно развязывало руки ростовщикам, так как освобождало их от всякого риска уплаты налога на землю. Именно поэтому ростовщики, как и все те, кто не вел хозяйства сам, а сдавал землю в аренду, не были и не могли быть в рядах противников десятины. Она их очень устраивала. Иное дело безземельное крестьянство. Безземельный крестьянин, если он не порывал связи с деревней и вел хозяйство на арендованной земле (а таких было большинство) принадлежал к самой обездоленной прослойке сельских жителей, так как помимо одной трети или половины урожая землевладельцу (при натуральной аренде) должен был отдавать и десятую часть (а фактически — больше) государству. При мизерных размерах хозяйства ему оставались крохи, недостаточные для пропитания. Отсюда острота и накал борьбы.

3. Процедура сбора десятины натурой была до крайности сложна и бюрократически запутана. В соответствии с законом крестьян после жатвы хлебов не имел права взять с собственного поля ни единого снопа до тех пор, пока правительственные чиновники не опишут поля, не снимут со специально избранных ими участков (нередко — лучших) пробные порции (так называемое «номоне»), не взвесят и не запломбируют эти пробы. К тому же свою работу чиновники должны были начинать лишь тогда, когда жатва будет закончена всеми жителями села³⁸.

Для голодного крестьянина, не чаявшего дожидаться нового урожая, чтобы накормить детей, это требование было подлинной инквизицией. Чрезвычайно раздражало оно и богатых землевладельцев, которые при помощи машин и наемных рабочих обычно раньше других убирали свои поля. Задержка сжатых снопов в поле грозила им большими убытками от дождя и ветра. «Я хозяин..., я собственник поля, капитала..., семян...

³⁵ За крупные аферы, нанесшие убытки государству (покупку в Германии негодных железнодорожных вагонов и пр.), а также за террор и насилия над избирателями члены этого правительства были позднее преданы суду. См. «Присяда на държавния съд по обвинението на бившите министри от кабинета на Т. Иванов — д-р В. Радославов». София, 1903.

³⁶ Д. Благоев. Съчинения, т. 5, с. 580.

³⁷ Лишь в отдельных случаях, перекладывая его на непосредственных производителей. Как сообщал варненский земледельческий надзиратель, в Балчикской и Добричской околиях крупные землевладельцы помимо зарплаты — 160—200 левов в год — давали наемным рабочим во временное пользование и небольшие участки земли, обязывая их уплачивать за эти участки поземельный налог. См. «Годишни рапорти на земеделчески надзиратели за 1896 г.». София, 1896, с. 324.

³⁸ Ст. 10 закона. Крестьяне, нарушившие это постановление, наказывались штрафом в размере десятины. Ст. 34 закона. См. «Дневници. . . , I РС, 1900», с. 1987.

скота и орудий...», — кричал в Народном собрании депутат Панагюриштской околии В. Нейчев, требуя от государства гарантии сохранности оставленных в поле снопов³⁹. Взятие «номоне» обычно сопровождалось злоупотреблениями со стороны чиновников, которых вся система государственного фиска толкала на ущемление интересов крестьян. Возникали споры, разрешить которые могла только предусмотренная законом комиссия, возникали, следовательно, новые задержки.

С наименьшими сложностями была связана сдача десятины. Предназначенный для сдачи государству хлеб крестьянин должен был хранить на своем гумне (а при отсутствии такового — на гумне богатого соседа), следить, чтобы не было порчи и сдавать в срок до 1 ноября (по окончательному тексту закона — до 15 декабря), но не тогда, когда ему удобно, а когда прикажут соответствующие власти, причем должен был везти в указанный ему пункт — на пристань или железнодорожную станцию, — нередко за десятки километров⁴⁰. За провоз крестьянину платили, но эти суммы никак не возмещали понесенных им расходов. Недаром крестьяне называли подобную систему «ангарией», т. е. барщиной, вкладывая в это слово всю ненависть, накопленную еще в годы турецкого господства.

7 февраля 1900 г. закон о десятине, или, как он официально назывался «Закон о налоге на продукцию земледелия на 1900—1901 годы»⁴¹, утвержденный Фердинандом, был опубликован и вступил в силу. 8 марта указом правительства были утверждены «публично-административные правила» применения этого закона. Борьба против десятины вступила в новый этап. Всего с ноября 1899 г. по июль 1900 г., по подсчетам Д. Косева, было проведено 189 сельских и 49 городских митингов, в которых участвовало свыше 350 тысяч крестьян из более чем 500 сел⁴². Против десятины высказались 83% общинных и 3 окружных совета. В Народное собрание было послано несколько десятков резолюций протеста⁴³. Вести о кровавых расправах над крестьянами сел Трыстеник (19 апреля), Шабла и Дуранкулак (22—31 мая) еще более наэлектризовали атмосферу в стране.

Сопrotивление десятине было повсеместным. Крестьяне отказывались подавать декларации, отказывались допускать чиновников. 11 июля министерство финансов разослало финансовым начальникам округов тревожную телеграмму. За ней последовали другие. Министр и его заместитель требовали, настаивали, заклинали, угрожали. Собранные вместе и изданные впоследствии отдельной книгой, эти телеграммы дают некоторые дополнительные штрихи к картине упорного сопротивления, которое оказывало население болгарских сел натуральной десятине на всех этапах ее осуществления⁴⁴. Это была настоящая война. Даже автор внутреннего обозрения в журнале Болгарского экономического общества вынужден был признать, что «...десятина со всеми ее деталями, без преувеличения, похожа на войну, в которой власть — одна из воюющих сторон, а население — другая»⁴⁵.

³⁹ Там же, с. 1936.

⁴⁰ Там же, с. 1987. Это было связано с тем, что государство, не имея своих приемных пунктов, назначало сдачу хлеба тогда, когда на него находился покупатель. Хлебо-торговцы, вооруженные образцами — «номоне», придирчиво требовали от крестьян хлеб такого же качества. Никаких убытков от десятины они не несли.

⁴¹ В ходе дискуссии депутатам оппозиции удалось добиться сокращения срока действия этого закона до двух лет.

⁴² Д. К о с е в. Там же, с. 562.

⁴³ В. Т о п а л о в. Отношението на социалистите към движението. . . , с. 56.

⁴⁴ «Сборник на окръжните писма на министерството на финансите». София, 1902, 320 с.

⁴⁵ СБИД. София, 1900, № 4, с. 261.

Борьба против десятины проходила по всей стране, но началась она прежде всего в северо-восточной Болгарии и наибольшей остроты достигла именно там ⁴⁶.

Варненский округ, в частности две его северные околии — Балчикская и Добричская, имел некоторые особенности. Плотность населения там была намного ниже, чем в целом по стране. Этот факт имеет свое историческое объяснение. Как отмечает Хр. Христов, в ходе русско-турецких войн турецкое население Добруджи бежало от наступающих русских войск к югу, а болгарское — переселялось вслед за отходившими русскими войсками в Бессарабию и Южную Украину ⁴⁷. Большие земельные площади запустевали, использовались в качестве пастбищ бродячими скотоводами и представляли собой районы внутренней колонизации. Тесное малоземельное население горных районов страны переселялось в Южную Добруджу, надеясь найти здесь возможности для ведения фермерского хозяйства на государственных землях, но нередко обманывалось в своих надеждах. Варненская газета «Странджа» рассказывала о таком, например, факте. В начале 80-х годов в село Салханалык Балчикской околии переселились 20 болгарских семей и в течение ряда лет вели хозяйство на арендованной у государства земле. Но затем эта земля была продана государством с торгов, но не частями, а целым массивом. Землю купили кмет и его помощник, а двадцать крестьянских семей стали перед выбором — либо уйти, либо на тяжелых условиях рабски трудиться на новых помещиков ⁴⁸.

Население Балчикской и Добричской околий быстро росло. По подсчетам К. Попова, за тридцать лет (с 1880 по 1910 г.) плотность населения в Балчикской околии выросла более чем в 2 раза, в Добричской — в 1,7 раза, оставаясь, однако, намного ниже, чем в среднем по стране ⁴⁹. Именно здесь зарождалось и росло крупное сельскохозяйственное производство. Капитализм, хотя и медленно, с бесконечными препятствиями и задержками, все же проникал в сельское хозяйство Болгарии. За 10 лет с 1889 по 1898 г. стоимость ввоза сельскохозяйственных машин и инвентаря возросла с 169 тыс. до 1174 тыс. левов ⁵⁰. Значительная их часть поступала в крупные хозяйства Добруджи.

В 1897 г. из общего числа в стране 102 местных и 35 паракендных владений пахотной землей размером свыше 2000 декар 85 местных (83,3%) и 13 паракендных (37,1%) находились в Варненском округе. Самых крупных — размером свыше 5000 декар местных владений пашней в стране было 10, из них 8 — в Варненском округе (6 в Балчикской и 2 — в Добричской околиях) ⁵¹. По сведениям варненского земледельческого надзирателя, в Варненском округе в 1896 г. было 335 владений размером более 1000 декар (от 1000 до 1250 дек. — 111, от 1250 до 1500 — 124, от 1500 до 2000 — 40, от 2000 до 2500 — 17 и свыше 2500 дек. — 43, из них 28 — в Сюлейманлыкской общине Балчикской околии) ⁵². В следующем году количество владе-

⁴⁶ В общине Дуранкулак Балчикской околии из 13 деревень в борьбе участвовали 9, в общине Шабла — из 8—5, в общине Сюлейманлык — из 21 — 5, в общине Каварна — из 15—2. См. Л. Б е ш к о в. Там же, с. 45—56. Автором проведена интересная и не совсем обычная работа — он выявил десятки участников событий или их родственников и обобщил их воспоминания.

⁴⁷ Хр. Х р и с т о в. Аграрният въпрос в българската национална революция. София, 1976, с. 209.

⁴⁸ «Странджа», 6 VI 1896, с. 4.

⁴⁹ В 1910 г. в Добричской околии было 32,7 чел. на 1 кв. км., в Балчикской — 20,3 чел., а в целом по стране — 45 чел. К. П о п о в. Там же, с. 6—8.

⁵⁰ Там же, с. 140.

⁵¹ «Земледельческа статистика през 1897 г.». София, 1902, с. 30—36.

⁵² «Годишни рапорти на земеделчески надзиратели за 1896 г.». София, 1898, с. 290—291.

ний размером от 1000 до 1250 дек. увеличилось еще на 6⁵³. В Балчикской и Добричской околиях значительное количество хозяйств применяли плуги: если в целом по стране — 8,4% хозяйств, то в Балчикской околии — 35,6, а в Добричской — 37,3% хозяйств⁵⁴. В двух околиях, население которых составляло 2,6% населения страны, а территория — 4,3%, было около 9% всех пахотных земель и 11,5% всех плугов, но зато 0,55% всех сох⁵⁵.

Тенденция свободного развития фермерского хозяйства, по пути которого развивалось сельское хозяйство Южной Добруджи, импонировала душе крестьянина-собственника. Она создавала иллюзию общности интересов всего крестьянства. Не случайно поэтому на I конгрессе Болгарского земледельческого союза, состоявшемся в декабре 1899 г. в обстановке подъема борьбы против десятины, было записано, что членом союза может быть земледелец, сам обрабатывающий свою землю (без уточнения — только ли своим трудом!), а в состав руководящего органа Союза был избран и Н. Холевич — крупнейший землевладелец Добруджи.

Не только против десятины как таковой шла борьба в 1899—1900 гг. в Болгарии, но и против десятины, воплотившей в себе все отжившее, средневековое, темное, что угнетало крестьянина и тормозило развитие капитализма в деревне.

Обремененному долгами настолько, что он уже почти не чувствовал себя хозяином своего дома и участка, вынужденному путем неэквивалентного обмена отдавать свой труд (испольщина) и произведения этого труда (заклад урожая на корню ростовщику и сдача десятины государству), крестьянину казалось — пока казалось!, что свободное развитие товарных, т. е. капиталистических отношений в деревне — это нечто совсем иное. И он боролся за это развитие, не щадя своих сил, а в событиях в Трыстенике, в Шабле и Дуранкулаке — даже жизни.

Понадобилось немало времени и событий, в том числе и мирового масштаба, чтобы в представлениях болгарского трудового крестьянства произошли коренные сдвиги, чтобы была полностью осознана полярная противоположность его интересов с интересами зажиточной верхушки деревни. Эти сдвиги нашли свое отражение и в изменении идеологии БЗНС. Приняв программу Болгарской коммунистической партии, как свою собственную, БЗНС ныне — верный соратник партии в строительстве развитого социалистического общества.

⁵³ «Годишни рапорти на земеделчески надзиратели за 1897 г.» София, 1899, с. 34.

⁵⁴ См. «Резултати от преброяването на добитъка, домашните птици, колата и земеделските оръдия и машини в княжество България на 31 декември 1900 г.». София, 1906, с. 566—845. В подсчет включены только сельские хозяйства.

⁵⁵ Там же, с. 31 и «Земеделческа статистика през 1897 г.». София, 1902, с. 2. Если учесть соображения, приведенные нами на с. 23, то процент настоящих железных плугов, приходившихся на эти околии, будет еще выше.

СОФИЙСКИЙ СЪЕЗД НЕОСЛАВИСТОВ 1910 ГОДА (ПОДГОТОВКА, ХОД, РЕЗУЛЬТАТЫ)

Одним из своеобразных аспектов в развитии межславянских связей и одной из их форм в начале XX в. был неославизм. Как идейно-политическое движение он нашел определенный отклик в буржуазных кругах большинства славянских стран. Своеобразие неославизма по сравнению с предшествующими программами заключалось в том, что вдохновители и сторонники этого движения представили его как наднациональную общеславянскую программу. Неославизм появился на политической арене в 1907—1908 гг. Однако уже после Софийского съезда 1910 г. его идейные вдохновители, большинство из которых продолжали вести бурную политическую деятельность еще более десятилетия, провозгласили, что неославизм мертв.

Изучение подготовки, хода и результатов Софийского съезда, который официально назывался Второй подготовительный славянский съезд в Софии¹, дает возможность проследить развитие неославизма в период, когда он вошел в полосу кризиса, уточнить его идейную сущность, выявить причины его краха.

Предложение провести второй съезд неославистов в Софии, высказанное болгарскими членами Исполнительного комитета на совещании в Петербурге в мае 1909 г., нашло широкую поддержку в России, так как в значительной степени соответствовало официальному внешнеполитическому курсу российского правительства. Уже в период Боснийского кризиса русская дипломатия встала на путь создания под покровительством России союза балканских стран², что отвечало интересам русской буржуазии, стремившейся не допустить дальнейшего укрепления австро-германских монополий на Балканах³.

В этой связи весьма показательным является донесение российского посланника из Софии Д. К. Сементовского-Курило, который считал, что славянский съезд в Софии может иметь самое благотворное влияние «на направление умов в Болгарии в сторону общеславянских интересов». Русский дипломат придавал съезду особое значение и рассчитывал, что он может благотворно отразиться на болгаро-сербских отношениях⁴.

Идея проведения славянского съезда в Софии нашла широкий отклик в Болгарии, где благожелательная политика России в вопросе о провозглашении и признании независимости Болгарии укрепляла симпатии болгар

¹ «Второй подготовительный Славянский съезд в София». София, 1911, с. 1.

² АВПР, ф. Миссия в Белграде, 1908—1909, д. 122, л. 190.

³ В. А. Жебокрцкий. Болгария накануне балканских войн. 1912—1913. Киев, 1960.

⁴ АВПР, ф. Политархив, 1910, д. 1344, л. 143.

к России⁵. Этому способствовала и внутривластная обстановка в стране — к началу 1910 г. у власти все еще находился так называемый демократический (состоявший из членов демократической партии) кабинет, официально считавшийся русофильским, во главе с А. Малиновым. 14 (27) января 1910 г. болгарский министр иностранных дел в совместной беседе с посланником и военным представителем России заявил, что «в принципе принято безоговорочное решение идти вместе с Россией»⁶.

Несмотря на двойственную политику и колебания болгарского царя Фердинанда, ориентировавшегося в первую очередь на Германию и Австро-Венгрию, казалось, что для успешного проведения съезда в Софии ситуация благоприятна и с точки зрения развития межгосударственных отношений славянских балканских государств, принимая во внимание, что усилия России были направлены на улучшение болгаро-сербских отношений⁷.

Идея проведения съезда в Софии была одобрительно встречена неославистами, которые надеялись, используя патриотический подъем болгарского народа в связи с провозглашением независимости Болгарии, оживить неославизм.

Вопросу организации съезда было посвящено очередное совещание Исполнительного комитета, которое проходило в Петербурге в январе — феврале 1910 г. Официально оно созывалось с единственной целью — обсудить программу предстоящего съезда («борьников идеи культурного единения всех славянских народностей»⁸).

Как уже указывалось, аннексионный кризис имел катастрофические последствия для неославистского движения. Он подорвал внешнеполитические концепции неославизма, способствовал расколу движения. Усиление антипольской политики царского правительства привело к резкому обострению взаимоотношений между его русскими и польскими сторонниками. Только партия реальной политики («уголовцы») еще связывала некоторые надежды с неославизмом. Основная опора неославистов («всехполяки»), за исключением лидера Польского кола Р. Дмовского, который колебался, заняли крайне негативную позицию по отношению к движению в целом и потребовали выхода польских представителей из Исполнительного комитета⁹. Поэтому в первый день совещания, носившего на этот раз в определенной степени секретный характер К. Крамарж, вождь партии младочехов, лидер неославизма, заявил, что приложит все силы для устранения или по крайней мере смягчения противоречий между польскими деятелями и некоторой частью русских неославистов. Это выступление Крамаржа, как отмечал Ф. Таборский, присутствовавший на заседании, было «неясным, бессвязным»¹⁰ и не привело к желаемым результатам.

⁵ А. К. М а р т ы н е н к о. Русско-болгарские отношения от провозглашения независимости Болгарии до начала первой балканской войны. 1908—1912. Автореферат канд. дисс. Киев, 1954.

⁶ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 1943, л. 4. Рапорт № 14. Леонтьев — начальнику генерального штаба.

⁷ А. П. Извольский требовал от русского посланника в Белграде употребить все старания для примирения Сербии с Болгарией. АВПР, ф. Миссия в Белграде, 1908—1909, д. 106, л. 72. В свою очередь русский посланник в Софии Сементовский-Курило настойчиво стремился склонить болгарское правительство «взглянуть на дело шире и осознать существенную для балканских государств необходимость сплотиться, чтобы дружными усилиями дать отпор надвигающейся с севера опасности». АВПР, ф. Политархив, 1907—1908, д. 1338, л. 459.

⁸ «Славянские известия», 1910, № 1, с. 77.

⁹ «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871—1918». М., 1977, с. 169.

¹⁰ D. K š i c o v á. Účast Fr. Tábořského v novoslovanskom hnutí. «Slavia», 196, ses. 3, s. 393.

Польская сторона настаивала на отсрочке съезда, «ввиду обнаружившихся со времени Пражского съезда разногласий между его участниками»¹¹.

Однако болгары — члены Исполнительного комитета, полагая, что «разочарование», вызванное отсрочкой съезда, «крайне вредно повлияло бы на популярность идеи славянского единения в Болгарии»¹², попытались отстоять намеченные сроки. Их позиция объяснялась и тем, что идея проведения съезда в Софии, нашедшая поддержку у болгарской буржуазии, получила одобрение в правительственных сферах. Болгарское Великое Народное собрание и Софийское городское управление вотировали в декабре 1909 г. по 50 000 левов на устройство съезда¹³.

Кроме того, следует отметить, что петербургское совещание состоялось за несколько дней до визита в Россию правительственной делегации Болгарии во главе с царем Фердинандом для переговоров о русско-болгарском сближении¹⁴. В этот период пресса Болгарии с благодарностью писала о России-освободительнице. Так, орган цанковистов газета «Болгария» подчеркивала необходимость неразрывных связей между Россией и Болгарией, указывая при этом, что только в единении Болгарии и России — залог величия Болгарии¹⁵.

Отсутствие единого мнения у польских и болгарских участников совещания по вопросу о времени созыва съезда осложнило положение Исполнительного комитета. В этот момент Крамарж выступил со спасительной идеей, предложив образовать из русских и польских членов комитета особую комиссию, которая займется обсуждением «в духе пражских резолюций» разногласий, возникших по русско-польскому вопросу¹⁶.

Программа будущего съезда была обсуждена на заседании 10 февраля (28 января ст.ст.). Она состояла из шести разделов: современное положение югославянских государств, «культурная взаимность», отчет о деятельности общества болгарских журналистов, «экономическая взаимность», основание союза туристических обществ, организационная работа. В нее были включены вопросы, стоявшие ранее на повестке дня Пражского съезда (о Всеславянской выставке, Славянском банке и др.) и совещания 1909 г. Более широко был поставлен вопрос о сотрудничестве славянских народов в области культуры: (программа Софийского съезда включала 11 пунктов), в частности, об издании весславянского научного журнала, о сближении университетов и академий, об устройстве славянской художественной выставки, о сотрудничестве театральной и художественной общественности¹⁷.

Особое внимание было уделено обсуждению экономической части программы съезда. Это было вызвано значительными изменениями во взглядах русской буржуазии на проблему экономических связей между славянскими странами в период промышленного подъема. С весны 1909 г. у нее наблюдается отчетливая тенденция использовать в своих интересах экономическое положение на Балканах. Влиятельная группа русских финансистов и промышленников при поддержке государственных деятелей попыталась основать Русско-славянскую восточную торговую палату¹⁸. Задача этой организации заключалась в том, чтобы «вступить в борьбу с

¹¹ ЛГИА, ф. 1947, оп. I, д. 7, л. 38; «Славянские известия», 1910, № 1, с. 77.

¹² Там же.

¹³ «Новое время», 21 XII 1909; АВПР, ф. Вторая газетная экспедиция, 1909, оп. 476, д. 498, л. 68.

¹⁴ В. А. Жебокрицкий. Там же, с. 130.

¹⁵ Цит. по: «Рабочие вестник», 24 II 1910, с. 130.

¹⁶ ЛГИА, там же, л. 39; В. А. Жебокрицкий. Там же, с. 172.

¹⁷ ЛГИА, там же.

¹⁸ Устав палаты был представлен в министерство торговли и промышленности 31 июля 1909 г. (АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 382, л. 2), а утвержден 30 сентября 1909 г. ЦГИА СССР, ф. 909, оп. 1, д. 403. л. 35.

австро-венгерскими товарами, которым объявили бойкот южные славяне» (имелись в виду Сербия, Черногория и Болгария), «согласовать торгово-промышленную политику русского государства с его международным политическим положением и его национальными задачами»¹⁹.

Этой акцией русская буржуазия, заинтересованная в балканских рынках сбыта, хотела обратить внимание русской дипломатии на необходимость создания прочных связей между Россией и южнославянскими странами на экономической почве, «... так как экономическое объединение является надежнейшим базисом для прочного политического сближения»²⁰.

В это же время был поставлен вопрос о Славянском банке. М. В. Козаровицкий 12 сентября 1909 г. подал докладную записку министру финансов В. Н. Коковцеву о необходимости учреждения в Петербурге банка, «главной целью которого был бы экспорт на Балканы». Банк должен был не только облегчить связи со славянскими рынками, но, как указывалось в докладной записке, «объединив и сблизив нас на почве экономических торгово-промышленных интересов с славянскими землями, помочь раскрепоститься от зависимости немецких банков»²¹. 29 сентября организационное бюро русско-славянского торгового банка направило директору Живностенского банка в Праге Я. Прейссу, автору проекта Славянского банка, предложенного на Пражском съезде, выработанный бюро устав. Русская буржуазия не только не принимала в расчет интересы своих партнеров, но и приступила к объединению сил, чтобы начать с ними организованную борьбу за балканские рынки сбыта. Экономические интересы русской и чешской буржуазии, двух ведущих группировок в неославизме, пришли в открытое столкновение.

Эти действия русской буржуазии вызвали отпор чешских неославистов. В кампанию протеста включился даже «Час», орган партии реалистов и Т. Масарика. Он писал, что «во имя Славянства или Неославизма русские должны были отказаться от этой идеи»²². 22 октября 1909 г. по инициативе Прейсса в Праге состоялось собрание, на котором было принято решение официально призвать Петербургский банковый комитет принять меры против проекта Козаровицкого, так как «тот был просто враждебным»²³.

Поэтому заседание Исполнительного комитета 11 февраля (30 января ст. ст.), задачей которого было обсуждение вопроса о Славянском банке, стало чрезвычайно важным. После продолжительных прений участники совещания высказались в принципе за организацию Славянского банка в России с отделениями за границей. Основной капитал в 20 млн рублей предполагалось собрать четырьмя выпусками акций по 5 млн каждый²⁴. Значительную часть акционерного капитала (6,5 млн крон) должны были внести чешские банки. Однако чешские финансисты, несмотря на попытки Крамаржа убедить их в выгодности проекта, отвергли его как мало обоснованный и слабо разработанный.

В конце совещания вновь было обращено внимание на польский вопрос. Исходя из значительного ухудшения русско-польских отношений, Р. Дмов-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Эти стремления русской буржуазии находили самое непосредственное выражение в различных дипломатических акциях русской дипломатии. В частности, русские посланники в Болгарии и Сербии уделяли самое пристальное внимание поискам возможностей для усиления экономических позиций России в этих странах. ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 11, д. 101, л. 1—2; АВПР, ф. Политархив, 1910, д. 524, 1344.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 909, оп. 1, д. 403, л. 51.

²² K. H e r m a n. *Novoslovanství a česká buržoazie*. In: «Kapitoly z dějin vzájemných vztahů národů CSR a SSSR», I. Praha, 1958.

²³ ЦГИА СССР, ф. 909, оп. 1, д. 234, л. 7.

²⁴ «Новое время», 1 II 1910.

ский, Л. Страшевич и И. Олизар заявили, что они, «стоя неуклонно на почве славянской идеи, выраженной в принципах неославизма», не считают возможным принять участие в ближайших славянских съездах²⁵, т. е. фактически, несмотря на образование согласительной комиссии, отмежевались от неославизма. Вопрос о съезде повис в воздухе. Лишь в результате больших стараний и усилий со стороны болгарских деятелей, принятое решение о созыве съезда в Софии осталось в силе.

После возвращения из Петербурга Крамарж и члены Исполнительного комитета, как писало «Новое время», принялись за «уговаривание» поляков. В начале мая в Вену прибыл председатель Организационного комитета славянского съезда в Софии С. С. Бобчев для обмена мнениями с членами Исполнительного комитета относительно программы съезда²⁶.

В этом совещании приняли участие и польские представители, в том числе Дмовский, открыто высказавший опасения по поводу того, что Софийский съезд будет демонстрацией в сторону России...». Австрийских славян больше всего беспокоило, что «на съезде может слишком наглядно обнаружиться солидарность интересов между болгарами и сербами»²⁷. Поэтому было предложено придать съезду характер «эпизодический» — для чествования славянскими народами провозглашения независимости Болгарии. Однако такая формулировка не устраивала организаторов съезда. Возвратившись из Вены, С. С. Бобчев вступил в переговоры с Д. К. Сементовским-Курило в надежде, что последний обратится к А. П. Извольскому и таким образом «будут найдены средства к возможному предупреждению всякого уклонения от намеченных первоначально путей в деле предстоящего в Софии славянского съезда»²⁸. Расчет Бобчева оказался правильным. В одном из очередных донесений эта просьба была передана в министерство иностранных дел. Сементовский-Курило просил «изыскать пути и средства для предотвращения всякого, хотя бы и частичного, неуспеха славянского дела»²⁹.

Сементовский-Курило направил свои усилия на то, чтобы сохранить намеченный в Праге формально не политический характер съезда. Он настойчиво рекомендовал «не омрачать съезд какими-либо выходками политического свойства», хотя и понимал, о чем свидетельствуют его донесения, сложность положения. Он считал, что стремление славянских народов к единению представляет могучее средство влияния, которым нельзя пренебрегать. «Единение это нужно России как оплот против всепоглощающих вождедений германизма и следовательно само по себе должно являться целью нашей политики», — писал он в донесении в Петербург. Изменение характера съезда, который, по мнению русского дипломата, мог стать наглядным выражением сплочения славян, «равносильно полной его неудаче» и явилось бы «тормозом врагов славянского дела в ущерб обаянию России и жизненным ее интересам»³⁰.

В свою очередь российский посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг отмечал, что, учитывая состояние межславянских отношений, время съезда было выбрано неудачно. Сомнения вызывала у него и программа съезда: «Правда, программа говорит только о культурных целях, о мирном взаимном общении различных славянских народностей; но каким образом провести грань между культурой, общением и политикой?»³¹.

²⁵ ЛГИА, там же, л. 40; «Славянские известия», 1910, № 1, с. 79.

²⁶ «Národné noviny», 19 V 1910.

²⁷ АВПР, ф. Политархив, 1910, д. 1344, л. 139.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, л. 133.

³¹ Там же, д. 524, л. 97.

Не задолго до начала съезда он сообщил в Петербург, что в Сербии господствуют чувства досады, зависти, обиды, так как съезд, по мнению сербов, следовало бы созвать в Белграде. «Многие из здешних деятелей, — писал Гартвиг, — отказались ехать в Софию, а те, которые сочли благоразумным отозваться на приглашение, не скрывают чувства неудовольствия ...»³².

Вопрос об участии в Софийском съезде русских сторонников движения решался славянскими обществами. Взгляды тех членов московского Общества славянской культуры, которые были против участия в съезде, выразил, как видно из сохранившихся замечаний на программу съезда, Ф. Е. Корш — председатель Общества. Признавая важность и желательность организуемого съезда, он был не согласен с первым пунктом программы, определяющим главной задачей съезда анализ положения югославянских государств. Общество славянской культуры «не считало себя уполномоченным на обсуждение политических вопросов, квалифицированных как таковые, помимо их связи с вопросами культурными ...». По мнению Корша постановка вопроса о южных славянах на первое место в программе наводила на мысль, что и дальнейшее содержание программы относилось «преимущественно, если не исключительно, к южным славянам»³³. Председатель Общества славянской культуры высказался за расширение содержания 1 параграфа, так как, по его мнению, съезд должен был рассмотреть все проблемные вопросы «современного положения всех без исключения славянских народов без различия, как было установлено Пражским съездом»³⁴.

Большая часть членов Общества славянской культуры высказалась за участие в съезде, считая целесообразным «не уклоняться от общеславянской работы»³⁵. Однако, получив приглашение всего лишь для одного представителя, оно вообще отказалось принимать участие в съезде³⁶.

Что же касается Петербургского общества славянской взаимности, то и после отказа поляков участвовать в съезде, правые и большая часть октябристов были по-прежнему за участие в нем. Но только некоторые либералы высказались за³⁷. Многие из приглашенных болгарским организационным комитетом были «особо заслуженные славяноведы, писатели и профессора»³⁸, которых рекомендовал пригласить М. В. Красовский, председатель Петербургского клуба общественных деятелей.

Русские делегаты — участники Пражского съезда, собравшиеся 16 мая 1910 г. в Петербурге на специальное заседание для выяснения вопроса о задачах съезда в Софии, высказались за «эпизодический» характер съезда, поскольку из его программы были «исключены политические вопросы», и против поименного приглашения болгарским организационным комитетом «разных лиц и учреждений, оказавших особые заслуги освобождению Болгарии»³⁹.

³² АВПР, ф. Политархив, 1910, д. 524, л. 97.

³³ ААН СССР МО, ф. 558, оп. 3, д. 119, л. 3.

³⁴ Там же, д. 142, л. 16.

³⁵ Там же. На собрании общества, состоявшемся 30 мая 1910 г., было решено делегировать на съезд П. Н. Милюкова, М. М. Ковалевского, А. Л. Погодина, Н. Н. Баженова, М. А. Славинского, И. А. Бороздина. «Русские ведомости», 19 VI 1910, № 144, с. 1.

³⁶ «Русские ведомости», 19 VI 1910, № 139, с. 2; «Речь», 25 VI 1910, № 174.

³⁷ В. А. Маклаков, Н. Н. Львов, П. М. Искрицкий и др. «Утро России», 12 V 1910, № 144, с. 1.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 909, оп. 1, д. 45, л. 12.

³⁹ АВПР, ф. Политархив, 1910, д. 1344, л. 139; «Новое время», 17 V 1910. Следует отметить, что в это время приглашения еще не были разосланы. По-видимому, участники заседания были проинформированы Красовским, ведущим непосредственную переписку с Бобчевым.

В действительности приглашения на съезд были трех категорий: для «участников Пражского съезда»; «искренних сторонников славянского единения», которым предоставлялась роль «почетных гостей» и «право присутствовать на заседаниях, принимать участие в обсуждении вопросов, поднятых на съезде»; для учреждений, которые, по мнению болгарской стороны, могли бы пожелать принять участие в съезде в качестве наблюдателей. Наличие второго пункта в редакции, дающей столь широкие права, объясняется тем, что фактически вплоть до начала съезда организационный комитет, несмотря на то, что сам Бобчев был против обсуждения на съезде русско-польских отношений, рассчитывал на присутствие поляков, хотя бы в качестве почетных гостей ⁴⁰.

Между тем деятельность русско-польской согласительной комиссии на принесла результатов ⁴¹. 1 июня с официальным ее распадом стало ясно, что поляки не примут участия в съезде ⁴².

12 июня «Народни листы» поместили в качестве передовой статью Крамаржа, посвященную приближающемуся славянскому съезду. Учитывая твердый отказ поляков, он писал, что лучшим решением было бы отложить съезд до более благоприятного времени ⁴³. Крамарж впоследствии говорил, что съезд был для него «самой большой трудностью», так как он предвидел, что здесь проявится крушение неославизма ⁴⁴.

Между тем в Чешских землях стало еще более очевидным оппозиционное построение по отношению к лидеру неославизма и движению в целом. Аграрная партия заявила, что «не видит для себя никакой пользы от участия в неославянском движении» ⁴⁵ и не выдвинула своих представителей в Софию. С резкой критикой неославизма выступила католическая партия ⁴⁶.

От чешских буржуазных партий официально в делегации были представлены младочешская, государственно-правовая, включая прогрессистов, и народные социалисты; из известных политических деятелей: К. Крамарж, А. Гайн, В. Клофач (17 из 61 приглашенного). Российский посол в Вене в своем донесении сообщал, что среди чехов «не проявлялось особенного энтузиазма по отношению к съезду», правильно подметив, что чехам и вообще всем славянам, входящим в состав Славянского союза, было невыгодно видеть австрийских поляков в стане своих врагов ⁴⁷.

Подготовка к съезду, составы делегаций, особенно русской, ясно указывали, что в неославизме усилилось его правое крыло. Особое опасение у чехов вызывала постановка первым пунктом программы вопроса о «современном положении югославянских народов» ⁴⁸. Чешские неослависты видели в этом одну из возможных причин ухудшения и без того сложного внутривнутриполитического положения в Австро-Венгрии.

Задачей чешской делегации на съезде, по мнению Крамаржа, было показать, что «стремление к просветительскому и экономическому единению не погребло»; сам Крамарж должен был провозгласить принципы

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 909, оп. I, д. 45, л. 12.

⁴¹ ЛГИА, там же, л. 50; С. М. Ф а л ь к о в и ч. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912). М., 1975, с. 133.

⁴² «„Дранг нах Остен“, и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы», с. 169.

⁴³ «Národní listy», 12 VI 1910, № 160.

⁴⁴ Z. V. T o b o l k a. Proces Dr. Kramáře a jeho přátel, 1—5. Praha, 1918—1920. Sv. II, kap. 6, s. 89.

⁴⁵ V. C e r v i n k a. Druhy přípravný sjezd v Sofii. «Česká revue», 1909—1910. č. 12, s. 706.

⁴⁶ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 130, т. I, л. 75; К. Н е р м а н. Ibid., s. 298.

⁴⁷ З. С. Н е н а ш е в а. «Славянский союз» в австрийском рейхсрате. «Советское славяноведение», 1975, № 5, с. 13—24.

⁴⁸ «Втори подготовителен...», с. 4.

Пражского съезда⁴⁹. На предварительном совещании чешской делегации он подчеркнул: «Нам, славянам из Австрии, нужно позаботиться о том, чтобы не были приняты враждебные нам постановления. Мы не можем пойти на конфликт с государством, в котором живем. Не заниматься политикой — вот девиз неославизма»⁵⁰.

Учитывая направленность программы съезда, чешский национальный совет решил послать на этот раз большее число представителей науки, искусства, журналистов и экономистов. В состав делегации вошли профессор Пражского университета И. Поливка, Я. Семерад, Фр. Таборский, публицист Фр. Говорка и др. Впервые официально участвовал и представитель словаков — Св. Гурбан-Ваянский.

О деморализации чешских неославистов в связи с отсутствием поляков свидетельствует тот факт, что Крамарж вновь попытался уговорить болгар, организаторов съезда, придать (ему) характер славянского праздника по случаю дня болгарской независимости. Он настойчиво требовал, чтобы Бобчев согласился с таким компромиссным решением⁵¹. Однако опасения Крамаржа, что съезд примет открытый антиавстрийский характер, оказались напрасными⁵². Болгарский царь Фердинанд уклонился от участия в съезде, а председатель совета министров А. Малинов поехал в Вену, где заверял всех, что съезд не будет направлен против Австро-Венгрии и единственная его цель — поддержка культурного и экономического сближения славянских народов⁵³.

Как отмечал в своем донесении из Софии Бах, заменявший Сементовского-Курило, «правительство держало себя далеко от съезда... более далеко, чем этого могли потребовать соображения политического свойства»⁵⁴.

Славянские торжества в Софии были весьма своеобразными по своей организационной форме: съезды славянских журналистов, врачей, юристов, представителей сокольского движения были приурочены ко второму славянскому съезду и предваряли его. Основной идеей всех этих малых съездов было «найти пути и способы для установления прямых, непосредственных связей славян между собою, содействовать культурному росту славянства»⁵⁵.

7 июля (24 июня) открылся Второй подготовительный славянский съезд. В списке участников не значились не только представители от Украины и Белоруссии, клерикальные словенцы и хорватские правящие, не принявшие участие в Пражском съезде, но и хорваты из Королевства, сторонники сербско-хорватской коалиции, представители польских политических партий. Самой многочисленной, если не считать болгарскую, была русская делегация (около 70 человек)⁵⁶, относительно большей — сербская. Разделенные на русскую, чешскую, югославянскую, болгарскую секции участники съезда приступили к работе⁵⁷.

В день открытия съезда Крамарж, увенчанный венком за служение «славянской идее», среди бурных рукоплесканий произнес речь (сначала по-болгарски, затем по-чешски, кончил по-русски), прочитанную им предварительно на собрании председателей отдельных делегаций⁵⁸. Оратор

⁴⁹ Z. V. T o b o l k a. Ibid., s. 90.

⁵⁰ K. H e r m a n. Ibid., s. 300.

⁵¹ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 268, л. 57.

⁵² K. H e r m a n. Ibid., s. 300.

⁵³ «Cas», 9 VII 1910, № 187, s. 3.

⁵⁴ АВПР, ф. Политархив, 1910, д. 1344, л. 159.

⁵⁵ J. H u b u. Slovanská vzajemnost v časopisech. Praha, 1910, s. 5.

⁵⁶ «Втори подготовителен...», с. 51—54.

⁵⁷ Там же, с. 38.

⁵⁸ П. Е. К а з а н с к и й. Славянский съезд в Софии. Одесса, 1910, с. 7.

попытался убедить участников совещания в том, что принципы Пражского съезда и особенно положение «тот не славянин, кто притесняет другой славянский народ» остались в силе. Он подчеркнул: «Принципы Пражского съезда являются основой, на которой мы стоим, и отказаться от них — это значит ослабить идею славянской общности вообще...»⁵⁹. Как отмечалось в донесении из Софии, торжественное повторение пражских принципов представлялось необходимым. По мнению русского дипломата, «от верности им зависела удача съезда в глазах неславянского мира...»⁶⁰. Надо признать, что своей помпезной речью Крамарж в некоторой степени добился желаемого: ни один делегат не выступил с протестом против этих принципов. Однако сгладить острую напряженную атмосферу на съезде, дать ему такую платформу, которую могли бы безоговорочно принять все его участники, Крамаржу не удалось. Острые политические дискуссии возникли между членами русской делегации. Сербские делегаты Р. Кошутич и Р. Радулевич выступили с осуждением агрессивных действий Австро-Венгрии по отношению к Сербии и критикой позиции славянских депутатов австрийского рейхсрата, одоббивших эти действия⁶¹.

Характер работы съезда на этот раз был явно необычным. Не только пленарные, но и секционные заседания были доступны для широкой общественности, причем их участники, не делегаты, могли даже голосовать. Фр. Таборский записал в своем дневнике: «Пятница, 25 июня. В совещаниях много говорится, без знания дела, наивно. Говорит, кто хочет и что хочет»⁶². О подобном впечатлении от съезда сообщал и корреспондент «Русского слова»⁶³. Сопоставление этих двух мнений наводит на мысль, что обсуждение докладов с самого начала носило поверхностный характер.

Председателем секции, задачей которой было обсудить вопросы экономического сотрудничества славянских народов, был Крамарж. Первоначальное предложение чехов об организации славянской выставки в России не было принято. Крамарж писал по этому поводу: «Конкурентные отношения между славянами русскими и нерусскими, так же как и отношения в самой России были неблагоприятными для идеи промышленной выставки. Московские промышленные круги были против любой выставки, не желали ничего, что усилило бы конкурентную способность других промышленных центров»⁶⁴. Вопрос о славянском банке обсуждался на основе доклада, присланного Я. Прейссом, который на съезд не поехал. В резолюции по этому вопросу было записано: «Славянский съезд в Софии поручает банковской комиссии Исполнительного комитета позаботиться по возможности скорее об учреждении славянского банка»⁶⁵. Эта резолюция так мало несла в себе рационального, что стали возможны всяческие толкования, дополнения в прессе и в отчетах участников.

Остальные предложения, ставившиеся еще на Пражском съезде, но до сих пор не реализованные, были бегло упомянуты в дискуссии. В такой обстановке с предложением об устройстве в Праге в 1913 г. Всеславянской культурной выставки, которая показала бы, что неослависты имеют «не политические, а лишь самые подлинные культурные цели»⁶⁶, выступил Крамарж совместно с А. И. Гучковым. Несомненно, что это было компромиссное решение. Как уже указывалось, согласно «стратегической» праж-

⁵⁹ «Втори подготовителен...», с. 52.

⁶⁰ АВПР, ф. Политархив, 1910, д. 1344, л. 160.

⁶¹ «Втори подготовителен...», с. 52.

⁶² D. Kšicová. Ibid., s. 395.

⁶³ ААН СССР МО, ф. 558, оп. 3, д. 143, л. 27.

⁶⁴ «Národní poviny», 14 VIII 1910, № 233.

⁶⁵ «Втори подготовителен...», с. 178.

⁶⁶ Там же.

ской программе славянское сотрудничество предполагалось как «культурно-экономическое». Но, как видим, на съезде ничего существенного в этой области не было предпринято. Вопросы о славянском банке и о славянской выставке были оставлены открытыми. Между тем, это были наиболее существенные вопросы в экономической программе съездов. Неудача в этом направлении произвела на многих участников съезда угнетающее впечатление.

Подобные результаты не удовлетворяли и русскую промышленную буржуазию, которая проявляла в это время исключительный интерес к возможности получения концессий на постройку военных заводов в Болгарии и заказов на изготовление военных материалов. Так, Гучков в период работы съезда в личной беседе с русским военным представителем в Софии Леонтьевым настоятельно рекомендовал последнему всемерно стараться привлечь болгарские казенные заводы «в русские руки» и обещал в этом направлении содействие в Государственной думе.⁶⁷

Программа Софийского съезда показывает, что здесь, в отличие от Пражского съезда, значительно большее внимание отводилось вопросам сотрудничества в области культуры: о созыве съезда славянских филологов в Праге, об установлении многосторонних связей между славянскими академиями и учеными обществами, библиотеками, обмене славянскими профессорами, о составлении славянского словаря, общеславянской научной и торговой терминологии, о допущении во все славянские университеты молодежи, выполнившей часть учебной программы в учебных заведениях славянских стран и ряд других⁶⁸. Следует заметить, что решения, касающиеся вопросов сотрудничества в области культуры и науки, во многом определялись энтузиазмом присутствующих на съезде деятелей культуры. Лишь благодаря их усилиям были осуществлены некоторые намеченные на съезде мероприятия. Так, И. В. Ягич, инициатор издания славянской филологии, относился к неославизму весьма скептически. В письме к М. Н. Сперанскому он писал: «Да, и у нас славяне представляют жалкое зрелище непонимания своих интересов. Как хорошо, что есть чем заниматься и без политики, которую даже Крамарж не умеет вести, как следовало бы, о других — нечего говорить»⁶⁹.

Давая общую оценку съезду, необходимо подчеркнуть, что принятые резолюции имели слишком широкий и общий характер и были восприняты даже его участниками лишь как теоретические замыслы. Тем не менее как положительную сторону съезда следует отметить широкое участие в нем деятелей славянской культуры, оживление интереса к славянской проблематике в научных кругах во всех славянских землях.

Оценки Софийского съезда его участниками и современниками крайне противоречивы. Так «Народни листы» отмечали, что Софийский съезд «совершил часть добросовестной работы, которая не пропадет без следа»⁷⁰.

Известный чешский славист И. Поливка писал, что Софийский съезд имел «существенным образом иной характер», чем Пражский и указал, что славянские съезды должны быть «не блестящими манифестациями, а рабочими информационными мероприятиями. Говоря о неославизме, чешский славист подчеркивал, что «неославизм на Софийском съезде несколько не обанкротился, наоборот, доктор Крамарж провозгласил с необы-

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 1862, л. 57.

⁶⁸ «Втори подготовителен. . .», с. 115—176; АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, л. 382, л. 9.

⁶⁹ «Документы к истории славяноведения в России. 1850—1912». М.—Л., 1947, с. 294.

⁷⁰ «Národní listy», 13 VII 1910, № 191.

чайным значением кардинальный принцип о равноправии всех славянских народов»⁷¹.

Оценка съезда Крамаржем была весьма непоследовательна. Так, в своих корреспонденциях из России (из Барбо) в «Народни листы» он писал, что неославизм в Софии «не был похоронен, наоборот, никогда его великая идейная сила не показала себя так ясно и определенно, как там. Можно сказать, что неославизм пережил свой кризис детства и что нет необходимости бояться за его будущее»⁷². Позднее на своем процессе Крамарж пришел к прямо противоположному выводу, в частности, он указал, что «съезд в Софии означал конец неославизма, его торжественные похороны. О русско-польском примирении нельзя было думать, внешние отношения были такие жалкие, что ничего не оставалось, как расстаться с красивыми и идеальными снами»⁷³.

Сообщая о впечатлениях от съезда в Сербии, Гартвиг отмечал, что они были «не особенно благоприятными». Сербь увидели, по мнению русского посланника, в съезде «новую обиду для себя, новое доказательство предпочтения, оказываемого Россией своему балованному детищу — Болгарии»⁷⁴. Однако посещение непосредственно после съезда русской делегацией в составе 30 человек Белграда, где им была оказана торжественная встреча, «способствовало восстановлению доверчивых русско-сербских отношений»⁷⁵.

С ярко выраженной критикой результатов работы съезда, его идейной сущности выступила русская либеральная и кадетская пресса. В частности, «Речь» писала о том, что съезд превратился в ряд трескучих демонстраций... идейная сторона съезда совершенно ступевалась...»⁷⁶. «Неославизм никогда не станет предметом глубокого и искреннего общественно-политического движения, — писали «Русские ведомости», — пока различным славянским национальностям не будет предоставлена в России та национальная свобода, на которую они имеют право»⁷⁷. Корреспондент газеты, оценивая резолюции, принятые съездом, отмечал, что «...все решения — в духе пражских резолюций, но на всем положен какой-то специфический налет желанья выслужиться перед кем-то... кажется, что все злые силы соединились для того, чтобы погубить, окончательно дискредитировать в глазах нашего, русского, общественного мнения дело, начатое в Праге в 1908 г.»⁷⁸.

Протоколы заседаний Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества, на котором обсуждались итоги съезда, показывают, что члены общества были удовлетворены ходом и результатами съезда⁷⁹.

Безусловно отрицательное отношение к съезду, выразившееся в целой газетной кампании, во множестве митингов, в организации специального «Комитета протеста», инициатором которого явились писатели с самыми известными в Болгарии именами (драматург П. Тодоров; поэт, директор Национальной библиотеки в Софии П. Славейков; поэт, директор Национального театра П. Яваров и др.) заняла прогрессивная часть болгарской общественности. П. Е. Казанский, проф. Новороссийского универ-

⁷¹ J. P o l i v k a. Slovanský sjezd Sofijský. «Slovanský přehled», 1910, № 1, s. 22.

⁷² «Národní listy», 10 VIII 1910, № 219.

⁷³ Z. V. T o b o l k a. Ibid., s. 96—97.

⁷⁴ АВПР, ф. Политархив, 1910, д. 524, л. 102.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ «Речь», 30 VI 1910, № 176.

⁷⁷ «Русские ведомости», 3 VII 1910, № 151.

⁷⁸ «Русские ведомости», 6 VII 1910, № 154.

⁷⁹ ЛГИА, ф. 400, оп. I, д. 1274, л. 22, 29. «Стенографические записки докладов о Софийском съезде».

ситета, участник съезда признал в своем отчете, что «болгарские специалисты сделали все возможное, чтобы помешать собору»⁸⁰.

Резко оппозиционную точку зрения по отношению к съезду высказали болгарские социал-демократы (тесняки) совместно с представителями социал-демократических партий России, Украины, Сербии, Чехии на XVII съезде Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесняков), состоявшемся 11—14 июля 1910 г. в Софии. Они организовали на месте манифестаций неославистов, у памятника Левского, митинг, на котором «выступавшие Д. Благоев и В. Коларов и др.» выразили протест против использования идеи славянской общности в реакционных целях, а также против осквернения памяти великого болгарского революционера. В Софии состоялась мощная демонстрация солидарности пролетариата славянских народов. Выступивший с речью на митинге Б. Шмераль, сказал: «14 дней назад здесь стояло Славянство имущих. Теперь здесь стоит Славянство труда, прогресса и борьбы за свободу». Исходя из убеждения, что социал-демократы имеют больше прав считать себя представителями народа, оратор подчеркнул, что «их славизм не имеет ничего общего ни с панрусизмом, ни с православной церковью, ни с интересами династии, ни с интересами экономической конкуренции капитализма»⁸¹. Лидеры присутствовавших социал-демократических партий подчеркнули необходимость единых интернациональных действий всей социал-демократии против националистических акций буржуазии и высказались за всестороннее сотрудничество братских рабочих партий славянских народов.

---

⁸⁰ П. Е. К а з а н с к и й. Там же, с. 47.

⁸¹ «Rovnost», 29 VII 1910, s. 1—2.

А. А. ЗАЛИЗНЯК

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ БУКВ *o* И *o* В ДРЕВНЕРУССКОЙ РУКОПИСИ XIV ВЕКА «МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ»

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1. Настоящая статья¹ посвящена исследованию закономерностей распределения букв *o*² и *o* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное»³ (далее сокращенно: Мерило). Основной тезис статьи состоит в том, что в данной рукописи эти буквы передают две разные фонемы «типа *o*» — более открытую и более закрытую (условно /*o*/ и /*o*/). Исследуются также особенности отразившейся в данной рукописи системы распределения этих двух фонем.

§ 2. Опираясь в первую очередь на работы Р. О. Якобсона и В. А. Дыбо⁴, мы исходим из того, что в праславянском (а также в раннем⁵ древнерусском) все полнозначные словоформы делились с акцентологической точки зрения на два класса: «ортогонические» словоформы (термин В. А. Дыбо) и «энклиномены» (термин Р. О. Якобсона и В. А. Дыбо). Каждая ортогоническая словоформа имела постоянное неотъемлемое ударение на одном из слогов; это полноценное с фонологической точки зрения ударение можно назвать автономным⁶. Напротив, словоформы-энклиномены с фонологической точки зрения вообще не имели ударения. Фонетически это выражалось в том, что в составе фразы энкли-

¹ Статья представляет собой продолжение работы: А. А. З а л и з н я к. Новые данные о русских памятниках XIV—XVII веков с различением двух фонем «типа *o*». «Советское славяноведение», 1978, № 3 (далее: Новые данные).

² Под буквой *o* условно здесь понимать совокупность двух дополнительно определенных графем: «*o* узкое» и «*o* широкое» (подробнее см. Новые данные, сноска 20).

³ Рукопись Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 304, № 15. Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.

⁴ См. Р. О. Я к о б с о н. Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. American contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963; В. А. Д ы б о. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. «Вопросы славянского языкознания», вып. 6. М., 1962; е г о ж е. Акцентология и словообразование в славянском. «Славянское языкознание. VI международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации». М., 1968; е г о ж е. О фразовых модификациях ударения в праславянском. «Советское славяноведение», 1971, № 6. К этому же направлению относится работа: Р. G a r d e. Histoire de l'accentuation slave, t. 1—2. Paris, 1976.

⁵ Т. е. до падения редуцированных.

⁶ В отличие от южных и западных славянских языков, где, начиная с определенной эпохи, различаются автономное ударение с так называемым акутом и автономное ударение с так называемым новым акутом, для восточнославянских языков, по-видимому, нет внутренних оснований реконструировать какие-либо просодические различия в рамках автономного ударения.

номен обычно был полностью безударен, а в изолированном положении получал на начальном слоге некоторое просодическое усиление, которое можно назвать а в т о м а т и ч е с к и м ударением. Автоматическое ударение чем-то отличалось (по крайней мере первоначально) от автономного; обычно предполагают (по крайней мере для долгих гласных), что автономное ударение сопровождалось восходящей интонацией, а автоматическое — нисходящей. Заметим, что традиционная акцентология усматривала здесь только это различие интонаций (которые расценивались как равноправные члены просодической оппозиции); между тем с фонологической точки зрения автономное ударение означает просто ударность, автоматическое — всего лишь позиционный вариант безударности.

В ходе истории восточнославянских языков эта система перестроилась: автономное и автоматическое ударения перестали просодически различаться (хотя неясно, когда именно это произошло); их общим наследником является современное единое ударение. Прежние энклиномены стали просто начальнударными словоформами; от их первоначальной фразовой безударности сохранились лишь следы⁷.

§ 3. После падения редуцированных противопоставление двух фонем «типа *о*» (условно /*ɔ*/ и /*δ*/)⁸ возникло на всей или почти на всей⁹ восточнославянской территории. Фонем «типа *о*» этой эпохи возникли в основном из раннедревнерусских *ѡ* (там, где этот *ѡ* не выпал) и *о*, в определенных случаях также из *ѣ* и *е*. При этом следует различать обычные раннедревнерусские *о* и *е* и «вставные» *о* и *е*, т. е. вторые гласные полногласных сочетаний *оро*, *оло*, *ере*: как показал П. Гард, «вставные» *о* и *е* в раннем древнерусском еще не отождествились с фонемами /*o*/ и /*e*/ ¹⁰. Формирование фонем «типа *о*» из названных раннедревнерусских звуковых единиц происходило несколько по-разному в разных частях восточнославянской территории.

Общим для всех восточнославянских диалектных систем с двумя фонемами «типа *о*» было правило: /*o*/ ¹¹, восходящее к раннедревнерусским *ѡ* или *ѣ*, есть /*ɔ*/ (например, в *рот*, *кусѡк*, *горб*, *шов* было повсеместно представлено /*ɔ*/).

Различия касаются распределения /*ɔ*/ и /*δ*/, возникших из *о* и *е* (обычных и «вставных»). Необходимо различать по меньшей мере три основных принципа распределения /*ɔ*/ и /*δ*/ такого происхождения, которые условно можно обозначить как «великорусский», «украинский» и «полесский».

1. «Великорусский» принцип (представлен во всех известных до настоящего времени великорусских памятниках и говорах, различающих /*ɔ*/ и /*δ*/): а) /*o*/ из раннедревнерусского обычного *о* есть /*δ*/ в ударном слоге ортотонической словоформы (как, например, в *двор*, *хѡдят*, *добрѡ*, *прихѡд*, *прихѡда* ¹²) и /*ɔ*/ в прочих случаях (*дом*, *дѡму*, *зѡрод*; *дѡра*, *хѡлѡп*, *радѡсть*); б) точно так же распределено /*o*/ из «вставного» *о* (ср. *хѡлѡп*, *хѡлѡпа* с /*δ*/ и *зѡрод*, *зѡрода*, *головѡ* с /*ɔ*/); в) /*o*/ из *е* (обычного или «вставного») есть /*ɔ*/ (*нѣс*, *лицѡ*, *берѣза*).

⁷ Условимся, однако, для упрощения формулировок словоформы более позднего времени, происходящие из ортотонических, называть тоже ортотоническими, а из энклиноменов — энклиноменами.

⁸ /*ɔ*/, вероятно, реализовалось как [ɔ], /*δ*/ — как [δ] или [yo].

⁹ Возможно, что это противопоставление не развилось на территории Смоленской и Полоцкой земель; см. Р. И. А в а н е с о в. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. «Вопросы языкознания», 1955, № 5, с. 27.

¹⁰ См. П. Г а р д. К истории восточнославянских гласных среднего подъема. «Вопросы языкознания», 1974, № 3. Положения этой важной работы использованы и в последующей части настоящего параграфа.

¹¹ /*o*/ — обобщающее обозначение для фонем «типа *о*», *o* — для букв *о* и *ѡ*.

¹² Словоформы приведены в обычной орфографии; гласная, о которой идет речь, выделена.

2. «Украинский» принцип отражен в галицко-волинском евангелии библиотеки МГУ, № 1367¹³ (см. Новые данные, §1) и в современном литературном украинском языке и южноукраинских говорах. В МГУ 1367 непосредственно сохраняется исходное противопоставление /*ɔ*/ и /*δ*/, которые передаются здесь, как и в Мериле, соответственно через *o* и *ω*. В литературном украинском языке и южноукраинских говорах прежние /*ɔ*/ и /*δ*/ отражены соответственно как *o* и *i*. Украинский принцип таков: а) /*o*/ из раннедревнерусского обычного *o* есть /*δ*/ в перестроенном слоге¹⁴ (например, в МГУ 1367 *дворъ, потопъ, домъ, кость, радость*; укр. *двір, прихід, кість, радість*) и /*ɔ*/ в неперестроенном (например, в МГУ 1367 *очи, ходять, добро, которого*; укр. *бчі, хбдять, добрб*); б) /*o*/ из «вставного» *o* есть /*ɔ*/ (МГУ 1367 только *полотна* Р. ед. 54г, 90б; укр. *холбн, холбна, гблос, гблосу, голова*); в) /*o*/ из *e* (обычного) распределено так же, как /*o*/ из обычного *o* (МГУ 1367 только *речомъ* «скажем» 139г; укр. *жінка, но жонá*).

3. «Полесский» принцип (представленный в современных северноукраинских и южнобелорусских говорах) отличается от украинского только тем, что в безударных слогах (т. е. лишенных того единичного ударения, в котором совпали прежние автономное и автоматическое ударения) /*o*/ любого происхождения есть /*ɔ*/ . В этих говорах прежнее /*ɔ*/ обычно представлено как /*o*/, прежнее /*δ*/ — как дифтонг (по говорам [yo], [ye], [yi] и др.) или [δ].

Таким образом, при великорусском принципе распределение /*δ*/ и /*ɔ*/ в определенных случаях зависит от наличия или отсутствия автономного ударения (т. е. ударения древней эпохи), при полесском оно зависит от наличия или отсутствия единичного ударения позднейшей эпохи; при украинском принципе оно вообще не зависит от акцентуации. Разумеется, указанные принципы определяют только главнейшие особенности распределения /*ɔ*/ и /*δ*/; в конкретных говорах и памятниках возможны разнообразные вариации в частности. Важным позднейшим свойством многих диалектных систем с великорусским или полесским принципом распределения /*ɔ*/ и /*δ*/ является аканье, в силу которого в безударных слогах находим уже не [ɔ], а [a] или [ə].

ПРАВИЛА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ *o* И *ω* В МЕРИЛЕ

§ 4. В настоящей статье анализируется материал только так называемой зоны А Мерила (см. Новые данные, § 9). Соответственно в дальнейшем под Мерилем фактически понимается (если не оговорено иное) его зона А; в частности, к зоне А относятся все приводимые подсчеты.

В Мериле *o* (т. е. *o* или *ω*) встречается в записях словоформ только в таких точках, которым в раннем древнерусском соответствовали *ъ* или *o* (обычное или «вставное»); *o* в соответствии с раннедревнерусскими *ь* и *e* в Мериле не представлено.

В результате полного обследования материала зоны А Мерила (включающего около 18 500 вхождений *o* и около 8000 вхождений *ω*) мы приш-

¹³ Далее: МГУ 1367. Ссылки даются на цифровую (не кириллическую) нумерацию листов рукописи; буквы *a*, *b*, *e*, *z* обозначают столбцы.

¹⁴ Под перестроенным понимается слог, за гласной которого прежде (т. е. в раннем древнерусском) шел слог с редуцированным, впоследствии выпавшим. Термин «новый закрытый слог», обычно используемый в этом же значении, менее удобен (особенно когда речь идет о современных языках или говорах), поскольку многие неконечные слоги этого типа (например, первый слог в *прислать* < *присълати*) реально были закрытыми, по-видимому, лишь сравнительно недолгое время после падения редуцированных, а затем снова стали открытыми.

ли к выводу, что в основе распределения букв *o* и *o* здесь лежат следующие правила (в дальнейшем именуемые «основными правилами») ¹⁵.

1. *O*, соответствующее раннедревнерусскому *ъ*, есть *o*, например: *ротъ, пѣсокъ, торгъ*.

2. *O*, соответствующее раннедревнерусскому *o* (обычному или «вставному»), есть *o* в следующих случаях: а) в ударном слоге ортотонической словоформы, например: *ходятъ, добръ, законъ, закона, холмъ, холма*; б) во втором заударном слоге ортотонической словоформы, например: *каблокъ, праведное*; в) независимо от акцентуации, в перестроенном начальном слоге словоформы (а также сочетания «предлог + именная словоформа»), например: *дворъ, домъ, ковчегъ, послати, по два, по мздь*.

3. В прочих случаях *O*, соответствующее раннедревнерусскому *o* (обычному или «вставному»), есть *o*, например: *дому, слово, золото, городъ, городу, вода, голова, масло, старость*.

К основным правилам имеются следующие морфологические поправки. К правилу 1: несколько индивидуальных морфем и словоформ (см. их список в § 8) в нарушение этого правила пишутся с *o*. К правилу 2: постоянно пишутся с *o* окончание Д. мн. *-Омъ* у существительных, аористные окончания *-Омъ, -Овъ*, глагольный суффикс *-Ова-*, частица *-ждО*, окончание *-О* в морфемных сочетаниях *-Ов-О, -ав-О* (независимо от места ударения, т. е. вопреки 2а и 2б), предлог и приставка *О, Об* (вопреки 2в). К правилу 3: постоянно пишутся с *o* (независимо от места ударения) частица *бО*, элемент *гО* в составе окончаний Р. ед. *-ОгО, -егО, -агО*, окончания М. ед. *-Омъ* и Д. М. ед. *-Ои*, корни *Огн-, Осм-, Остр-*. Некоторые менее существенные отклонения от правил указываются при разборе материала.

Кроме того, имеется частная орфографическая поправка: внутри словоформы после гласной буквы распределение *o* и *o* может не подчиняться основным правилам (см. § 30).

На результаты действия основных правил (и поправок к ним) накладывается принцип факультативности выражения /*o*/, в силу которого вместо *o* изредка выступает *o* (так наз. упрощенное написание); см. Новые данные, § 16—22 и табл. 2 ¹⁶.

С акцентологической точки зрения существенно отделить те случаи появления *o* или *o* в Мериле, где выбор между *o* и *o* в принципе зависит от акцентуации словоформы, от тех, где он полностью predetermined другими факторами. Первые можно условно обозначить как «свободные», вторые — как «несвободные». С формальной точки зрения, свободным является всякое конкретное *o* или *o* в составе встретившейся в Мериле конкретной словоформы, которое не подпадает под основное правило 1 или 2в или под какую-либо морфологическую или орфографическую поправку ¹⁷. Кроме того, свободно *o*, написанное в силу морфологической поправки к правилу 1, если оно стоит не в начальном перестроенном слоге. Все прочие *o* и *o* несвободны.

¹⁵ Чтобы обеспечить независимость этих правил от проблемы фонетической интерпретации написаний, они сформулированы для непосредственно наблюдаемого уровня, т. е. для букв.

¹⁶ Эта таблица охватывает 6163 вхождения *o*; остальные *o* — это, во-первых, около 1500 *o* в составе орфограммы *o*^T «от», обладающей повышенной устойчивостью (см. ниже, сноска 52), во-вторых, около 350 *o* в составе словоформ с колеблющимся ударением (а также в неясных случаях).

¹⁷ При этом несущественно, соответствует ли фактический выбор между *o* и *o* требованиям правил.

§ 5. Как легко видеть, основные правила предписывают для букв *о* и *ω* в Мериле распределение, в основном совпадающее с распределением /*о*/ и /*δ*/ в великорусских говорах и памятниках. Имеется лишь два отличия: 1) в начальном слоге *ω* в Мериле выступает не только там, где /*δ*/ ожидается по великорусскому принципу, но также и там, где оно ожидается по украинскому принципу (ср. *двор*, *хѡд'ут*, *дом*, *дѡма* в великорусском говоре деревни Лека¹⁸, *дворъ*, *ходять*, *дѡмъ*, *дому* в МГУ 1367 и *дворъ*, *хѡдять*, *дѡмъ*, *дому* в Мериле); 2) сверх требований великорусского принципа, в Мериле *о дает *ω* во втором заударном слоге.

При том объеме материала, который представлен в Мериле, о случайном сходстве двух распределений не может быть и речи. Заметим, что систематический (а не беспорядочный) характер отклонений Мерила от остальных великорусских памятников и говоров столь же убедительно свидетельствует о неслучайном распределении *о* и *ω* в Мериле, как и совпадения. Таким образом, необходимо признать, что противопоставление букв *о* и *ω* в Мериле отражает (прямо или хотя бы косвенно, всегда или хотя бы в большинстве случаев) не что иное, как противопоставление двух фонем «типа *о*».

В принципе здесь имеются, однако, разные возможности: 1) писцы зоны А Мерила писали *о* и *ω* (по крайней мере, в большинстве случаев) непосредственно по слуху; 2) писцы руководствовались не слухом, а системой чисто орфографических правил, которая в омертвевшем виде сохраняла распределение *о* и *ω*, некогда отвечавшее фактам какого-то другого древнерусского говора¹⁹. В действительности, однако, последняя гипотеза невероятна. Во-первых, в Мериле отклонения от правильного распределения *о* и *ω* совершенно несимметричны: *о* вместо *ω* (т. е. упрощенное написание) встретилось не менее 445 раз, тогда как надежных примеров *ω* вместо *о* (включая явные описки) всего порядка десяти (см. § 30, конец). Между тем при чисто орфографических правилах распределения отклонения в обе стороны равновероятны (см. Новые данные, § 19). Во-вторых, для того чтобы с такой точностью, которую мы видим в Мериле, имитировать разветвленную систему чередований /*о*/ и /*δ*/ в словоизменении и словообразовании (ср. ниже, § 9), потребовалась бы совокупность правил совершенно неправдоподобной степени сложности — во много раз большей, чем в любых других известных из истории русской орфографии случаях подобного рода (например, чем в правилах написания *е* и *ѣ* или безударных *о* и *а*). Наконец, на выбор *ω* или *о* именно по слуху, а не по традиции указывает ряд частных фактов, например колебание между *ω* и *о* в тех самых словах, для которых в других источниках засвидетельствовано колебание ударения или непосредственно колебание между /*δ*/ и /*о*/, ср. «новый» (§ 10), «любовь» (§ 8) и др.; особенно показательны написание *тѡлико*, *кѡлико*, где *ω* соответствует разговорному, а не книжному произношению этих слов (§ 23).

Вывод о том, что писцы Мерила писали *ω* и *о* по слуху, не означает, впрочем, что при этом у них не могло быть частных орфографических правил, которые в каких-то особых случаях требовали нефонетических написаний (см. об этом в § 18 и 30 и в списке 4б).

¹⁸ См. А. А. Шахматов. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. Известия ОРЯС, т. 18, кн. 4. В записи Шахматова /*о*/ передается как *о*, /*δ*/ — как *ω*.

¹⁹ Предположение о том, что писцы зоны А Мерила буква за буквой копировали протограф, можно всерьез не рассматривать — хотя бы потому, что у писцов разных зон разная орфография и если уж кто-то из них и копировал орфографию протографа, то не учителя-каллиграфа (т. е. писцы зоны А), а ученики.

РАЗБОР МАТЕРИАЛА

§ 6. Ниже разбирается (в порядке основных правил) материал зоны А Мерила²⁰; этот разбор должен показать, на чем конкретно основаны утверждения, содержащиеся в § 4.

При цитировании Мерила и других памятников о узкое и о широкое передаются как *o*, *e* обычное, йотированное и «якорное» — как *e*, юс малый — как *я*, ук — как *у*. Надстрочные знаки, кроме знаков ударения, не передаются (*i* «десятеричное», независимо от наличия и числа точек, передается как *i*). Если не оговорено иное (ср. сноски 13, 30), буква «б» обозначает оборотную сторону листа. Ради краткости вместо ссылок на текст в большинстве случаев указывается лишь общее число вхождений; знак × заменяет слово «раз». Если подсчет дан после серии примеров, при которых нет ссылок на страницы (или подсчетов), он означает сумму по всей серии. При подсчетах разница между *u* и *i*, *ou* и *u* и между выносной и обычной буквой не принимается во внимание. При перечислении словоформ возможна сокращенная запись, например: *волость*, *-и*, *морьск-аго*, *-ую* (сокращенно записаны *волости*, *морьскую*). Для названия лексем при необходимости может быть использовано соответствующее современное слово в кавычках, например: «мой», «познать». Сведения об упрощенных написаниях (т. е. *o* вместо *ω*) даются очень сжато; при этом все цитируемые примеры относятся к нормальным условиям, поскольку упрощенные написания, выступающие в особых условиях, малопоказательны (о нормальных и особых условиях см. Новые данные, § 20).

Специально отметим следующее. В Мериле добавление к полнзначной словоформе служебных слов не влияет на ее написание; например, мы находим не только *домъ* (где *ω* в силу основного правила 2в), но и *на домъ*. Независимо от того, как объясняется эта особенность (фонетически или чисто орфографически), она в принципе дает нам право цитировать словоформы вне контекста.

Первые части сложных слов обычно пишутся в Мериле с теми же *o* или *ω*, что и при самостоятельном употреблении, например *законодавецъ* (при флексийном ударении первого члена наблюдается колебание, например, *заимодавецъ* и изредка *заимодавецъ*).

О из раннедревнерусского з

§ 7. В соответствии с основным правилом 1, *O* из раннедревнерусского з обычно представлено в Мериле как *o*. Материал здесь весьма велик, поэтому ниже дается лишь краткий его обзор (приводятся встретившиеся словоформы²¹ или даже просто морфемы).

O в корнях. С прежними *tъrt*, *tъlt*: *болгаръ*, *оболкъшеся*, *оболчени*, *борз-*, *борть* и произв., *вошьбныя*, *волкъ* и др., *волны* «updae» и др., *голважень*, *горд-*, *горлицы*, *горнъчару*, *гортань*, *долгъ* «longus» и произв., *долгъ* «debitum» и произв., *колбягъ*, *кормъ* и произв., *кормъчи* и др., *окорненъ* и произв., *корчагъ* и др., *корчемница* и др., *молныя*, *молч-*, *полз-*, *исполчениемъ*, *стополцъ*, *портъ* и др., *испортить*, *оскорби*, *столгъ* и произв., *толкъ*, *оутолченъ*, *торгъ* и др., *торгахоу* и произв. (всего около 300 ×); также *полн-* 43 × (но один раз с *ω*; см. § 8; там же о *мОлв-*). Отметим на-

²⁰ Примеры из зоны Б приводятся только при особой необходимости. Отметим, что в этой зоне (которая в 15 раз меньше зоны А) распределение *o* и *ω* почти такое же, как в зоне А, но с более низким коэффициентом выраженности /*б*/ (вероятные ошибки — только *такωвнхъ* 97, *скωтъское* 1266, *ктω* 141, *мбтъного* 2116).

²¹ Здесь и в дальнейшем «и др.» после словоформы означает «и другие словоформы той же лексемы»; «произв.» — производные.

писания *горъстию* 3б, *въ|скоръмленици* 6, *исторъгну* 19б. С прежними *trgt, tlgt*: *дрова* 128б, *-ѣхъ* 340, *кровь* (12×), *кровью* (2×), *крово*, *-и* (7×), *кровоавъ*, *кровопротитина* (4×), *стропот-енъ*, *-но*, *-наа* (4×), *строптив-ыи*, *-а* (2×), *тростъе*, *-и* (2×), *яблоко* 111 (о *плоть* см. § 8). Прочие: *вонъ* «паружу» 32б, *дожь даа* 65б (менее вероятно чтение *дожьдаа* «pluens»), *дождевныа* 3б, *золъ* И. В. ед. муж. (4×), *козньми* 33, *кознии* 242, *ложн^а* Р. ед. 119, *потки* «птицы» 33б bis, *сноха*, *снохи*, *снось* (10×), *посолаъ* «поручение» 158б, 159, *солни-ци*, *-ки*, *посолни-къ*, *-ци* (8×), *сотныа* 149б, *сотники* 17б, *токмо* (77×), *точью* (11×), *оутокъ* И. ед. 5б, *приточъ* Р. мн. 10б, *да въстокнуть* 192, *по тонку* 31, *топчють* 348, *бес тощеты* 128б, *изъ|тощиши* 121б, *истоцано*, *-ие* (3×); сюда же *взопьеть* 119б, *взопють* 18, *взопи* 40б. Об «уповать» см. § 8.

О в послекорневых элементах основы. *-*тък*-: *кратокъ*, *крѣнокъ*, *легокъ*, *ползокъ* (9×); *добытокъ*, *прибытокъ*, *зачатокъ*, *начатокъ*, *опрѣсноки*, *на послѣдокъ*, *пѣсокъ*, *свитокъ*, *четвертокъ* и т. д. (34×). *-*тъп*-: *луконъ* Р. мн. 341 bis. *-*тъъ*-: *въкошь* Р. мн. 342б bis. *-*тът*-: *локотъ* Р. мн. 341, *полоть* 332б, 339 (<*ролътъ, ср. в МГУ 1367 *полтма* 131г, 188б), *шепотникомъ* 72. *-*тъв*-: *свекрови* Д. ед. 252б, *катрови* Д. ед. 170, *за оутовъ* «за утку» 340. Отметим также постоянные *тогда*, *когда*, *нѣкогда*, *овогда*. О словах «любовь», «церковь», «стропотный» см. § 8.

О в окончаниях. И. В. ед.: *градось* 61б, *бракосъ* 220б, 221, *работъ* 262. В Т. ед. *-Омъ* записывается только с о (при любой акцентуации): например: *попомъ*, *животомъ*, *пѣскомъ*, *числомъ*, *молокомъ*, *тепломъ*; *дѣломъ*, *закономъ*, *правиломъ*, *домомъ*, *словомъ* (в сумме около 310×). Таким образом, показания Мерила (равно как и МГУ 1367, где в Т. ед. тоже всегда *-омъ*) в очередной раз подтверждают тот известный факт, что в раннем древнерусском здесь было *-ъмь*.

О в приставках и предлогах (встречается сотни раз). Примеры: *вочтена*, *сожъжетъ*, *сонмище*, *возметъ*, *подотнетъ*; *вообразить*, *соуюзъ*, *согрѣшити*, *возносити*; *во тмѣ*, *во пса мѣсто*, *со многими*, *ко мнѣ*, *ко князю*; *во адъ*, *во оумѣ*, *со инѣми*, *во своемъ*, *во правду* и т. п. Отметим также союз *но*.

Изредка вместо о (из прежнего ѣ) в Мериле встречается также архаичное написание ѣ, в частности: *вълѣвоуа* 100б, *дѣлженъ* 89б, *тѣлкъ* 71, *ѿ|търженѿ* 112, *брѣ|нѣ* 178б, *брѣсняху* 344б, *дѣждь* 33, *сѣтнаа* 105, *тѣкмо* (3×), *възмеши* 118 и др., *възпи* 123 и некоторые другие. По-видимому, все эти записи фонетически равнозначны записям с о. В некоторых случаях неясно, передает ли буква ѣ гласную или нуль звука (ср. *сноску* 51), например: *дѣждя* Р. ед. 33, В. мн. 56б, *на дѣскахъ* 109, *дѣхну* 193, *тѣснися* «старайся» 27, *истѣщитъ* 132б, *въпрасъ* 345б и т. п.

В *храборствѿ* 111б, 127 о, по-видимому, эпентетическое; в *со оптенци* «с птенцами» 32 о протетическое.

§ 8. Имеется, однако, некоторое число случаев, когда в соответствии с этимологическим ѣ мы обнаруживаем в Мериле не о, а ѿ. Так, всегда с ѿ в Мериле пишутся: 1) морфема *плот-*(ъ) в перестроенном слоге — *плоть* 4б, 190, 230б, 344, *плотью* 3, 27б, 34, 172б, 181б, *плотн-ымъ* 5б, *-аа* 64б, *-ыхъ* 6, *плотъск-аа* 109, *-ихъ* 135б (ср. в неперестроенном слоге *плоти* Р. ед. 33, 173б, М. ед. 3, также *плти* Р. ед. 4, 5б, *плотвднѣтъ* 33); 2) морфема *молв-* — *молва* 56б, *-у* 26б, *-ы* В. мн. 77б, *молв-ити* 23б, 68, *-ить* 21б, 31, 64, *-ишь* 30б, 63б, *-и* повел. 23, *измолвити* 29б; 3) причастие *скрОвень* — *скрОвень* 2, 52, *-оѣ* 261б, *-ъмь* 45, *-у* 53б, *-аа* 11б, *-ыхъ* 40, *-ю* Р. дв. 39б; 4) *вѿину* «всегда» (10×: 38б, 75, 148б и др.; но также *выну* 207б), *вѿ имя* 14, 59б, 109, 171, *вѿнъ* «в него» 1, 118б, *вѿнже* «в который» 136б, 161, 164 bis (также *вѿнже* «в которое» 203б), *вѿнми* повел. 14; *вѿтъ* «в тот» (*часъ*, *днѣ*, *гвдѣ*) (10×: 35, 41, 201б и др.); 5) словоформы

тѡтъ 149, 225, *кѡждо* И. ед. муж. (11 × : 18 bis, 34б, 37 и др.). По-видимому, сюда же относится *просѡлъ* (даеть... *жито во просѡлъ* 336б «дает зерно взаимы с тем, чтобы оно было возвращено с присыпкой»; *про* исправлено в рукописи на *при*). Кроме того, встретились с *ѡ* (при более обычном написании с *о*): *любѡвь* В. ед. 42б, 45, *любѡвию* 20 (при *любѡвь* 5, 24б, 132, 19б, 249б, -*ью* 22б, 70б, 112, 202б, -*ию* 167, *любѡвникъ* Р. мн. 144); *црѣковна* 97 (при *црѣковнѡе* 78, -*агѡ* 84б, -*ѡму* 94, 198б, -*ымь* 160б, -*ии* 134); *полна* В. ед. 64 (при *полн-а*, -*агѡ*, -*аю* и др. 43 ×).

Ясно, что по крайней мере в группах 1—5 появление *ѡ* нельзя приписать простой случайности. Ряд фактов говорит о том, что перед нами не орфографическая условность, а передача /*ѡ*/ (т. е. *ѡ* здесь имеет свое обычное фонетическое значение, а нарушены лишь диахронические правила).

Прежде всего многие из рассматриваемых слов записываются со знаком для фонемы /*ѡ*/ также и в других памятниках, различающих /*ѡ*/ и /*ѡ*/ (притом что графические приемы передачи /*ѡ*/ в разных рукописях различны). Так, в МГУ 1367 из этих слов представлены с *ѡ*: постоянно — *воину* «всегда», *ѡ имя*; изредка — *ѡтъ* «в тот» 129г, 200б, *исполнь* 104г (при обычных *ѡтъ*, *полн-*, *исполн-*). В Травнике (см. Новые данные, § 3): *плѡтъ* и производные (5 ×), *да промѡлвити* 134б, *црѣковны** 373б. В рукописях с камерной системой постоянно или хотя бы спорадически выступают с камерой слова «плѡтъ» и производные, «во имя», «вонь(же)», «воньми», «любовь». Далее, в современных русских говорах находим, в частности: воронежск. *любѡвь*, *любѡви*, *любѡвьѡ*²², вятск. *тѡтъ*²³, тотемск. *l'ubôf*, *l'ubôv'i*, *tôt*²⁴, лекинск. *тѡтъ* (наряду с *тот*)²⁵.

З а м е ч а н и е. При этом, однако, в тех же самых рукописях и говорах можно также найти и примеры расхождений с Мерилом. Так, в МГУ 1367 *плѡтъ*, *молвити*, *вонь*, *вонже*, *тѡтъ*, *кѡждо* представлены только с *о*, с другой стороны, например, *ѡ истину* — всегда с *ѡ* (ср. *ѡ истину* в Мериле); в части говоров «любовь» и «тот» выступают с /*ѡ*/. Таким образом, индивидуальные замены /*ѡ*/ на /*ѡ*/ затрагивали в разных говорах несколько различные наборы слов.

Весьма показательны также то, что в рассматриваемой группе примеров из Мерила *ѡ* нигде не выходит за рамки тех акцентных и слоговых позиций, в которых в говоре Мерила было возможно /*ѡ*/ (см. § 34). Так, это *ѡ* представлено: а) в односложных словоформах (*плѡтъ*, *вонь*, *ѡтъ*, *тѡтъ*) и в начальном слоге перед двумя согласными (*плѡтнымь* и т. д., *мѡлва* и т. д., *полна*, *вонже*, *воньми*, *кѡждо*); *воину* и *ѡ имя* относятся к той же особой группе, что *своими* и т. п. (см. § 22); б) в прочих положениях — только под автономным ударением (*измѡлвити*, *скрѡвенъ*, *просѡлъ*, *любѡвь*, -*ию*, *црѣковна*). Особенно показательны чередование *ѡ* — *о* в *плѡтъ*, *плѡтъю*, *плѡтнымь* — Р. ед. *плѡти* (энклитический), М. ед. *плѡти* (конечное ударение); ср. такое же чередование, например, в *нощѡ*, *нощии* — *нощи*, где *О* из *о.

Причины появления «незаконного» /*ѡ*/, по-видимому, были для разных слов различными. В нескольких случаях мы имеем дело с аналогическим переносом, механизм которого достаточно прозрачен. Так, *тѡтъ*, *кѡждо* явно восходят не к раннедревнерусским *тѡтъ*, *кѡждѡ*, а к *тѡтъ, *кѡждѡ, получившимся в результате обобщения *то-*, *ко-* (выступающих в

²² Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. Сборник ОРЯС, т. 95, № 1, с. 6, 23, 45 и др.

²³ Там же, с. 71.

²⁴ О. Б р о к. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Сборник ОРЯС, т. 83, с. 35, 125.

²⁵ А. А. Ш а х м а т о в. Там же (см. спуску 18), с. 186.

среднем роде *и* в ряде косвенных форм)²⁶. В *скрѡвенъ* *o*, вероятно, по аналогии с *скрѡвище* и другими производными (ср., например, *отъкрѣвено*, *покрѣвено*, но *скрѡвище*, *покрѡвъ* в Остромировом евангелии). В *црѣковнака* следует видеть влияние суффикса *-Oв-* (об ударении см. § 12), ср. *грѣховнии*; это влияние могло затрагивать также основу *любOв-*.

Слово *просѡнъ*, по-видимому, перешло в модель склонения с небеглым *O*: ср. небеглое *O* и срединное ударение в Чуд. *осѡни* И. мн. 38г (= *λομοι*, *pestilentiae*, Лука XXI, 11) от того же корня *сър* (по значению ср. *o-сър-a*). После этого оно и по огласовке уподобилось господствующей модели *потѡнъ*, *потѡпа* (заметим, что в говоре Мерила для словоформ **прOсOпа*, *-у* и т. д. огласовка /*o*/ в корне, по-видимому, была невозможна, см. § 31). Ср. аналогичное развитие в воронежск. *ваздѣбхами*²⁷.

Сочетание *вотъ* «в тот» (из *въ ть*), вероятно, обязано своим *o* влиянию местоименной основы **от-*, давшей, в частности, современное *вот* (в говорах /*vôt*/)²⁸; ср. также *i отъ* «и тот» в Мариинском евангелии (Лука XI, 7; в прочих старославянских евангелиях *и ть*); дополнительное влияние здесь могла оказать словоформа *тѡтъ*.

Появление *o* в *плѡтъ*, *воину* «всегда», *во имя*, *вонъ(же)*, *вонми* (отчасти также в *любѡвъ*) связано, как предполагали уже Л. Л. Васильев и Н. Н. Дурново, с их книжным характером. Как показал Н. Н. Дурново²⁹, по крайней мере часть русских книжников XI века читала *ъ* в старославянских словах как *o*, причем для слов, не имевших прямых соответствий в живом русском языке (например, *оупъвати*), это чтение могло закрепиться. Именно такое произношение с *o* в раннем древнерусском и следует предполагать для приведенных здесь книжных слов; в дальнейшем это *o* развивается по общим правилам, в частности, дает в говоре Мерила *o* или *o* в зависимости от акцентной и слоговой позиции, ср. выше *o* чередовании *плѡтъ* — *плоти*; ср. также *оуповаи*, *оупование*. Возможно, сюда же относится *стропот-енъ*, *-но*, *-нака* (при *стрѣпътна*, например, в Изборнике 1076 г.): ср. в МГУ 1367 *стропотнака* 233г, где как *-пѡт-*, так и *стро-* указывают на прежнее чтение с *o*, а не с *ъ*.

Иной источник имеет *o* в морфеме *мѡлв-* (из *мълв-*): по-видимому, в говоре Мерила в этой морфеме произошло какое-то фонетическое преобразование сочетания *ол* между двумя губными согласными; ср. особое развитие этой морфемы в укр. *мѡва*, *мѡвити*, белор. *мѡва*, *мѡвѣць*, польск. *това*, *тѡвѣс*. Что касается единичного *пѡлн-* (на фоне *полн-* 43×), то здесь, быть может, представлен первый проблеск тех колебаний между /*o*/ и /*ô*/ в морфемах данной структуры, которые наблюдаются в XVI веке (ср. также *испѡльнъ* в МГУ 1367); но не исключена и простая ошибка писца.

О из раннедревнерусского *o*

Основная часть материала

§ 9. Основную часть материала здесь составляют свободные *O* (см. § 4), кроме подпадающих под основное правило 2б; этот массив включает около 16 000 вхождений *o* и около 2800 вхождений *o*. Нами был проведен последовательный разбор этого материала, в ходе которого написание каж-

²⁶ Ср. там же, с. 186, сноска 1.

²⁷ Сборник ОРЯС, т. 95, № 1 (см. сноску 22), с. 19.

²⁸ См. М. Д о л о б к о. Der sekundäre *v*-Vorschlag im Russischen. Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. III, № 1—2, S. 107—109.

²⁹ См. Н. Д у р н о в о. Славянское правописание X—XII вв. «Slavia», гоѡ. 12, № 1—2, Praha, 1933.

дой словоформы в Мериле сопоставлялось с имеющимися сведениями об ее акцентуации в XIV веке. Эти сведения складываются прежде всего из показаний Чудовского Нового Завета XIV века³⁰, а также из данных более позднего времени (включая современный язык); и то и другое используется с учетом общих положений сравнительно-исторической акцентологии славянских языков.

Проведенный разбор показал, что для данного массива выбор между *ѡ* и *о* непосредственно определяется акцентуацией словоформы: под автоматическим ударением выступает *ѡ*, в прочих случаях *о*. Разумеется, здесь как и во всех других группах словоформ, есть некоторое количество упрощенных написаний, однако коэффициент выраженности /ѡ/ (см. Новые данные, § 18) столь высок — в нормальных условиях около 97%, — что упрощенные написания лишь в незначительной степени затемняют общую картину. Случаев обратного типа, когда в явное нарушение данной схемы написано *ѡ* вместо *о*, ничтожно мало (все они приведены в § 30). В настоящей статье привести весь этот разбор невозможно; этому будет посвящена отдельная более обширная работа³¹. Ниже приводятся лишь наиболее наглядные примеры, дающие общее представление о картине, открывающейся при анализе Мерила.

Начнем с примеров, где ударение XIV века совпадает (по месту) с современным.

Примеры словоформ с полногласием. Энклиномены: *бородоу*, *волоси*, *волость*, *-и*, *-ью*, *ворогъ*, *-у*, *голову*, *городъ*, *-а*, *золото*, *норовъ*, *солоду* Р. ед., *солонъ*, *на всѣ стороны*. Ортогонические словоформы — с безударным *-ОрО-*, *ОлО-*: *володимѣръ*, *воротити*, *голова*, *-ы* Р. ед., *городьска*, *дорогѡе*, *золота* И. ед. жен., *молода* И. ед. жен., *-ыѣ*, *молокѡ*; с ударением *-ОрО-*, *-ОлО-*: *за волѡгу*, *ворѡнамъ*, *оу ворѡтъ*, *ворѡтитъ*, *ворѡчати*, *колѡду*, *за корѡву*, *порѡги*, *сдорѡви*, *скоморѡхъ*, *холопъ*, *-а*, *-и*, *в хорѡмъ*. Прочие примеры. Энклиномены: *слово*, *око*, *около*, *просто*, *помощь*, *похоть*, *кртость*; *мясо*, *оухо*, *живо*, *прямо*, *было*, *взято*, *немошь*; *море*, *очи*, *воду*, *носа*, *рода*, *кости* В. мн., *двое*, *голубъ*, *корень*, *осень*, *островъ*. Ортогонические словоформы: *злѡ*, *добрѡ*, *селѡ*, *винѡ*, *проценѡ*, *погребенѡ*; *мнѡго*, *сбѡра*, *прѡситъ*; *готѡво*, *мужьскѡму*, *закѡлеть*, *котѡрое*, *оузакѡнити*; *живѡтъ*, *порѡкъ*, *домѡвъ*; *подѡбно*, *разѡиникъ*; *вдова*, *покрыто*.

Характерные примеры чередования *ѡ* — *о* при словоизменении и словообразовании: *живѡтъ*, *живѡта*, *живѡтнаѡ*; *сирѡта*, *сирѡтъ*; *слово*, *прекослѡвѡе*; *добрѡ*, *дѡбрѡе*; *просто*, *простѡе*; *молю*, *мѡлить*, *мѡлѡть*, *моля*, *моли повел.*, *молити*, *моленѡ*; *хѡдишь*, *хѡдить*, *хѡдятъ*, *хѡдя*, *ходи повел.*, *ходити*, *ходивше*, *на вѡхѡдъ*, *исхѡдъ*, *прохѡда*; *смѡтритъ*, *смѡтримъ*, *смотря*, *смотри повел.*, *рѡсмѡтренѡе*; *родить*, *родити*, *родѡла*, *нарѡды*; *оугодимъ*, *оугодити*, *неоугоденъ*; *хѡцю*, *хѡщѡшь*, *хѡщѡтъ*, *хѡтятъ*, *не похѡчи*, *хѡтѣти*, *хѡтѣлъ*; *могу*, *можѡешь*, *можѡеть*, *можѡемъ*, *можѡуть*, *не моzi*, *невъзмѡжно*.

§ 10. Перейдем к примерам, где ударение XIV века не совпадает по месту с современным (или в современном языке нет соответствующей словоформы).

Слово «воля» имеет в Чуд. особую аномальную акцентуацию (разноместное ударение при отсутствии оттяжек ударения на проклитику), не

³⁰ Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского). М., 1892 (далее: Чуд.). Ссылки даются на листы оригинала; буквы *а*, *б*, *в* обозначают столбцы.

³¹ Соответственно в § 9—11 примеры даются без ссылок на текст (и обычно даже без подсчетов частоты); упрощенные написания не приводятся.

сохранившуюся в таком виде ни в одном из позднейших памятников и до сих пор не получившую общепринятого объяснения. Оказалось, что в Мериле распределение *о* и *Ѡ* в парадигме этого слова точно соответствует показаниям Чуд. (в приводимых парах левый член принадлежит Мерилу, правый — Чуд.): И. ед. *воля* (3×) — *воля, воля* (10×); Р. ед. (на -я)³² *воля* (15×) — *воля* (2×); Д. М. ед. *воли, по воли, по воля* (4×) — *вли, по вли* (6×); В. ед. *волю* (10×) — *волю* (12×, по 1 раз *волю*). Для Т. ед. в Чуд. нет надежных примеров (в Мериле *волею* 7×).

В Чуд. противопоставлены два акцентных типа аористов на -*охъ*, например, *свед-бахъ*, -*бша*, но *обрѣ'т-охъ*, -*оша*. В более поздних памятниках обычно уже полностью или частично обобщено ударение типа -*бахъ*, -*бша* (более того, уже в самом Чуд. в некоторых случаях замечаются колебания в сторону этой новой акцентовки). Оказалось, что написания Мерилы почти безупречно соответствуют данным Чуд. Характерные примеры (способ записи тот же, что выше): 1) *погребѡша* — *погребѡша*; *внидѡша* — *внидѡша*; *оумрѡша* — *оумрѡша*; *принесѡша* — *принесѡша*; *рекѡша* — ср. *нарѣѡша*; *текохѡхъ* — ср. *текохѡхъ*; 2) *погибоша* — *погибоша*; *въздвигохъ* — *въздвигохъ*; *изльзоста* — ср. *слѣ'зоста*; *обрѣтоша* — *обрѣ'тоша*; *сѣдоша* — *сѣ'доша*.

Приведем еще несколько примеров соответствия между показаниями Мерилы и Чуд.³³: *солѡмонъ* — *солѡмонъ*; *чювьствѡ* — ср. *чювьствѣ*; *свобода* — *свобода*; *свободно* — ср. *свѡбодни* (энклиномен); *свѡбоднѡму* — ср. *свѡбоднѣи*; *вѣчноѡ* — ср. *вѣчнѣю*; *должнѡму* — *должнѡму*; *мирноѡ* — ср. *мирнѡго*; *сѣтлѡѡ* — ср. *сѣтлѡю*; *твердоѡ* — ср. *нетвердѣи*; *вторѡѡ* — *вторѡѡ*; *нарѡчитѡи* — ср. *нарѡчита*; *оногѡ* — *оногѡ*; *такогѡ* — *такогѡ*; *боле* «больше» — *болѣ*; *кромѣ* — *кромѣ*; *подѡбаеть* — *подѡбаеть*; *озлѡбляющими* — ср. *озлѡбляи*; *порабѡтитъ* — ср. *порабѡтятъ*; *порабѡщаетъ* — ср. *порабѡщаю*; *наложитъ* 3 ед. — ср. *наложитъ*; *поданѡ* — ср. *проданѡ*; *избранѡ* — ср. *собранѣи*. Правильное соответствие между Мерилом и Чуд. может выражаться также в том, что колебаниям между *Ѡ* и *о* в Мериле отвечают колебания ударения в Чуд. Например, в Мериле представлены *новѡи*, *новѡмоу*, *новѡю*, *новѡхъ* и др. (9×) и *новѡѡ*, *новѡю*, *новѡхъ* и др. (29×), а в Чуд. — *нѡви*, *нѡвоѡ* и др. (5×), но также *новѡмоу* 1176.

В ряде случаев акцентовка, предполагаемая написаниями Мерилы, непосредственно не засвидетельствована в Чуд., но известна из более поздних памятников. Примеры: *о польхъ*, *о воляхъ*, *въ дворѣхъ*, *философа*, *добрѡта*, *теплѡту*, *мужствѡ*, *блуднѡѡ*, *брачнѡѡ*, *страшнѡму*, *сладкѡѡ*, *катѡѡ*, *взятѡѡ*.

§ 11. Совокупность надежных случаев, когда в ортогонических словоформах *Ѡ* Мерилы соответствует ударному *о* других памятников, столь велика, что многочисленные случаи несоответствия, как правило, должны истолковываться просто как свидетельство разницы (диалектной или хронологической) в акцентуации. Примечательно, что основные расхождения между Мерилом и Чуд. тоже носят систематический, а не разрозненный характер. Так, в Мериле причастия с -*ицъ* от глаголов акцентной парадигмы *б*³⁴ на -*ити* систематически обнаруживают огласовку *Ѡ*:

³² В Мериле встретился также Р. ед. *воли* 342, с окончанием и огласовкой Д. М. ед.

³³ Большинство показанных здесь ударений можно встретить не только в Чуд. С другой стороны, в самом Чуд. в части случаев наряду с приводимым ударением встречается и более новое (совпадающее с современным).

³⁴ О термине «акцентная (или акцентуационная) парадигма» (идушем еще от Ф. де Соссюра) см., в частности, В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963, с. 4. Обозначения акцентных парадигм (*a*, *b*, *c*) — по книге: С h. S t a n g. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

гоняще, молящися, носяще, просящему, смотряще, ходяща, входящихъ и т. д. (всего 71×; в нормальных условиях о нет). Между тем в Чуд. здесь господствует суффиксальное ударение: *гоняще, моляще, носяще, просящемоу, смотрящимъ, ходяще* и т. д. (примеры типа *не ходяще* 117в крайне редки). Ясно, что в говоре Мерила, в отличие от говора Чуд., в данном классе словоформ было корневое ударение.

Не рассматривая здесь всех подобных случаев, где Мерило фактически дает акцентологу новую информацию, отметим лишь один важный момент: в говоре Мерила подударное окончание Т. ед. -*Оу* у членных прилагательных имело ударение на *О* (ср. *златоу, стюу, воцаноу, таковою* и т. д.), а у существительных и местоимений — на *ю*³⁵ (ср. *бѣдоу, виною, враждоу, головоу, гороу, женоу, мздоу, ногоу, рабоу, ротоу, рукоу, сестроу* и т. д.; постоянно *тоу, мноу, тобою, собою* и лишь 1 раз *со мноу* 223б).

О в о в т о р о м з а у д а р н о м с л о г е
и в о п р о с о в т о р о с т е п е н н о м у д а р е н и и в г о в о р е
М е р и л а

§ 12. Появление *о* во втором заударном слоге оротонических словоформ — одна из наиболее замечательных особенностей Мерила. Особенно показательны примеры, содержащие два свободных *о* одновременно: *воиньствоу, оузаконеню, оумноженюе, расмотренюе, скрвоенюу, подбалоу, икономоуе*; они не оставляют возможности для предположений о сдвиге ударения.

Основную часть материала, относящегося к данному вопросу, составляют словоформы прилагательных и причастий с окончаниями -*О*, -*Ое*, -*Ому*, -*Оу*, -*Омъ* (Д. мн.). Прилагательные. Непроизводное *скарѣдоу* 114б. *-*ьп-*: *бжѣтвен-оуму*, -*оу*, *бѣствен-оуму*, -*оу*, *пребжѣтвен-оуму* (7×), *ественю*, -*оу*, -*оуму* (4×), *избыточнюе* 179, *искреннюму* 37б, *истинню*, -*оу* (7×), *лѣствичнюе* 49б, *мѣсячнюе* 179, *недостатчнюе* 184б, *обычайнюе* 226б, *огнен-оу* 68, -*оуму* 60б, *паствинню* 268б, *(не)праведню*, -*оу*, -*оуму* (29×), *ржѣтвенюе* 224б. *-*ьск-*: *апѣк-оу*, -*оуму* (4×), *постничьк-оуму* 162б. *-*ин-*: *июдиню* 41. *-*ак-*: *инакю* (21×), *нѣкакю* 133б, 143. Причастия. *-*ем-*: *бываемюе*, *свершаемю*, -*оу*, *обладаемюе*, *глемюе* (по-видимому, = *глаголемюе*), *призываемюмъ*, *взискаемюе*, *оукаряемю*, *низлагаемюе*, *попираемю*, *неприсяжаемюму*, *стваряемю*, -*оуму*, *начинаемюму*, *причитаемюмъ*, *являемюму* (в сумме 19×). *-*им-*: *(не)видимюе*, *ненавидюмюмъ*, *обидимюму*, *(не)движим-оу*, -*оумъ*, *неподвижимюе*, *непостижимю* (в сумме 13×). *-*ен-*: *сверженюму*, *оузаконеню*, *оузаконнюму* (ь написано вместо *е*), *краденюе*, *окраденюмъ*, *оукраденю*, -*оу*, -*оуму*, *скрвоенюу* Р. дв., *купленюму*, *оумаленю*, -*оу*, *оумноженюе*, *оуправленюе*, *расмотренюе*, *оставленю*, -*оу*, *поставленюму*, *съставленюе*, *оставленю*, -*оу*, *проуоставленюму*, *оутърженю*, *изѣденю*, *оуказвенюе* (в сумме 31×). *-*н-*: *заповѣдан-оу*, -*оуму*, *исповѣданюму*, *оувѣданю*, *сѣщаню*, *глюю* (по-видимому, = *глаголаню*), *огланюе*, *несѣланюе*, *коччаню*, *писаню*, -*оу*, -*оуму*, *(не)написаню*, -*оу*, *подѣписаню*, *испытаню*, *поруганю*, *вѣданю* (от *вѣдати*), *посланюмъ*, *слышаню* (в сумме 47×). Кроме того, перфект *подбалоу* 34б.

Далее, сюда относятся словоформы существительных с окончаниями -*О*, -*Ови*, -*Овъ*: *каблокю* 111; *зеркалю* 29, *мѣрилю* (3×), *постризалю* «нож-

³⁵ Ср. догадки Л. Л. Васильева о возможности такого ударения, основанные на некоторых реликтовых примерах из более поздних рукописей; см. Л. Л. В а с и л ь е в. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929, с. 138—139 (далее сокращенно: Васильев).

ницы» 345, *правилѡ* (18×), *ставилѡ* (3×); *вѡиньство* (5×), *дѣлательство* 1556, *приставничьство* 153, *свѣдительство* 80, *тиоуньство* 153, *храборьство* 1116, 127; *федоровѡ* Д. ед. 224; *дыаконовѡ* Р. мн. 946, *икѡномовѡ* Р. мн. 1586. Кроме того, *наволѡки* Р. ед. 100.

З а м е ч а н и е. Здесь нет возможности разбирать вопрос об ударении каждой из приведенных словоформ. Укажем лишь, что все отразившиеся в этих примерах акцентовки, отличные от современных, находят исторические подтверждения; ср., например, в Чуд. *мѣрило*, *дѣлатель*, в рукописях XVI в. — *тиоунь* и т. д.; исторически правильно также ударение *пострѣзати.

Упрощенные написания (например, *праведно*, *оузаконено*, *мѣрило* и т. п.) встречаются здесь несколько чаще, чем в среднем по Мерилу: для приведенной совокупности словоформ (ѡ 240×) в нормальных условиях их 20 (и еще 5 для других словоформ аналогичной структуры).

В некоторых словах можно предполагать колебание ударения; например, *црковн-ѡе*, -ѡму и др. (24×), *старѣишиньство* 956, 166, по-видимому, отражают ударение на первом слоге, а *црковнаѡ* 97, *цркви-ѡе*, -ѡму (3×), *старѣишиньство* 1816, 2016 — на втором. Имеется, наконец, около десятка примеров с неясной акцентуацией, которые мы здесь не разбираем.

Для сопоставления со вторым заударным слогом оротонических словоформ приведем примеры свободных *О*: а) в первом заударном слоге оротонических словоформ — *мнѡго*, -ѡе, -ѡму, -ѡю, *довѡлно*, -ѡе, -ѡмъ, *масло*, *чадо*, *колѣно*, *свѣтило*, *холопъство*, *коварьство*, *дыаконь*, *федоръ*, *старость*, *радостью*, *адовныя* и т. д. (сотни примеров); б) в третьем заударном слоге оротонических словоформ — *немлѣтивно* 168, *хрѣтознаменанѡе* 168, также *старѣишиньство* (2×, ср. выше), *старѣишино* Зв. ед. 2076³⁶; в) в любых слогах энклиноменов (в том числе и в третьем от начала) — *золото*, *около*, *свободно* (ср. § 10), *ѡтѡто*, *приѡто*, *немоцно*, *непросто*, *нескоро*, *нетвердо*, *на нѡ*, *про злато*, *око за око*, *и за дерево*, *ни на десно ни на лѣво* и т. д.

Поскольку во втором заударном слоге оротонической словоформы рефлекс прежнего *о* такой же, как в ударном (но не такой, как в прочих безударных), естественно предположить, что на данную позицию приходилось какое-то просодическое усиление, которое без далеко идущих обязательств можно обозначить как *второстепенное* (или ритмическое) ударение.

§ 13. Имеются, однако, некоторые отклонения от основного правила 2б, связанные с наличием в словоформе определенных морфем. Так, в ряде случаев вместо ожидаемого ѡ находим *о*.

Только *о* (но не ѡ) встречается в аористных окончаниях -*Омъ*, -*Овъ*. Словоформы, где это заведомо противоречит правилу 2б, таковы: *глаголахомъ* 128, *обрѣтохомъ* 2536, *мѡгоховѡ* 40; менее надежны *слышахомъ* (4×), *видѣхомъ* 49, *видѣховѡ* 40 (поскольку во многих памятниках у этих глаголов встречается ударение на втором слоге). Остальные примеры не противоречат основным правилам: *рекохомъ*, *текоховѡ*, *писахомъ*, *вѣпрашаховѡ*, *быхомъ* и т. д. (всего 32×).

Тот же эффект наблюдается в глагольном суффиксе -*Ова*-, в морфеме -*ждО* и в окончании -*О* у прилагательных с суффиксами -*Ов*-, -*ав*-. Материал, определенно противоречащий пункту 2б: *свѣиствовати* 1786, *вѡиньствѡваша* 140б, 257б, *назнаменовати* 176б, *свѣдительствѡвати* 20б, 80, -*оваю* (sic) 173б; *къеждо*, *къежьждо*, *къеиждо* (8×), *еликождо* 87б; *неистово* 271, *дионисово* 347б, *сирахово* (2×), *федоритово* 45б (киноварь), *василье-*

³⁶ Однако в единственном примере с *О* в четвертом заударном слоге находим ѡ: *свѣдительствуем ѡ* 21, ср. § 17.

во 70, *їсво* 26, *корѡстаѡ* 7. Ср. соответствующие общим правилам примеры: *даровати, вѣровати, помиловати, когѡждо, комуждо, кѡегѡждо* и т. п.

К перечисленным малым группам примыкают также существительные с окончанием *-Ою*: здесь в позиции второго заударного слога, за одним исключением (*мачехѡ* 190б), представлено *о* — *истиною* 116, 20б, 145, 148, ср. также наречие *многѡждо* 60б; вероятно, корневое ударение имели также *нищетою* 42, *чѣтотою* 6б, 344б, *суетою* 347. Заметим, что у прилагательных картина иная (не противоречащая общим правилам): *бжѣтвенною* Т. ед. 196б, *бѣственною* Т. ед. 197, *скрѡвенною* Р. дв. 39б (при *-ою* в *невидимую* Т. ед. 5б).

§ 14. С другой стороны, в составе некоторых морфем *ѡ* появляется в заударной части словоформы не только в позиции второго заударного слога, но и в прочих. Таковы прежде всего окончания Р. ед. муж. и сред. с элементом *гО*: *-ОгО, -егО, -агО* (*-ягО*). В полном соответствии с основными правилами мы находим здесь написание *гѡ* в словоформах с ударением на *гО* (*когѡ, никогѡ же, тогѡ, егѡ, сегѡ, всегѡ, оногѡ, самогѡ, своегѡ* и т. п., в сумме не менее 940×) и с ударением на два слога левее *гО* (*всякогѡ, нашегѡ, кѡегѡ, котѡрагѡ, достѡйнагѡ, силнагѡ* и т. п., в сумме не менее 340×). Однако написание *гѡ* выступает и в других акцентных позициях. Примеры с *-агО* (*-ягО*): ударение, вероятно³⁷, на слог левее *гО* — *злагѡ, слѣпагѡ, стѡгѡ, чѣтнагѡ, людѣскагѡ, свободнагѡ, таковагѡ* и т. п. (в сумме не менее 150×); ударение на три слога левее *гО* — *ѡиньскагѡ, оугѡѡвашиагѡ, оузаѡненагѡ, оукраденагѡ* и т. п. (в сумме не менее 100×); ср. также *котѡрающегѡся* 111б, *чѣръстѡующагѡ* 262. С *-егО* отметим *нѣкоегѡ* (24×; ударение на *нѣ*). Упрощенные написания (*го* вместо *гѡ*) встречаются во всех перечисленных группах даже реже, чем в среднем по Мерилу (ср. Новые данные, табл. 2).

Особый интерес представляют примеры с *-ОгО*. Ударение на слог левее *гО* можно предполагать в следующих случаях: а) *ни ѡ^т когѡ же* 43, 159, *иногѡ* 32, *вередногѡ* 35б; б) *тогѡ* 146б, *иногѡ* 60, 95, *иногѡ* 34, *ниединогѡ же* 159, *бѣлогородьскѡгѡ* 338³⁸. Ударение на три слога левее *гО*: *тысячскѡгѡ* 338 bis, но также *тысячскѡгѡ* 338, *оукраденѡгѡ* 121.

Сходно с элементом *гО* ведет себя в Мериле частица *бО* (не в составе слов *ибО, оубО*): она систематически записывается как *бѡ*, независимо от акцентных условий (281×; упрощенное написание *бо* в нормальных условиях 10×). После энклиноменов *бѡ*, по-видимому, несло главное ударение (ср. ниже, § 16): *око бѡ, слово бѡ, тако бѡ, мужь бѡ, изнесу бѡ* и т. п. В случаях типа *сила бѡ, пишет бѡ ся* и т. п. *бѡ* находилось в позиции второго заударного слога. Однако в многочисленных примерах типа *добрѡ бѡ, малъ бѡ, писанѡ бѡ есть* и т. п. *бѡ* стоит в иных акцентных позициях. Лишь в составе слова *оубО* морфема *бО* отражается в Мериле (за исключением двух раз: *оубѡ* 82, 150б) как полностью безударная: *оубо* (60×). Ср. слово *ибО*, которое явно имело конечное ударение: *ибѡ* (15×; упрощенные написания — *ибо* 58б, *ибо* 91).

Об особенностях окончаний *-Омь, -Ои* см. § 29.

³⁷ Неполная уверенность связана здесь с тем, что нельзя исключать (хотя бы для части примеров) возможность конечного ударения — как в *Сухѡвѡ, Дурноѡвѡ* и т. п. (см. Васильев, с. 133). Ср. двусмысленное *гѡркѡгѡ* 58б: оно может иметь корневое ударение, как *гѡрѣкѡ* 9б, 58 или флексивное, как *гѡркѡе* 1б, 44б (в последнем случае нужно предполагать ударение на *гО* или упрощенное написание *ко* вместо *кѡ*).

³⁸ Во всех этих примерах, кроме *вередногѡ* и *бѣлогородьскѡгѡ*, отразилось не обычное ударение соответствующих словоформ (которому отвечает господствующее написание *никогѡ же, иногѡ, тогѡ, ниединогѡ же*), а редкий акцентный вариант; ср. еще *кѡму* 342б, *никому же* 43б, 159 (см. Новые данные, § 14, п. 5).

§ 15. Прежде чем комментировать изложенные факты Мерила, обратимся к сходным явлениям в других памятниках и в говорах.

Второстепенное ударение в заударной части словоформы, реконструируемое для говора Мерила, можно сопоставить с аналогичным явлением, которое О. Брок обнаружил в говорах бывшего Мосальского уезда. Приведем выдержки из его работы: «Кроме главного ударения, нередко замечается второстепенное, побочное, зависящее тоже от экспираторного усиления, и связанное обыкновенно с известным удлинением»; «Замечательно то, что настоящее побочное ударение, по-видимому, принадлежит лишь слогам после ударяемого»; «Вообще слог непосредственно после ударяемого обозначает, при отсутствии особых факторов, экспираторный минимум...; в дальнейшем слоге замечается новое усиление: *ʷuz'in'kʲi* узенький, *ʷogʲ,ʲowu* вороны и др.»³⁹. О. Брок указывает, однако, что этот ритмический принцип во многих случаях нарушается действием различных побочных факторов (не всегда ему ясных); среди них О. Брок особо отмечает морфологический фактор — «склонность ввести на место ожидаемых по звуковым правилам... слабейших гласных полные флексийные окончания, сохраняемые при ударяемом конце слова» (там же).

§ 16. Обратимся теперь к Чудовскому Новому Завету. В этом памятнике не менее 70 раз (не считая сомнительных) встречаются двойные знаки ударения, например *прѣсѣтѣ*. Кроме того, более сотни раз выставлен только один знак ударения, но правее обычного для данной словоформы места, например, единичное *будетѣ* при господствующем *будете*. (Условимся различать знаки ударения в написаниях типа *прѣсѣтѣ* как «левый» и «правый»; соответственно, в *будетѣ* и т. п. представлен только «правый» знак.)

Как известно, двойные знаки ударения могут отражать акцентное колебание, т. е. передавать два альтернативных ударения. С другой стороны, М. И. Корнеева-Петрулан предположила, что в Чуд. они отражают наличие в словоформе главного и второстепенного ударения⁴⁰. Анализ всей совокупности написаний типа *прѣсѣтѣ* и типа *будетѣ* в Чуд. приводит к выводу, что среди них встречаются примеры передачи как альтернативных, так и сопутствующих друг другу ударений. При этом первый случай представлен преимущественно там, где «левый» и «правый» знаки ударения приходятся на смежные слоги (например, *из ѡбѣоу* 26г, *нѡщѣю* 26г, *вѣдѣста* 41г, *слѣшѣша* 26б, *пѣстѣни* 112а, *по дѣйствию* 134б), второй — преимущественно там, где они находятся через слог друг от друга (для части примеров выбор интерпретации затруднителен).

Приведем вначале те случаи, когда «правый» знак ударения выставлен над слогом, который при данной грамматической форме или в данном морфологическом типе по сведениям исторической акцентологии вообще не мог нести главного ударения⁴¹: повел. — *вслѣдуйтѣ* 23г, *вѣдѣтѣ* 13в, *не вѣруйтѣ* 13в, *вѣруйтѣ* 48г, *вѣруйтѣ* 49а, *оуготѣйтѣ* 76а; презенс с суффиксальными *-aj-, *-uj- — *не вѣроуетѣ ми* 46а, *нарицѣетѣ* 84а, *вѣ кланяетѣ* 43а, *побивѣетѣ мя* 47а, *пѣмышляетѣ* 28г, *пѣмышлѣетѣ* 47г, *послѣдоуюцѣ* 21г, *пребывѣетѣ* 89б, *пребывѣаетѣ* 129в, *свѣдѣтѣствоуетѣ* 42в; соот-

³⁹ О. Б р о к. Говоры к западу от Мосальска. Петроград, 1916, с. 10. Имеются отдельные указания на сходные явления и в других говорах; мы предпочли здесь ограничиться работой О. Брока как наиболее надежной и полной. Ср. также положение М. В. Панова о ритмической структуре заударной части словоформы в современном литературном языке; см. М. В. П а н о в. О строении заударной части слова. Проблемы современной филологии. Сборник статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965.

⁴⁰ См. М. К о р н е е в а - П е т р у л а н. К истории русского языка. Особенности письма и языка писцов московских владык XIV в. «Slavia», год. 15, № 1.

⁴¹ Для большей надежности из приводимых ниже списков исключены все случаи, где «правый» знак ударения приходится на неприкрытую гласную (так как здесь с ним может смешиваться знак «придыхания»), и случаи, где в тексте знак плохо виден.

ветствующие причастия — *волхвоу́ющий* 70а, *вспомина́ющий* 119а, *искоуша́ющий* 126г, *недооумѣва́ющий* 48г, *облича́ющий* 124г, *облобыза́ющий* 30в, *остѣня́ющий* 20г, *проповѣда́ющий* 151а, *слага́ющий* 26г, *оубива́ющий* 22в; *дѣлающе́му же* 100г; *бываему́* В. ед. 93г, *иключа́емо* 131а, *снажда́емо* 125г; прочие примеры — *слы́шатъ* 80а, *слы́шастѣ* 24б, *слышастѣ* 15б, *оуготбвашъ* 14б, *славеля́ху* 61а. В этом классе случаев «правый» знак явно обозначает какое-то дополнительное просодическое усиление (типа второстепенного ударения), а не альтернативное ударение. В написаниях с одним «правым» знаком «левый» знак просто пропущен (поскольку акцентные знаки вообще ставятся факультативно).

Далее, имеются многочисленные случаи, где предположение о том, что «правый» знак передает главное ударение (хотя бы как одно из двух альтернативных) противоречит данным исторической акцентологии об акцентной парадигме соответствующей лексемы. Таковы, в частности: словоформы глаголов акцентной парадигмы *a* — *будетѣ* 49а, *взалчетѣ* 29в, *знаетѣ* 121б, 128г, 148г, *напоблнитѣ* презенс 13а, *обр^а|щетѣ* 11в, *да постѣ|знетѣ* 112а, *слышитѣ* презенс 49б, *слышитѣ* презенс 7б; *видящѣ* 8б, *знаемѣ* И. ед. 117б; словоформы глаголов акцентной парадигмы *b* — *да не вни́детѣ* 39в, *зѣжетѣ* 33г, *ищетѣ* 40г, *ищетѣ* 50в, *не можетѣ* 45г, *можетѣ* 112б, *преидетѣ* 39а, *прѣситѣ* 11в, *хощетѣ ли* 51а, *хощетѣ* 103а; *связанѣ* В. ед. 50г, *взлюбленѣмоу* 138г. Предположение о том, что *будетѣ*, *можетѣ* и т. п. отражают колебание соответствующих глаголов в сторону акцентной парадигмы *c* (где *-етѣ* «законно»), неправдоподобно, так как в других формах у них ударений по акцентной парадигме *c* (скажем, **будѣть*, **можѣмъ*) не встречается. Таким образом, в данной категории примеров «правый» знак, по-видимому, отражает дополнительное (а не альтернативное) ударение.

Приведем без подробного разбора еще ряд примеров, где по аналогичным соображениям можно предполагать, что «правый» знак передает дополнительное ударение: *помниши́ его* 143б, *не помнитѣ ли* 134г, *предѣюще* 38г, *к насто́ящему* 148а, *приноу́женѣ же* И. ед. 9а, *проповѣ́данѣ* Д. ед. 130в; *бисеры́* 156а, *би́серьми* 156г, *воини́* 15в, *воиноу́* Д. ед. 51в, *воиноу́* Д. мн. 79а, *в воиньхъ* 66г, *камени́* Д. ед. 158б, *камы́|жѣ* 84б (ср. *камыци* 84б), *люби́мичѣ* 91г (ср. *люби́миче* 91в и др.), *старица́* И. мн. жен. 140г; *кайна́* 147а, *лазаря́* 36б, *сѣмѣонѣ* 15г, *фѣлиппѣ* 49а, *фѣлипо́у же* 27б; *жертвени́коу* Т. ед. 13б, *клятвени́комъ* Д. мн. 136б, *сше́ствени́ка* 72в; *инокѣ* 135в, *искренѣ* 121в, *и́скренѣ* 141в, *исти́нни* 155в, *ни́щемоу́* 81в, *праве́денъ* 100в, *праве́днѣ* И. ед. 102в, *праве́днѣ* 100в, *праве́днѣ* 13а, *процагѣ* 146в, *сѣмѣонѣ* И. ед. 28б, В. ед. 44г; *ми́|раждѣ* 18б.

Менее ясно, что передает «правый» знак — дополнительное или альтернативное ударение — например, в случаях: *иматѣ* (6×), *приемлетѣ* 120б, *имоущѣ*, *-ищѣ*, *-ищѣ* (15×), *водящѣ* 128б, *всходящѣ* 21г, *ищющѣ* 12б, *носящѣ* 7б, *хвалящѣ* 26г, *могующѣ* 106г, *могущѣму же* 92г, *могующѣмоу же* 106в, *гонящѣ|на вы* 105в, *знамена́юще* 94а.

Особо отметим глагольные словоформы с суффиксом *-ова-*: *вѣрова́ти* бѣ 147а, *вѣровѣ* 63в, *вѣрова́ша* 71в, *не вѣрова́сте* 12а, *вѣрова́ли* 44а bis, *вѣрова́но* 122б, *вѣрова́вши*^м 72а, *вѣрова́вшии* И. мн. 124в (при множестве примеров с *вѣ'р-*); *насило́ваныи* 65г, *обра́дованаи* 26а, *о'вѣтво́вѣ* 127в, *пррчѣ|ствова́ же* 92в; *свѣдѣ́т|ствова́нѣмъ* 138а, *за|свѣдѣ́т|ствова́ти* 73в, *лжесвѣдѣ́т|ствова́ху* 24б.

Как показал В. А. Дыбо⁴², в Чуд. сочетания с клитиками обычно сох-

⁴² См. В. А. Дыбо. Закон Васильева — Долобо в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета). «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», т. XVIII, 1975.

раняют древнейшую акцентовку, а именно, при оротонических словоформах клитики безударны (*на мало, на селѡ, сила бо, селѡ же*), а при энклитоменах принимают на себя ударение (*на море, слово бѡ*). Впрочем, в небольшой части случаев расстановка акцентных знаков в Чуд. отклоняется от этих правил. При этом оказывается, что самые частые отклонения — это записи типа *сила бѡ или даже *сила бѡ в случаях, когда энклитика попадает в позицию второго заударного слога. Не имея возможности подробно разбирать здесь этот вопрос, ограничимся приведением характерных примеров (список далеко не исчерпывающий): *не дѡ|ло ли* 111в, *дѡло бѡ* 14в, *дѡ|ла бѡ* В. мн. 43г, *ѡса же* 15в, *па|воу же* 77а, *пррка ли* 30б, *распрѡ же* 45б, *кзѡ|ка же* 82а; *всяка же* И. ед. 112в, *взѡко же* 148а, *мало же* 93в, 161в, *мало бѡ* 93г, *малымъ же* 143б, *мно|зи бѡ* 38б, *мно|га бѡ* 15в, *многа же* 94а, *па^ч же* 126в, *преже бѡ* 147а; *егоже бѡ* 148а, *ничто^ж ли* 15а, *никогда^ж ли* 11г; *буде^т бѡ* 25в, *въвѡдше же* с 69г, *взлиавши бѡ* 14в, *видѡ^с же* 4в, *видѡ^е же* 40в, *встаноу^т бѡ* 13в, *достоу^т ли* 12в, *можаше бѡ* 23в, *мыслимъ бѡ* 100г, *основѡ|на бѡ* И. ед. 5г, *да проси^т же* 81а, *разоумъ|ша бѡ* 22в, *не согрѡшѡвши^х ли* 143г, *не слыши^ш ли* 15в, *слыша^т бѡ* 74б, *сѡ|дѡше же* 73а; также *върѡвати бѡ* 147а.

Итак, совокупность приведенных фактов свидетельствует о том, что в Чуд. в определенных случаях знаками ударения отражено не главное, а дополнительное (второстепенное) ударение. В подавляющем большинстве имеющих в нашем распоряжении примеров оно приходится на второй заударный слог. В сущности, единственный надежный случай отклонения от этого принципа — глагол *сѡвѡдѡствовати* (менее ясно *не върѡуетѡ ми*; примеры *дѡлающѡму, кланѡетѡ, послѡдоущѡ, проповѡдающѡ* непоказательны, поскольку здесь было неустойчивым место главного ударения).

§ 17. Показания мосальских говоров, описанных О. Броком, и Чудовского Нового Завета существенно повышают надежность интерпретации соответствующих фактов Мерила. Все три источника согласно указывают на какое-то просодическое усиление второго заударного слога. Не исключено, что такое же усиление мог получать и четвертый заударный слог, но фактов здесь слишком мало (*сѡвѡдѡствуемѡ* в Мериле, *сѡвѡдѡ^т-ствоуетѡ*, *върѡвати бѡ* в Чуд.). Все три источника указывают также на то, что этот ритмический принцип иногда мог нарушаться под влиянием морфологического фактора. Во всех трех источниках подавляющее большинство засвидетельствованных случаев второстепенного ударения приходится на открытый слог, при этом в Чуд. и в мосальских говорах (но не в Мериле) — преимущественно на конечный открытый слог.

В Мериле и в Чуд. выявляется одно и то же нарушение ритмического принципа в глагольных словоформах с суффиксом *-ова-*: второстепенное ударение не может падать в этом суффиксе на *-о-*. Судя по Чуд., оно падало здесь на *-ва-*, независимо от счета слогов, ср. прямое соответствие между *сѡвѡдѡствовати* (с *о*) в Мериле и *засѡвѡдѡ^тствовати* в Чуд. Эту особенность естественно связать с поведением суффикса *-ова-* под главным ударением: ни в современном русском языке, ни в XIV веке он не встречается (если не считать страдательных причастий) в акцентовке **-ова-*; возможно только *-ова-* — даже там, где по общим принципам акцентуации производных ожидалось бы **-ова-* (ср., например, *волхвѡватѡ, враждѡватѡ* и т. п., образованные от имен акцентной парадигмы *в*). Таким образом, место второстепенного ударения в суффиксе *-ова-* «выровнено», в ущерб ритмическому принципу, по месту главного ударения в том же суффиксе.

Этот факт позволяет предположить, что и другие отклонения от ритмического принципа в Мериле имеют сходную природу. Так, морфемы *Омъ, -Овъ* (в аористе) и *-ждѡ* никогда не несли ни в Мериле, ни в Чуд. главного ударения. С другой стороны, для всех аффиксальных морфем, допускаю-

щих в Мериле эффект второстепенного ударения, имеются также примеры, где на то же место падает главное ударение. Ср. *ω* под второстепенным ударением, например, в *яблок-ω*, *федор-ωви*, *дьякон-ωвъ*, *праведн-ω*, *праведн-ωе*, *истинн-ωму*, *всяк-ωго*, *оукраден-ω*, *писан-ω*, *свершаем-ωмъ* и под главным ударением, например, в *молок-ω*, *петр-ωви*, *дом-ωвъ*, *красн-ω*, *земн-ωе*, *жив-ωму*, *сам-ωго*, *речен-ω*, *избран-ω*, *воchten-ωмъ*.

§ 18. Итак, в говоре Мерила появление второстепенного ударения в заударной части ортогонических словоформ, по-видимому, регулировалось следующими двумя принципами (частично противоречащими друг другу).

1. Р и т м и ч е с к и й принцип (основной): второстепенное ударение падает на второй заударный слог (и, по-видимому, еще одно — на четвертый заударный).

2. М о р ф о л о г и ч е с к и й принцип (дополнительный): второстепенное ударение тяготеет к таким морфемам (и точкам внутри морфемы), на которые часто падает главное ударение; морфемы (или точки внутри морфем), на которые никогда не падает главное ударение, не получают и второстепенного ударения.

В § 12 мы имеем дело со случаями, когда оба принципа требуют одного и того же. Факты, описанные в § 13—14, так или иначе связаны с действием морфологического принципа вопреки ритмическому. Так, в силу морфологического принципа второстепенное ударение вообще не падает на аористные окончания *-Омъ*, *-Овъ* и частицу *-ждО*, а в суффиксе *-Ова-* может стоять только на *ва*.

Поскольку в говоре Мерила у существительных подударное окончание Т. ед. *-Ою* несло ударение на конечном слоге (см. § 11), туда же падает, вопреки ритмическому принципу, и второстепенное ударение в *истиною* и других подобных примерах (§ 13). При этом, однако, единичное *мачехю* показывает, что здесь могли быть и колебания в сторону соблюдения обычного ритмического принципа (вероятно, играло роль и то, что окончание *-Ою* все же встречалось в говоре Мерила и с подударным *О*, а именно, это было возможно для прилагательных, ср. *златю* и т. п.).

С другой стороны, в силу морфологического принципа элемент *гО* (по-видимому, близкий к статусу морфемы), который широко представлен под главным ударением (ср. *тогω*, *сегω*, *самого* и т. п.), не только беспрепятственно получает второстепенное ударение в позиции второго заударного слога (*нашегω*, *котωрагω* и т. д.), но и стремится обобщить его на остальные заударные позиции. Впрочем, в словоформах с *-ОгО* усматриваются некоторые следы конфликта двух принципов. Так, *тысяцьскогω*, *оукраденогω* отражают обобщенное морфологическим путем второстепенное ударение на *гО*, а *тысяцьскогω* — действие обычного ритмического принципа⁴³; ср. выше такое же соотношение между *истиною* и *мачехю*. В мосальских говорах аналогом этих колебаний могут служить, например, 'dɔbr'ɪn'k'ɪjã и 'mal'ɪn'k'ɪja (в обоих случаях И. ед. жен.)⁴⁴. Возможно, такого же происхождения различие между написаниями с *-ωгω* (например, *инωгω*, § 14) и с *-ωго* (например, *инωго*); но здесь не исключены и другие объяснения. Что касается совершенно устойчивой записи окончания *-агО* в виде *-агω*, то здесь дополнительным фактором могла быть и чисто орфографическая унификация (тем более, что в этой орфограмме и без того был некоторый элемент условности, поскольку книжному произношению с *-агО* в живой речи писца соответствовали словоформы с *-ОгО*).

⁴³ Существенно, что здесь в качестве вариантов выступают *-огω* и *-ωго*, из которых ни одно нельзя рассматривать как упрощенную запись другого.

⁴⁴ О. Б р о к. Там же (см. своску 39), с. 45.

С написанием *гѡ* в Мериле естественно сопоставить тот факт, что в рукописях XVI в. с камерной системой (в одних часто, в других постоянно) даже и без ударения пишется *гѡ*, например *нашегѡ* (см. Васильев, с. 132—133). Хотя не полностью исключено, что перед нами здесь орфографическое явление, более вероятно все же именно сохранение /ѡ/ (быть может, поддержанное «полуударностью»).

Постоянная запись в Мериле слова *бѡ* как *бѡ*, вероятно, объясняется так же, как для элемента *гѡ*, т. е. морфологическим обобщением второстепенного ударения; но следует учитывать и возможность орфографической унификации (ср. постоянство орфографического облика полнзначных словоформ, § 6).

Не совсем ясный случай составляют прилагательные с суффиксами *-ѡв-*, *-ав-* (§ 13). Может быть, здесь действовал тот же морфологический принцип, но в более сильной, чем обычно, форме, а именно, в применении к целым морфемным последовательностям *-ѡв-ѡ*, *-ав-ѡ*. В самом деле, в говоре Мерила в таких последовательностях главное ударение на окончании не встречалось: даже словоформа *таково* (8×) была здесь не конечноударной, а, как видно из ее написания, энклиноменом.

§ 19. Важнейшей особенностью Мерила является то, что здесь ритмический принцип, порождающий второстепенные ударения, действует только в ортотонических словоформах, но не в энклиноменах. В мосальских говорах подобного ограничения нет: у *Ѡ*. Брока в числе примеров, содержащих второстепенное ударение, находим и прежние энклиномены (*вѡроновы*, *пѡхороны*, *пѡ зиме* и др.). Есть ли такое ограничение в Чуд., не вполне ясно (вопрос о том, как интерпретировать примеры типа *ѡ^т потѡ его* 72б, *ѡ морѡ бѡ* и т. п., требует дополнительного исследования).

Показания Мерила ведут к реконструкции следующего состояния. Ортотонические словоформы имеют с просодической точки зрения ритмическую структуру: некоторый слог несет главное ударение, а далее чередуются безударные и «полуударные» слоги. Энклиномены не имеют ритмической структуры: все их слоги с просодической точки зрения одинаковы с безударными слогами ортотонических словоформ (ср. реконструируемое праславянское состояние, § 2). В нена начальном слоге отражение прежнего *ѡ* в виде [ѡ] или [ѡ] автоматически определяется степенью ударности: [ѡ] в ударных и «полуударных» слогах, [ѡ] в безударных⁴⁵.

В принципе имеются две возможности: 1) описанная картина относится непосредственно к говору писцов Мерила; 2) она относится к какой-то более ранней эпохе, тогда как в эпоху Мерила собственно просодические различия между прежними ортотоническими словоформами и прежними энклиноменами уже не было, а выбор открытого или закрытого *ѡ* уже стал во всех позициях традиционным.

Более вероятно первое предположение. В самом деле, поскольку второстепенное ударение существовало в говоре Чуд. (относящемся к тому же времени, что Мерило) и существует в мосальских говорах (относящихся примерно к той же территории, что и Мерило, ср. Новые данные, § 14), естественно предполагать, что и в говоре Мерила оно представляло собой живое явление. Если так, то в открытых слогах ортотонических словоформ связь между степенью ударности и выбором [ѡ] или [ѡ] еще была живой (в качестве современной аналогии, хотя и неполной, ср. появление [ѡ], а не [а] или [ѡ], в «полуударном» слоге мосальского примера *ѡгогъноуу*, § 15). В этом случае невероятно, чтобы энклиномены уже усвоили ритми-

⁴⁵ Таким образом, с точки зрения теории фонологической нейтрализации, имелись фонемы /ѡ/ и [ѡ] (соответственно из *ѡ и *ѡ), которые в безударной позиции нейтрализовались в виде [ѡ]; ср. соотношение /ѡ/ и /а/ при аканье.

ческую структуру ортотонических словоформ и тем не менее не получали бы [δ] под второстепенным ударением (ср. тот же пример ¹вогъпову: это бывший энклиномен); иначе говоря, какое-то ритмическое отличие энклиноменов от ортотонических словоформ должно было еще сохраняться. Возможно, что просто еще сохранялось просодическое различие между автономным и автоматическим ударением, а одним из следствий этого различия было то, что автономное ударение создавало после себя чередование безударных и «полуударных» слогов, а автоматическое (само будучи эквивалентно безударности) — не создавало.

О в перестроенном начальном слоге

§ 20. В соответствии с основным правилом 2в, в данной позиции *О* из *o представлено в Мериле как *ω*. Случаи, где *О* принадлежит приставке или предлогу, рассматриваются особо (§ 25—27); остальной материал приводится ниже.

Однословные словоформы. Существительные, мужской род, И. В. ед.: *бобръ* 32, 339, *вожь* (3×), *за възъ* 340, *волъ* (3×), *воскъ* 3, 100, *впршъ* 70б, *входъ* 4, *годъ* (5×), *гнои* 4б, 47б, *дворъ* (4×), *домъ* (19×), *знои* 39, *конь* (20×), *кровъ* 37б, *кропъ* «укроп» 57, *ловъ* 34, *на ловъ* 33б, *ножь* 29, 110б, *норъ* «утка-нырок» (?) 32б, *носъ* (3×), *огнь* (28×), *плодъ* (5×), *полъ* (10×), *попъ* (3×), *простъ* (3×), *прокъ* 338б, *родъ* (5×), *сборъ* (19×), *сводъ* (2×), *скотъ* (5×), *столъ* 62б, *на строи* 264, имена собственные *лотъ* 229, *нои* 59; Р. мн.: *возъ* 340, *входъ* 9, *плодъ* 149б, *попъ* 8б; женский род, И. В. ед.: *зловъ* 57, *ночь* 25б, *нощъ* (4×); Р. мн.: *водъ* 3, *зловъ* 15б, *ночь* 15б, *столъ* 49; средний род, Р. мн.: *словъ* 118б. Прилагательные, И. В. ед. муж.: *добль* 139б, *добръ* 19б, 25, *многъ* 193, *остръ* 29, *простъ* (3×, ср. *не простъ* бω 7), *скоръ* 68; Р. мн.: *многъ* (3×). Местоимения, И. В. ед. муж.: *овъ* 3б, *онъ*, *он же*, *он бω* (41×), *мои* (24×), *твои* (22×), *сеи* (35×); М. ед.: *томъ*, *том же* (67×), *комъ*, *комъждо* (3×). Прочие: *коль* 83, 114б, *не молъ* 129, *створъ* 19б, ср. также *рожся* 38. Отметим еще *дновъ* «дней» 15б. Из зоны Б добавим: *гробъ* 210, *одръ* 210, *прокъ* 90б, *новъ* 97б.

Неоднословные словоформы. Павший редуцированный принадлежал окончанию в примерах: *солью* Т. ед. 5б, *солио* 58 bis; *болми* (6×), *болма* 193 bis, *колми* 208, 219, *толми* 167, *толма* 20. Словоформы, где павший редуцированный принадлежал послекорневому элементу основы. **-ьв-*: *в гостьбу* 336б, *молба*, *-ы*, *-у* (3×). **-ьс-*: *конця*, *-и* и произв. *кончати*, *кончание*, *кончина*, *скончатися*, *скончевати*, *скончание* (70×), *в котци* 59б, *котци* И. мн. 26б, *ловця* В. ед. 7, *ловьци* И. мн. 2б, *овця*, *-ю*, *-ѣ*, *-ямъ* и произв. *овча* и др. «ягненок», *овчакъ* (18×), *ѡця*, *ѡцю*, *по ѡци*, *ѡче*, *ѡци* И. мн., *ѡцмъ*, *по ѡцихъ* и произв. *ѡча*, *ѡчею*, *ѡтьчимъ* (77×)⁴⁶, *съ скворци* 33б, *творця* В. ед. 37б. **-ьј-*: *рѡбьи* «рабские» 341б, *скотьямъ* 36б; *копиемъ* 8, 59, *лодью* 339 б ter, *лодию* 339б, *остриемъ* 8б; сюда же *соф-ѡа*, *-ѡю*, *-иѡ* (3×). **-ьк-*: *горко*, *-а* В. ед., *-ѡе*, *-ѡѡ*, *-аѡ*, *-аѡ*, *горци*, *горчѣ* (12×); *сколко* «раковину» 34. **-ьп-*: *на болна* В. ед. 28б, *болныи* 67б, *болному* 50б, *вводно* (4×), *воинику* «воину» и произв. (6×), *волныи* и др. (9×), *гробныи* и др. (3×), *громнии* 346б, *дворную* 339, *зловныа* 5, *коньное* 25б, *коньникъ* Р. мн. 29б, *кощницу*

⁴⁶ В Мериле имеется тенденция распространить орфограммы *ѡц-*, *ѡч-* (сокращения для *ѡтъц-*, *ѡтъч-*) и на те словоформы, где при полном написании было бы *отец-*, *отеч-*, т. е. превратить *ѡц-*, *ѡч-* в своего рода «полуидеограммы». Так, наряду с фонетически правильными записями *ѡцъ* И. ед., Р. мн. (15×), *ѡчства* 150б, *-ы* 35, *ѡчкитъ* 173б (=отець, отецства, *-ы*, отецскитъ), находим и *ѡць* И. ед., Р. мн. (30×), *ѡчъ* «отчих» 179б, *ѡчски* 344, *-и* 95б, *-иѣ* 8б, *къ ѡчстваѡи любви* 247б.

99б, *мошнику* 341, *ножныѣ* Р. ед. 32, *нощнии* 33, *нощному* 133б, *пошт-ныхъ*, *поштника* и произв. (8×), *родни* И. мн. 245б, *родное* 243б, *роштнии* «клятвенные» 342б, *сборныи* и др. (19×), *смотръникомъ* 148б, *срод-нака*, *сродника* и произв. (5×); также *овни* 194б, *овнѣхъ* 194б, *ровнанъ* 22. *-ъп'-: *горн-ти* 348б, *-ихъ* 2б, *долнѣи* 348б, *отнею* 190б. *-ъsk-: *вожь-ску* Д. ед. 29б, *воиск-ии* 338б, *-ихъ* 178, *морьск-аго*, *-ую* и др. (8×), *скотъское* 72б; также за *лоньщину* «за годовалую скотину» 33б. *-ъstv-: *во двошть* 173б, *множьство* и др. (4×), *родь|ства* 221б, *своиство* 124, 24б, *сродъство*, *-а* и др. (11×). *-ъš-: *болше*, *-и*, *-ю*, *-аго* и др. (35×), *горше*, *-и*, *-а*, *горьшакъ* (5×); причастия *рожьши*, *-а*, *-кю* и др., часто с *ся* (20×), *створше*, *-ю*, *-аго* и др. (17×). *-ъšdy-: *двожды* (6×). Прочие примеры (в том числе с морфологически неразложимыми основами): *козлихъ* «козлиныхъ» 347б; *ногты* Т. мн. 344б; *овса* 341, 341б, *орлу* 32б, *-и* 33, *осля*, *-яте* (4×); *онсии* И. ед. 80, *онсию* 275; *ковчегъ*, *-а* (4×), *по ... комканъи* «после причастия» 345б, *олтарь*, *-я*, *-ю* (5×) (ср. написания *ковчегъ*, *комъканша*, *олтарь*, например, в Успенском сборнике), *олгова мужа* «Олегова человека» 338, имя собственное *комнина* Р. ед. (3×), *коль|гии* (какие-то животные) 32. Ср. с другой стороны, примеры типа *добрѣ*, *поста*, *воску*, *моста*, *просто*, *островѣ* (где начальный слог неперестроенный).

Упрощенные написания представлены в обычной для Мерила пропорции (в нормальных условиях — *волъ*, *дворъ*, *домъ*, *кровъ*, *огнь*, *по¹*, *попъ*, *добръ*, *свои* И. В. ед., *томъ*, *овчати*, *долника*, *мошнику*, *нощное*, *родныи*, *сродникомъ*, *морьскую*, *множьство*, *осляти* и некоторые др., всего 32×).

Из приведенного материала видно, что правило 2в действует в Мериле безотносительно к акцентуации словоформы. Так, заведомо были энклименами, например, *возъ*, *годъ*, *гнош*, *домъ*, *нось*, *родъ*, *простъ*, *болна* В. ед., *родни*, заведомо неначное ударение имели, например, *ловця*, *овця*, *горьше*, *болному*, *олтарь*, *олгова* (не говоря уже о множестве менее очевидных случаев). Безотносительно к акцентуации встречаются и упрощенные написания (ср. выше).

Действие правила 2в создает в Мериле многочисленные случаи чередования *о* — *ѿ* в начальном слоге, например: *овесъ* — *овса*; *орел* — *орли*; *осель* — *осля*; *конецъ* — *конця*, *кончина*; *нога* — *ногъ*; *ножныѣ*; *море* — *морьскаго*; *простыи* — *простъ*; *болти* — *болному*; *родити* — *родъ*, *родни*, *родства*; ср. также: *коня* — *кнь*; *дому* — *домъ*; *нощи* — *нощъ*; *овець* — *овця*; *молебныи* — *молба*.

§ 21. Имеются и некоторые отклонения от ожидаемого распределения *о* и *ѿ* в начальном слоге. Рассмотрим вначале те случаи, где вместо ожидаемого *ѿ* чаще, чем обычно (или даже всегда), выступает *о*.

1. Слово «общий» и его производное «община» обычно пишутся с *ѿ*: *ѿбще* (*ѿпче*), *ѿбща*, *ѿбщю*, *во ѿбщи*, *ѿбщ-ии*, *-ака*, *-аго* и др. (22×), *ѿбщина* и др. (16×); 4 случая с *о* (*во ѿбчи*, *ѿбщему*, *ѿбщеи*, *ѿбщины*) вполне могут быть упрощенными написаниями. Однако у производных глаголов и слова «общение» соотношение совсем иное: на 15 примеров с *ѿ* (*ѿбщение* и др., *ѿбщати* 101) приходится 16 примеров с *о* (*общение* и др., *общевана* 241б). Этот эффект может быть связан, во-первых, с влиянием *приѿбщ-итися*, *-атися* (в разных формах 6× при единичном *приѿбщииша^с* 224б), где *о* правильно, так как оно не в начальном слоге, во-вторых, с ложным восприятием начального *Об-* в глагольных и отглагольных словоформах как приставки *Об-* (которая всегда выступает в Мериле с *о*, см. § 27).

2. Для слова «моцный» находим *моцно* 143б (также в зоне Б: *моцно* 211, *да не моцно будетъ звѣремъ входити* 213) и, с другой стороны, *моц-но* (10×: 90, 92б, 142 и др.). По-видимому, здесь было колебание между /ѿ/

(фонетически закономерным) и /о/, появившимся скорее всего под влиянием слов с не- (где корень был неначальным слогом), ср. *немошь* 192, -*ю* 916, *немошно* 496, 59, *немочно* 67, *немошна* В. ед. 106, *немошн-иш*, -*ымъ*, -*бишаю* (7×).

3. Для слов «кроткий» и «простен» при *кротк-иш* 14, -*ихъ* 22, -*имъ* 68, *протъщи* И. мн. 109 находим: *кратко* 306, 31, -*у* Д. ед. 58, *кратки||хъ* 65, *краткаго* 48, *кратчайшими* 76, *протъщи* И. мн. 347, -*я* В. ед. 776, В. мн. 42, -*емъ* 103. Не исключено чисто случайное скопление упрощенных написаний; но более вероятно колебание между /ѡ/ и /о/.

4. Несколько слов встретились только в написании с о, но всего по 1—3 раза: *бодливаго* 122, *бодливъ* 122, *добливъ* 122 (вместо *бодливъ*), *воднымъ* 346, *гонзаетъ* 336, *зозуля* 32, *лобзаниемъ* 2016, *новгородско*^о 1106 (киповарь), *очную* 496, *оч|ную* 336. Надежно установить, какие из этих о являются упрощенными написаниями и какие нет, не представляется возможным.

5. Слово «ров» (из *rouъ) представлено так: *ровъ* 23, *ро|въ* 22, *рвы* 266. Возможно, это слово уже полностью уподобилось (включая огласовку исходной словоформы) словам с беглой гласной, ср., например, *ротъ* 333, 339, *во ртѣ* 339.

§ 22. Перейдем к разбору случаев, где вместо ожидаемого о выступает ѡ.

Примечательной особенностью Мерила является то, что праславянское *oji (не перед слогом со слабым редуцированным) почти всегда отражается здесь так, как если бы это было праславянское *oъ. Сюда относятся прежде всего примеры: повел. *боишя* 226 bis, *дои* 11, *въспои* 8, окончание Д. М. ед. жен. -*ои* (например, в *тои*, *онои*, *самои*). В этих случаях переход *ji в *j* (фонетически в [i]) представлен очень широко (возможно, он был даже повсеместным): ср. *не боитесь*, *о гобинъ твои* и т. п. в МГУ 1367, современные *бѡишя*, *воспѡи* (в говорах также *дой* и др.), *той*, *самѡи* и т. д. Заметим, что этому переходу не помешало первоначальное ударение на конечном *i*. Тот же эффект, что в повел. *дои* и т. п., представлен в аористе *оустрои* 586, 168 (в Мериле этот глагол, судя по ряду других словоформ, например, *оустроивъ*, *оустроити*, имел ударение *оустроити*); ср. в Триоди Цветной 1591 г. *напѡи* (аорист) 75 bis.

Гораздо неожиданнее выглядит этот эффект в словоформах местоимений «мой», «твой», «свой» (ударение здесь было на окончаниях). В Мериле находим: И. мн. муж. *мои* 156, *твои* 13, 156 bis, 406, 466, 62, В. мн. муж. (выровненный по И. мн.) *мои* 219, *свои* 606, И. В. дв. жен. и сред. *мои* 13, 466, *твои* 11 bis, 116, 28, 109, 122, *свои* 306, 336; Т. мн. *своими* 55, 1516, 1546, 181, *своими* 185, Д. Т. дв. *твоима* 11, *своима* 36, 50, 88 (с о в нормальных условиях только *своi* В. мн. муж. 26, *свои* В. дв. сред. 146, *своими* 184). С другой стороны, в словоформах, где и находится в перестроенном слого, представлено только о: *моимъ*, *моихъ*, *твоимъ*, *твоимъ*, *твоихъ*, *своимъ*, *своимъ*, *своихъ* (в сумме около 130×). В МГУ 1367, как и в Мериле, в И. мн. муж. и И. В. дв. жен. и сред. регулярно представлены написания *мои*, *твои*, *свои* (в сумме не менее 45×), например: *роуцѣ мои* и *нозѣ мои* 386, *грѣси твои* 706, *очи свои* 27а; однако при окончаниях -*ими*, -*има* здесь выступает о (*своими* и т. д.) — так же, как при -*имъ*, -*имъ*, -*ихъ* (*своимъ* и т. д.). Согласные показания двух памятников вынуждают нас признать, что *moji, *voji, *svoji дали в говорах Мерила и МГУ 1367 /mǫj/, /tvǫj/, /svǫj/; в говоре Мерила, кроме того, *mojimi, *vojimi и т. д. дали /mǫjm'i/, /mǫjma/ (с неизвестным местом ударения).

Как в Мериле, так и в МГУ 1367 переход *ji* (или *i*) в *j* явно представлен также в *вшину* «всегда» и *во имя* (об огласовке которых см. § 8). Ср. еще *поити*, *проити* (§ 25, особый случай 3).

Имеется группа словоформ с -*ои-*, где, вероятно, тоже был представ-

лен переход $ji > j$, но нельзя этого гарантировать, так как не исключены и другие объяснения для ѿ. Приведем их без подробного разбора: *ѿ двоици* М. ед. 172 (ср. воронежск. *трѣбѣцу* «троицу»⁴⁷, укр. *трѣйця*); *двоиче* «вдвойне» 336 (ср. укр. *двічі, двічи, двійчи* «дважды»); *моисии* (*моиси*), *моистови* и др. (19 ×) (в МГУ 1367 регулярно *моисѣи*). Нельзя определить, один или два слога составляла основа слова «воин» в словоформах *воина*, *-у*, *-и*, *-ы*, *-омъ* (6 ×), поскольку ѿ здесь выступает и в заведомо двусложном *воинъ* И. ед. 140, 160, Р. мн. 140б, 179б; ср. МГУ 1367, где явно представлено чередование /вѣјн/ — /вѣјн-/: ѿ^т *воинъ* 210г, 221а — *воини*, *-ы*, *-омъ* (не менее 12 ×).

Надежными примерами двусложного чтения *-Ои-* (притом что *-и-* стоит в неперестроенном слоге) в Мериле по существу являются только инфинитивы *строити*, *пристроити*, *оустроити* (17 ×), а также глагол *поимати* (см. § 25, особый случай 3). Можно предполагать, таким образом, что в говорах Мерила и МГУ 1367 действовало фонетическое правило перехода ji в j после гласной во всех случаях, где i находилось в неперестроенном слоге; лишь в некоторых словоформах, в частности в инфинитивах, под влиянием морфологической аналогии двусложность сохранилась (или была восстановлена). Неизвестно, сколь многочисленны были говоры XIV века с этой особенностью; существенно, однако, что по крайней мере в части современных говоров различие между *мой* и *моѿ*, *бой* и *боѿ*, *урожѣй* и *урожѣи* и т. п. может быть продуктом морфологической аналогим (а не наследием праславянского различия между *-jь* и *-ji*)⁴⁸.

§ 23. Основы *толѣк-*, *колѣк-* представлены в Мериле так: а) *толѣко* (11 ×: 44, 58б, 64 и др.), *толѣка*, *-ку*, *-ки*, *-цѣ*, *-цѣм же* (7 ×: 51б, 65б и др.), *колѣко* (5 ×: 58б, 332 и др.), *-а* 33; б) *толѣко* 100; в) *толико* (4 ×: 100, 244 и др.), *в толицѣ* 117, *колики* 65; г) *толѣко* 262б. Ср. в МГУ 1367: а) *толѣко* 80в, *-а* 37в, *-ы* 63а, 124в, *-оу* 31б, 216г, *колѣко* (9 ×: 43а, 74в, 82а и др.); б) *кольѣко* 74в, 100в, 159г, *-а* 57г.

Написания *толѣко*, *колѣко*, если рассматривать их как запись трехсложных словоформ, в обоих памятниках аномальны: в Мериле они неправильны при любой акцентуации, в МГУ 1367 они нарушают главное правило данного памятника («ѿ только в перестроенном слоге»). Разгадка очевидна: фактическому произношению этих слов соответствуют написания группы «б», а не «а», ср. современные *только*, *сколько* (в говорах с двумя фонемами «типа о» здесь /ѿ/), укр. *тільки*, *кілька*, *скільки*. Сохранение среднего *и* на письме — просто дань орфографической традиции⁴⁹ (тогда как *о* и *ѿ* писцы писали по слуху, не будучи связаны в этом вопросе традицией).

Написания группы «в» — либо упрощенные, либо отражают более книжный вариант *толѣко*, *колѣко* (ср. Чуд., где только такая акцентовка). Единичное *колѣко* — либо ошибка, либо отражение переходного варианта (еще трехсложного, но уже с начальным ударением).

§ 24. Слова «огонь», «восемь», «острый» (и их производные), не имевшие в раннем древнерусском редуцированного в корне, тем не менее в Мериле во всех словоформах пишутся с ѿ: *огнь* (28 ×), *ѿгна*, *ѿгню*, *ѿгнемъ*, *во огни*, *огнѣ* (12 ×), *ѿгненѣму* 60б, *ѿгнѣныка* 346б, *ѿгнѣнѣи* 333, *ѿгнѣнѣнина* 339; *по ѿсѣми* 268б, *ѿсмака* 106; *ѿстрѣ* 29, *ѿстрѣ* 31, *ѿстрѣи* 50, *-ака* 176, *ѿстрѣе* 53б, *ѿстриемъ* 8б (с *о* только *огнь* 348б, *ѿстрѣишу* 16б).

⁴⁷ Сборник ОРЯС, т. 95, № 1 (см. сноску 22), с. 153.

⁴⁸ Ср. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915, с. 50.

⁴⁹ Интересно, что с основой *Один-* дело обстоит иначе: в Мериле *одина*, *одину*, и т. д. пишутся только с *о* (ср. также *о* в укр. *одні*, *одні* и т. д.); таким образом, выпадение *и* в этой основе относится к более позднему времени.

В части этих словоформ ω выступает в силу основных правил (2в для *огнь*, *оштръ*, *оштримь*, 2а для *огнеюму*, *оштрыи* и некоторых других). Однако для большинства словоформ закономерным было бы *о* (например: *огня, *осми, *оштрѡ, *оштрѣ), поскольку по данным исторической акцентологии ударение здесь падало на послекорневой слог. В говоре Мерила явно произошло аналогическое обобщение алломорфов *огн-*, *осм-*, *оштр-* на все случаи появления соответствующих морфем. (Заметим, что в МГУ 1367 обобщения нет: *огня*, *-емь* и др., по *осми*.)

Для слова «ноздря» неясно, восходит ли оно к **nozdr'a* или к **nozdyr'a*. В Мериле представлены: *ноздри* В. мн. 11, *ноздророгу* «носорогу» 316; ср. укр. *ніздря*. Возможно, ω указывает здесь на праформу с ь , но оно могло появиться перед группой согласных и по аналогии, ср. предыдущие примеры.

§ 25. Рассмотрим теперь словоформы с приставками, содержащими *О*, и словосочетания с соответствующими предлогами.

Морфемы (приставки и предлоги) *по*, *пр*, *до*. Приводим вначале словоформы с п р и с т а в к а м и (в алфавитном порядке корней): *побьють*, *побьенъ*, *побиенъ* (8×), *погнаша* 14, *пожъж-еть*, *-е*, *-ена*, *-ение* (8×); также *пожежетъ* 129, где в корне *e* написано вместо ь , *пожнетъ* 376, *пожр-еть* «сожретъ» 346, *-ети* 346, 466, *позва-ти*, *-ишо*, *-ишешу*, *-нъ*, *-ние* (14×), *прозвание* 2456, *дозря* 3, *позр-ить* 4, *-ѣтъ* 136, *доидеть* 346, *поид-еть*, *-уть*, *-и*, *-ишь* (10×), *проид-еть*, *-емъ*, *-уци*, *-е* (7×), *поиму* 2466 *тег*, *поимеши* 124, *поиметь* (29×), *поимыи* 144, *пролиа* 51, *проликунемъ* 18, *да не помните* 18, *помни* повел. 1186, *попранъ* 346, *поприщъ* Р. мн. 5, *попъхнеть* 334, *попъхнули* 1106, *послю* 259, *пошлю* 18, *посл-еть*, *-ются* (3×), *посл-а* аорист, *-аста*, *-ати*, *-авъ*, *-анъ* и др., *-анье* и др. (13×), *прѡстр-уть* 266, *-ѣте* 37, *спрѡстреть* 157, *пошкнуетъ* 1446, *пошнетъ* 334, *пошц-ить*^с, *-имся*, *-ать*, *-ися*, *-авъся*, *-ание* и др. (11×), *пошт-еть*^с, *-уться*, *-е*, *-енъ* и др., *-енья* (15×), *пошти* повел. 11, *пошт^сти* повел. 45, *-ѣте* 96, *поштивъ* 45. Кроме того: *полза*, *-ы*, *-у* (17×), *пользуетъ* 76, *ползовати* 28; *дондеже* (27×), *донде* 6, 43; *подлъ* 266; *послѣ* 3346 (ср. укр. *після*). Ср., с другой стороны, *побѣда*, *повлачими*, *подвижъ*, *поимиему*, *послушати*, *послѣдъ*, *пострижетъ*, *прогрызъ*, *достѡинъ* и т. п. (с неперестроенным начальным слогом).

Написания с *о* вместо ω представлены здесь несколько чаще обычного (особенно у глаголов «позвать» и «послать», ср. ниже). В нормальных условиях встретились: *пробиеть*^с 338, *поиметь* 1136, *пропиеть*^с 338, *дѣв поприци* 65, *почтенъ* 266, 736, *ползу* 191, *дондеже* 2486, *позвати* и др. (4×), *посла* и др. (4×).

О с о б ы е с л у ч а и. 1. По аналогии с *позвати*, *послати* и т. п. ω выступает также в глаголе «познать» (из *poznati): *позна-ти*, *-еши*, *-еть*, *-ють*, *-ите*, *-ша*, *-ние* и др. (21×), *познава-ти* 44, *-еть* 33 (с *о* только *позна-ша* 199, *-въ* 19, *-нъ* 3466, *-вати* 3466). Соотношение *о* и ω (4 : 23) здесь несколько выше обычного, но это верно и для глаголов «позвать» (4 : 14) и «послать» (4 : 18). Можно предположить, что эти глаголы взаимно влияли друг на друга и у всех трех при господствующем /б/ могло появляться и /з/; ср. полное смещение старых различий в укр. *пізнати*, *позвати*, *послати* (я реже *післати*). Заметим, что МГУ 1367 еще сохраняет первоначальное состояние: *послати* и др., *прозваша*, но *позна-ти*, *-но* и др.

2. Слово «довлеть» встречается только с *о*: *довлъ-ти*, *-еть*, *-ета* (7×); по-видимому, оно восходит в данном говоре к раннедревнерусскому варианту *довльти* (без ь)⁵⁰.

⁵⁰ О возможности существования такого варианта см. Н. Д у р н о в о. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, с. 156, сноска 1.

3. В *поити* 245б, *прѡити* 66б, 189б (где *и* из *i, а не из *jь) предствлен эффект, рассмотренный в § 22 (ср. в МГУ 1367 *прѡити* 149в). В *поима-ти*, *-ть*, *-уться* и др. (14×) отразилось слоговое *-и*, сохраненное (или восстановленное), по-видимому, под влиянием *вз-имати*, *из-имати* и т. п., тогда как единичное *поимати* 341б отражает фонетически закономерный вариант.

В отличие от приставок *по-*, *про-*, *до-*, которые в целом хорошо подчиняются правилу 2в, соответствующие предлоги обнаруживают ожидаемое Ѡ довольно непоследовательно. Так, с Ѡ встретились: *по всему*, *по всемь*, *по всеи*, *по всемъ*, *по всеь*, *по вся* и др. (18×: 13, 25б, 3б, 42, 46б, 120б и др.), *по два* 85, *по дву* 169б, *по двою* 332б, *по днехъ* 20, *по мьздѣ* 14б, *по тли* 229б, *по что* 19, 61, 344б, 345; *по вземлющему* 32, *по възнесенъи* 65б, *по въпрашанию* 200б⁵¹. Отметим также *по нь* «за ним» 85 (ср. § 20). С *о* встретились, в частности: *по всему*, *по всеь* (4×), *по всякѡи* 74, *по втѡрѣмъ* 89б, *по дву*, *по двою*, *по .ѡ.*, *до .ѡ.* (8×), *по злобѣ* 64, *по вшитъи* 162б, *по свершенъи* 207 и ряд других (всего более 30×). Перед словами, не имевшими редуцированного, пишется *о*: *по слѣду*, *по праву*, *про злато*, *до времени*, *по .г.* (не говоря уже о *по мужи* и т. п.); также *по хрѣтѣхъ* «за крестами» 192б. Встретились, однако: *по три* 90б, *по .г.* *лѣт* 11б (В. мн. или М. мн.), *по времени* 203б, *по хѣтѣ* «по Христе» 5б. Таким образом, предлоги, будучи более самостоятельными единицами, чем приставки, обнаруживают тенденцию к перестройке прежних соотношений *о* и Ѡ: формируется новая система, где для рассматриваемых предлогов нормой является единый вид *по*, *про*, *до*, но перед сочетанием согласных (любого происхождения) допускается также Ѡ.

§ 26. Морфемы *От* и *пОд*. В соответствии с правилом 2в, в Мериле в этих морфемах почти всегда выступает Ѡ. Практически обычно пишется Ѡ^т (около 1500×) и *пѠ^д* (около 80×), например: Ѡ^т *тобе*, Ѡ^т *ходить*, *пѠ^д властью*, *пѠ^д пишеть* и т. д.; гораздо реже без выноса согласной, например: *отъ негѡ* 129, *неотърѡчна* 57б, *пѠдѣ чересминою* 41, *пѠд нѡзѣ* 6б, *пѠдѣписанѡ* 208, *пѠднѡжие* 3б.

Как известно, в раннем древнерусском приставка «от-» в некоторых случаях выступала в варианте *от-* (а не *отъ-*). В Мериле сохранились лишь небольшие следы этого: *от-* в опростившемся *отрѡкъ* и его производных (34×); *отинудѣ*, наряду с Ѡ^т *нудѣ* (оба часто); *отяти* «отнять» 10б, 228б, *отялѣ* 34б, *по отятъи* 77, 154 при более частых Ѡ^т *яти*, Ѡ^т *ято*, *по Ѡ^т яти ѡ* и др. В остальных случаях обобщился вариант Ѡ^т-, например: Ѡ^т *идеть*, Ѡ^т *ит*, Ѡ^т *иметь*, Ѡ^т *имающихъ*. Ср. также сходные словоформы с *пѠд-*: *пѠ^дим-еть*, *-уть*, *-аемъ* и др. и в особенности *пѠдѣим-еть* 19б, *-оуть* 115; кроме того, *пѠдотнеть* 339б, *пѠдѣтнеть* 339 (наряду с *подотнеть* 339). Показания МГУ 1367 (*ѡто бчель* 38в, *ѡтоиметься* 53в, и *ѡтоидѡша* 186в, *пѠдо власть ѡ* 124а), а также укр. *відійті*, *підійті* и т. п. позволяют думать, что и в рассматриваемых примерах из Мерила мы имеем дело не просто с обобщением орфограмм Ѡ^т- и *пѠ^д*-, а с фонемой /ѡ/ в приставке⁵². Менее ясно, что произносилось во втором слоге таких словоформ, как *пѠдѣиметь*, Ѡ^т *идеть* (и как здесь проходил слогораздел).

⁵¹ Как видно из написания *пѡ*, в последних двух примерах ѣ соответствует нулю звука.

⁵² При этом всё же следует признать, что орфограмма Ѡ^т обладает в Мериле повышенной устойчивостью: во-первых, в Мериле совсем не встречается написание *от* (при том что 12 раз встретилось *отъ*); во-вторых, в Ѡ^т *бють* 339б, Ѡ^т *слеть* 337, *по Ѡ^т гнанъи* 194 Ѡ^т, по-видимому, заменяет ѡ^{то}.

§ 27. Морфемы *рОз-* и *О (Об)*. Для приставки *рОз-* встретились только примеры с закономерным *о*: *розязавше*, *роздѣлять*, *ростерялъ*, *рощитають*², *ростчена* и т. д. (интересно *росьстьчи* 41). В морфеме *О (Об)* огласовка *о*, закономерная для подавляющего большинства случаев (например, *одежа*, *осквернити*, *отравникъ*, *обрѣсти*, *обнажити*, *о вѣрѣ*, *о гнѣбѣ*), была обобщена и на случаи, где правило 2в требует *ѡ*, например: *овдовѣшее*, *ожьжетъ*^с, *озлобити*, *объставлена*, *обдержитя*, *о всемъ*, *о князѣхъ*, *о мнозѣи*, *о при*, *о что* и т. п.⁵³ Точно такое же обобщение представлено в украинском языке, ср. *овдовѣти*, *озлобити*, *обстѣвити* и т. д.; поэтому следует предполагать, что и в Мериле мы имеем дело с фонологическим, а не орфографическим явлением. (Интересно, что в МГУ 1367 такого обобщения еще нет: ср., например, *обрѣте*, *о часть*, *о стадѣ* и *ѡтре*, *ѡ мнѣ*, *ѡ дни*.)

О с о б ы е с л у ч а и

§ 28. В Д. мн. на *-Омъ* у существительных (но не у прилагательных, ср. § 12) в Мериле регулярно представлено *о*, независимо от акцентуации (в сумме около 220 ×). Характерные примеры: с ударением на *-Омъ* (т. е. нарушающие основное правило 2а) — *врагомъ*, *дворомъ*, *попомъ*, *псомъ*, *рабомъ*, *скотомъ*, *видокомъ*, *оучникомъ*; с ударением на два слога левее *-Омъ* (т. е. нарушающие правило 2б) — *дыакономъ*, *идоломъ*, *икономомъ*, *правилкомъ*, *грѣшникомъ*, *приставникомъ*; с ударением на слог левее *-Омъ* — *канонкомъ*, *многомъ*, *чадомъ*; с неясным ударением — *бѣсомъ*, *волкомъ*, *домомъ*. Единственный пример с *-ѡмъ* (не после гласной) — *члѡкомъ* 196б, при обычном *члѡкомъ* (8 ×), *чѡловѣкомъ* 200б; скорее всего, это ошибка писца.

Точно такое же «незаконное» */ѡ/* в Д. мн. отражено в рукописях, изученных Л. Л. Васильевым (Васильев, с. 123), и в Муз. 3650 (см. Новые данные, § 4—5); все они северо-западновеликорусские. Между тем в МГУ 1367, в говорах с полесским распределением фонем «типа *о*» и в южновеликорусском Травнике (см. Новые данные, § 3) в Д. мн. отражено (при наличии необходимых акцентных условий) закономерное */ѡ/*. В Узкошрифтном евангелии (предположительно московском, см. Новые данные, § 6) представлено */ѡ/* и реже */ѡ/*. Таким образом, появление */ѡ/* вместо */ѡ/* в Д. мн. — это диалектная (по-видимому, западновеликорусская) морфологическая инновация; вероятно, она состояла просто в объединении окончаний Д. мн. и Т. ед.

§ 29. В окончаниях М. ед. муж. и сред. *-Омъ* и Д. М. ед. жен. *-Ои* у местоимений и прилагательных в Мериле почти всегда пишется *ѡ*. В большинстве имеющихся примеров это *ѡ* закономерно, так как на него падает ударение (об *-ѡи* см. также § 22): *онѡмъ*, *онѡи*, *сам-ѡмъ*, *-ѡи*, *как-ѡмъ*, *-ѡи*, *таков-ѡмъ*, *-ѡи*, *мужьскѡмъ*, не говоря уже об односложных *кѡмъ*, *тѡмъ*, *тѡи*; вероятно, сюда же *един-ѡмъ*, *-ѡи*, *инѡмъ*, *инѡи*, *властельскѡи*. Однако *ѡ* представлено и в тех случаях, где ударение явно падало не на окончание: *всякѡмъ* (4 ×), *всякѡи* (9 ×), *котурѡмъ* «котором» 136, *нѣкотѡи* 240б, *нѣкѡи* 185, *сельскѡмъ* 333, *наимнѡмъ* 269б; вероятно, сюда же *изобилнѡмъ* 272 (с *о* только *всякѡи* 72, *лютои* 26, *перво* 229б [киноварь]). Особенно интересно *котурѡмъ* вместо *котѡрѡмъ: по-видимому, писец попытался здесь отобразить ту разницу в степени закрытости, которая была между ударным и безударным */ѡ/*.

Такая же особенность, т. е. рефлекс */ѡ/* (в виде [у] или реже [уо]) в этих двух окончаниях в безударном положении (притом что по общим пра-

⁵³ Исключение составляет только глагол *ѡ^т щетити*, который постоянно пишется с *ѡ^т*: писцы явно воспринимали его как глагол с приставкой *От-*.

вилам /Ѡ/ в безударных слогах не должно быть), наблюдается во многих говорах с полесским принципом распределения фонем «типа о»⁵⁴. Это дает основания видеть в данной черте Мерила фонологическую, а не орфографическую особенность (причем такую, которая объединяет говор Мерила с полесскими).

§ 30. Остается лишь несколько маленьких групп, где написание Ѡ требует особых комментариев. Внутри словоформы после гласной (что возможно только в заимствованиях) О обычно предстает как Ѡ, причем не только там, где на него падает ударение (*антиѠха* Р. ед., *геѠну*, -Ѡю, *геѠргии*, *елеѠньскую*, *леѠна* Р. ед., *леѠнтовъ* прилаг., *сиѠнъ*, *фараѠнъ*, *феѠдора* Р. ед., *финеѠсъ*, *ханаѠне* прилаг. — всего 21 ×), но и там, где это явно не так (*иѠ*, *иѠнъ*, -а, -Ѡ «Иоанн» [11 ×], *феѠдоритово* 45б; *къ коренѠѠмъ* 230б, *къ филиппиѠѠмъ* 230, ср. § 28), а также в ряде неочевидных случаев (*въ антиѠхии*, *антиѠхиск-аѠв*, -иѠа, *диѠнъ*, *диѠсъ*, *иѠвъ*, -Ѡ, *моиѠвоѠъ*, -у — всего 12 ×); ср. о в *дионисовъ* и др., *моиѠсови*, *въ антиѠхьи*, *лаодиѠкиѠа* (9 ×). Таким образом, написание Ѡ в указанной позиции следует рассматривать как частное собственно орфографическое правило (соблюдаемое, впрочем, не строго).

В нескольких примерах два Ѡ в соседних слогах, быть может, отражают колебание ударения: *госпѠдѠствѠ* 274, *госпѠдѠствѠ* 239б bis, *оубѠркѠвъ* 341, *вторѠе* 173, *мнѠѠ* 226б (хотя в трех последних случаях не исключена и описка). Явными описками стандартного типа (предвосхищение на письмо гласной буквы следующего слога) являются: *за хѠлѠнъ* 340б, *по хѠлѠны пѠчи* 340, *такѠвоѠе* 42б, 179, *отрѠкѠвиѠа* 169, *препѠдѠбиемъ* 10; в *ипѠрѠмъское* 201 видно влияние орфограммы пѠд «под». Просто ошибку или описку можно предполагать в *чѠвѠмъ* 196бб (см. § 28), *поимъ* «взяв» 137б, *кѠнечнее* 260 (при обычных *чѠвѠмъ*, *поимъ* и др., *кѠнечнее*). В нескольких других сомнительных случаях (в частности, *живѠта* 122б, *бѠлимъ* 47б, *блѠгобѠзливѠка* 66б) более вероятно не ошибка, а необычная акцентовка; *схѠдити*^с 200, по-видимому, получилось потому, что писец начал писать словоформу *схѠдитъ* (уместную по контексту).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 31. Приводимая ниже таблица (см. с. 68) демонстрирует синхронические соотношения между фонемами /Ѡ/ и /Ѡ/ в говоре Мерила, выявляющиеся в результате разбора материала. Противопоставление этих фонем демонстрируется на типовых примерах; примеры, представляющие лишь маленькие группы словоформ, заключены в скобки.

Основные особенности противопоставления /Ѡ/ и /Ѡ/ в говоре Мерила, определяемые древностью этого говора, таковы. Прежде всего, возможно (и даже вероятно), что в говоре Мерила позиции I и III еще были нетождественны именно с синхронической (а не только с исторической) точки зрения, ср. § 19. В позднейших системах они уже определенно отождествлены. Далее, как видно из таблицы, для Мерила характерно почти безупречное дополнительное распределение /Ѡ/ и /Ѡ/ в позиции Б (словоформа *свекрови* 252б, возможно, имела здесь начальное, а не срединное ударение); ср. также сноску 45. Соответственно, например, *икѠна* автоматически принимает в говоре Мерила вид /икѠна/. Между тем в великорусских памятниках XVI века и в современных говорах в позиции Б под ударением уже возможно противопоставление /Ѡ/ и /Ѡ/. В начальном сло-

⁵⁴ См., в частности: Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 1. М., 1955, с. 119.

Противопоставление фонем /ѡ/ и /ѡ/ в говоре Мерила

Позиции	А. Перед группой согласных или перед конечной согласной *		Б. Перед одиночной неконечной согласной или в конце словоформы	
	/ѡ/	/ѡ/	/ѡ/	/ѡ/
I. Под главным ударением ортотонической словоформы	скѡть потѡрникъ в мужьскѡмъ	ротъ посолникъ молокомъ	ѡть готовѡ числѡ	—
II. Под второстепенным ударением ортотонической словоформы	дыѡконовъ	дыѡкономъ	ѡблокѡ праведнѡе	—
III. Под автоматическим ударением энклимена	родъ родни по днехъ	кровь должны во днехъ	—	осень золото
IV. В безударном начальном слоге	болному послати	должному послушати	(подогнуть §26)	она голова
V. В безударном среднем слоге	—	оболчени свободному	—	сирота золото
VI. В безударном конечном слоге	(в сельскѡмъ, §29)	братомъ старость	—	масло золото

* Позицию А не следует непосредственно отождествлять с закрытым слогом: для многих словоформ (например, *послати*, *послушати*) неизвестно, как именно проходил слогораздел.

ге это произошло за счет отождествления позиций I и III, отсюда пары типа *вбѡю* (с /ѡ/) — *вбѡду* (с /ѡ/); далее противопоставление было распространено и на прочие слоги (ср. /ѡ/ в аналогических *кусѡчек*, *клубѡчек* и т. п., /ѡ/ при поздем переносе ударения, например, в *оснѡван*, переход конечного /ѡ/ в /ѡ/ в некоторых говорах и т. д.).

Основная диалектная особенность системы Мерила состоит в том, что, при общем господстве великорусского принципа распределения /ѡ/ и /ѡ/, в начальном слоге действуют одновременно великорусский и украинский принципы появления /ѡ/, см. § 5 (ср. аналогичный эффект и в *-ѡмъ*, *-ѡи*, § 29). Такое соединение двух принципов является самой своеобразной чертой Мерила и ранее нигде не было засвидетельствовано. Оно показывает, что в формировании фонем /ѡ/ и /ѡ/ на восточнославянской территории было больше диалектного разнообразия, чем раньше предполагалось; между диалектными зонами с разными основными принципами имелись промежуточные зоны. Из более частных фактов отметим сходство Мерила с украинским языком в отношении морфемы *ѡ*, *ѡб* (§ 27), с полесскими говорами в отношении морфем *-ѡмъ*, *-ѡи* (§ 29), с другой стороны — с северо-западновеликорусскими говорами в отношении *-ѡмъ* в Д. мн. (§ 28) и *-ѡѡ* в Р. ед. (§ 18). Имелись ли какие-то диалектные различия, касающиеся второстепенного ударения, в настоящее время неизвестно. Диалектологические особенности распределения /ѡ/ и /ѡ/ в говоре Мерила согласуются с общими диалектными приметам Мерила (см. Новые данные, § 14); и те и другие указывают на великорусскую зону, а в ее пределах — на область контакта с украинско-белорусской зоной.

О СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТОГРАФИИ ЧЕШСКИХ ГОВОРОВ (В СВЯЗИ С ТРУДОМ Я. ВОРАЧА «ЧЕШСКИЕ ЮГО-ЗАПАДНЫЕ ГОВОРЫ»¹)

1

В последнее время в диалектных монографиях все большее значение приобретает ареальный аспект. Это особенно заметно на примере моравской диалектографии. После локальных монографий, где географический аспект выражался лишь во включении исследуемого говора в более широкий контекст — географический или лингвогеографический (таковы первые работы Келнера, Сверака, Копечного, Лампрехта²) — появляются монографические описания более обширных зон (второй труд Келнера, работы Белича, Скулины и др.³) и тематические монографии подобного плана (книги Ромпортла, Балгара, Михалковой и др.⁴).

В Чехии после книги Галлера⁵ монографических публикаций больше не было, но зато подготовлены в рукописи три системных диалектологических описания из северо-восточной чешской зоны, охватывающих небольшие региональные участки и лишь маргинально включающих лингвогеографический аспект (работы Рацковой, Красницкой-Главсовой и Бахманна; к ним примыкает и опубликованная двухтомная монография Я. Сятковского о чешском языке так называемого Чешского уголка в ПНР⁶). О территориях же собственно чешских говоров появились две монографии, рассматривающие целую диалектную группу — «Чешские

¹ J. V o r á č. Česká nářečí jihozápadní. «Studie jazykově zeměpisná», t. I, II. Praha, 1955, 1976.

² A. K e l l n e r. Štramberské nářečí (1939); F. S v ě r á k. Boskovické nářečí (1941); F. K o p e č n ý. Nářečí Určic a okolí (1957); A. L a m p r e c h t. Středoopavské nářečí (1953); см. подробнее: J. B ě l i č. Nástin české dialektologie. Praha, 1972, s. 337 сл. (дополнение о состоянии и задачах чешской диалектологии).

³ A. K e l l n e r. Východolašská nářečí, I, II (1946, 1949); J. B ě l i č. Dolská nářečí na Moravě (1954); J. S k u l i n a. Severní pomezí moravsko-slovenských nářečí (1964); ср. также: J. B ě l i č. Ibid., s. 339 сл.

⁴ M. R o m p o r t l. Zvuková stránka v nářečích na Těšínsku (1958); V. M i c h á l k o v á. Studie o východomoravské nářeční větě (1973); J. B a l h a r. Skladba lašských nářečí (1974).

⁵ J. H a l l e r. Popis a rozbor lidové mluvy v pěti podřipských obcích (1932); часть работы, главным образом тексты, осталась в рукописи.

⁶ M. R a s k o v á. Lidová mluva na Třebívlicku; L. B a c h m a n n. Nářečí na Vysokomýtsku; J. K r a s n i c k á-H l a v s o v á. Nářečí na Novopacku (рукописи кандидатских диссертаций 60-х годов); J. S i a t k o w s k i. Dialekt czeski okolic Kudowy. Warszawa, 1962.

юго-западные говоры» Ворача и «Говоры переходной чешско-моравской зоны» Утешеного ⁷.

Обе последние работы опираются на обширные региональные анкеты, сбор материала по которым организовал Институт чешского языка в 1946—1954 гг. по инициативе Чешской диалектологической комиссии ⁸. В Чехии руководил организацией этих работ, а также производил картографическую обработку двух основных групп чешских диалектов (юго-западной и северо-восточной) Я. Ворач совместно с сотрудниками своего отделения ⁹; некоторые результаты анкеты для среднечешской области и данные общечешского характера обработал П. Янчак ¹⁰. Комплексно подвергли картографированию также результаты анкетирования районов Моравии в Институте чешского языка в Брно и в университете им. Палацко в Оломоуце; здесь, однако, анкетирование не принесло такого количества ранее не известных данных.

Для нового этапа описания собственно чешских говоров труд Я. Ворача принципиально важен как в отношении сбора материала и его обработки, так и особенно потому, что в нем предлагается целый ряд методов, которые вырабатывались постепенно при картографировании результатов чрезвычайно обширных анкет. Этот труд стал образцом для дальнейших исследований и послужил основой для создания принципов чешской лингвогеографической школы, плодотворно влияющих на деятельность и других славянских центров ¹¹. В последнее время эта работа стала одним из краеугольных камней «Чешского лингвистического атласа», начинания, в котором Я. Ворач (и как руководитель диалектологического отделения Института чешского языка в Праге, и как член рабочего коллектива) активно участвовал в течение пятнадцати лет — в подготовительном и «полевом» этапах (городские, деревенские, внутрочешские, пограничные и даже зарубежные экспедиции), а также в первой стадии картографической обработки материалов.

2

Вторая часть лингвогеографического исследования Я. Ворача — «Чешские юго-западные говоры» — завершила все более архаизирующееся и в известной степени уже лишь историческое описание группировки и дифференциации общих и частных диалектных явлений всей этой зоны, которая охватывает более половины территории Чехии (первая часть была посвящена исключительно общим характеристикам этого целого, которые проявляются главным образом уже лишь как лексикализованные реликты, постоянно диффузирующие под давлением централизо-

⁷ S. U t ě š e n ý. Nářečí přechodného pásu česko-moravského I. Hláskosloví (1960) — к характеристике этой работы и I части работы Ворача см. также: J. B ě l i ě. Ibid., s. 342.

⁸ К истории этих анкетных сборов см. особенно: J. V o r á ě, M. R a s k o v á. Práce na Českém jazykovém atlase. «Slovo a slovesnost», 29, 1968, 312 сл.

⁹ О первой фазе этих работ см. J. V o r á ě. O úkolech dialektologie a metodách jazykového zeměpisu. «Studie a práce lingvistické», Praha, 1953, s. 328 сл.

¹⁰ П. Янчак при обработке обширных анкетных материалов начал применять и статистический метод — см. его статью «Možnosti statistického zpracování kolísavých jevů na jazykových mapách». «Práce filologické», XVIII/1, 1964, с. 53 сл.

¹¹ Особенно важную роль сыграли работы Я. Ворача в деле чешско-словацкого и чешско-польского сотрудничества, а косвенно — и для чешского участия в подготовке «Общеславянского лингвистического атласа».

ванного развития; динамика развития рассматривалась в заключении первой части) ¹².

Новаторское описание конститутивных и диакритических моментов чешской диалектной ситуации (представленное пока лишь разработкой южночешской зоны) во второй части труда расчленено на три аналитические главы: А) Признаки, общие в прошлом для архаичных окраин южночешской области; В) Признаки западночешской области и ее окраин; С) Южночешские признаки того же характера. Синтетическая глава D) рассматривает лингвогеографический рельеф юго-западной Чехии и его отношение к центральному развитию. Сопровождает книгу обширное приложение — диалектные тексты, которые благодаря тематической привязке к исчезающим или уже исчезнувшим реалиям традиционной деревни дают в то же время ценный материал и в культурно-историческом плане, а также 20 схематических карт. 16 из них отражают аналитически ареалы отдельных явлений, остальные дают обобщающую картину интенсивности стратификации, основных границ и общего членения южночешской группы.

Основное членение южночешской области и схема интенсивности ее «диалектности», постепенно убывающей по направлению к центру, а также определение границ западной и южной территории в соотношении с этими двумя относительно стабильными целыми в естественно-географическом и экономико-административном планах — таков главный результат этого труда, с которым можно сопоставить лишь исследования Ф. Цуржина ¹³. Гидрография и орография, данная на особых картах, уже сама по себе указывает на взаимосвязь ландшафта и диалектной картины: отчетливые диалектные участки расположены сплошь в горных окраинах, концентрация диалектных признаков здесь, однако, начинается в связанной полосе уже примерно на половине всей этой обширной территории, на юго-запад от больших населенных центров, таких как Пльзень, Писек, Чешские Будеевицы. Территория к северу от линии Кралоувице — Пришибрам — Йиндржихув Градец (с 1—7 юго-западными классификационными изоглоссами) относится с этой точки зрения к переходной зоне между центром и юго-западом Чехии.

Интерпретация отдельных явлений дается на основе богатой документации современного состояния и прежних сообщений; как правило, к этому дается и диахроническая (генетическая) интерпретация, что делает исследование полезным и для историко-сравнительных объяснений в славистическом масштабе. Поскольку языковая ситуация в Чехии изучена еще очень мало ¹⁴, то не будет преувеличением сказать, что здесь по существу содержится единственное системное исследование специфики диалектных категорий в Чехии, а также характера языкового рельефа чешской территории. Этот рельеф, с одной стороны, чрезвычайно централизован и нивелирован, с другой же стороны, характеризуется широкими переходными зонами, идущими поперек всей страны в отчетливо двух-

¹² Ворач особенно подчеркивал единство отправных точек и сил развития во всей области чешского наречия, а также определенную связь нынешних диалектных границ с рубежами средневековых областей.

¹³ Серия работ Ф. Цуржина использует прежде всего материал кадастровых списков XVII—XVIII вв., в исследовании которого сочетаются историческая диалектология и ономастика. Ср., в частности: «Studie z historické dialektologie a toponomastiky Cech» (1967); «Kapitoly z dějin českých nářečí a místních i pomístních jmen» (1970). Близость обеих дисциплин обнаруживается особенно в картографической части — в сходстве ареалов.

¹⁴ Кроме указанных работ Цуржина и карт «Очерка» Я. Белича, можно назвать статью Я. Ворача и С. Утешеного «Základní izoglosy severovýchodočeské nářeční oblasti». «Slovo a slovesnost», 34, 1973, s. 141 сл.

полюсной ориентации: противопоставление север — юг, resp. северо-восток — юго-запад, во-первых, и противопоставление центральных и периферийных зон, во-вторых¹⁵.

Вслед за I частью, в которой рассматриваются 15 общих фонетических и морфологических типов чешской юго-западной области, II часть описывает 6 таких общих реликтовых типов, далее 4 типа западночешских и 3 южночешских, а также специфические признаки мелких западных и южных периферийных участков. Несмотря на то, что работа нарочито придерживается традиции (прежде всего монументального очерка Гавранка¹⁶), она дает много нового как в фактографическом плане, так и в концептуальном, оценочном и интерпретационном аспектах. Особое внимание уделено ходскому вопросу. Этот наиболее выразительный участок Чехии, своеобразие которого объяснялось различными инославянскими колонизациями, автор считает интегральной частью чешской диалектной сферы, отличающейся от нее, в сущности, лишь большей консервативностью либо интерферентными инновациями в связи с прежним немецким диалектным соседством (о возможных древних связях с сербскими племенами, соседствующими с ходскими, автор не говорит). Возвращаясь к непривившемуся обозначению Шемберы, Ворач называет и эту подзону, как и другие, по территориальному признаку — термином домажлицкий, Домажлицко.

Отдельные главы двух частей исследования обрабатывают прежде всего результаты анкетирования, содержанием и структурой которого они в своей основе и детерминированы. Наряду с общим юго-западночешским анкетированием проводились и более детальные опросы для выявления западночешских и южночешских областных признаков, а также обследование периферийных западных (манетинский, ходский, «домажлицкий», стражовский) и южных (дулебский и прахатицкий, так называемый тияцкий — по инфинитиву на -t'i) районов; своеобразный стахский район между западной и южной группой окраинных участков не был подвергнут особому анкетированию¹⁷. Поскольку вопросники ограничились собственно Чехией, ряд изоглосс, переходящих далее на юго-западную Моравию, не был на картах закрыт. Частично фонетические явления такого рода были обработаны в монографии С. Утешеного (см. сн. 7), в рамках переходной чешско-моравской зоны. Ряд этих явлений уже комплексно обработан в указанной работе Я. Белича, полностью они будут детально отражены в подготавливаемом Чешском лингвистическом атласе.

Значительная часть регионализмов чешского диалекта в последнее время исчезает, либо уже исчезла. Поэтому, собственно, в вопросниках, отразивших сразу же после второй мировой войны еще традиционное состояние до последующих кардинальных изменений в деревне, сохранилась картина этих диалектов в последней фазе их существования — картина, которую можно будет в дальнейшем изучать лишь методом историко-диалектологическим. Так, в противовес таким до сих пор живым явлениям, как например, *tříst* (литературное *třást*), *roužnout/rožnout*, *sítko/общее sejtko*, *pína/pěna*, *vlcí/vlci*, *mjesto/mněsto*, *svarba/svadba*,

¹⁵ Возле цельного ареала одной из основных зон здесь часто появляется реликтовый участок в противоположной окраине: ср., например, при юго-западночешском типе Кřešoje названия населенных пунктов с тем же окончанием в восточночешском районе Усти на Одре и наоборот — при северо-восточночешском типе *tatoj* небольшой участок его распространения и возле южночешского города Чески Крумлов.

¹⁶ В. Н а в р а н е к. *Nářečí česká*. «Ceskoslovenska vlastivěda», III. Praha, 1934; работа Ворача придерживается также принципов основоположной статьи Б. Га в р а н к а *K české dialektologii*. «Listy filologické», 51, 1924.

¹⁷ Перечень анкет см. в статье, указанной в сн. 8, а также во вступлении к программе В. Важного: «K otázce jazykového atlasu zemí českých». «Slovo a slovesnost», 16, 1955, s. 159 сл.

Křečojce, Sukojc/Křečovice, Sukovic, tátovo/tátův bratr, noš/nosi, sází/sázeji I части рассматривается и ряд уже угасающих явлений, как например: депалатализация čalo < čelo, долготы в род. мн. kuřát, vovic (ovec // ovci), побочный вокализм типа kirk, serp и редукция типа seňnice, тип krunt (grunt), chťílet/střílet, протетическое h- типа huzel, Heva, hiva/jíva, императив řekňte/řekněte и др.

К таким признакам, сохраняемым сейчас лишь самым старым поколением, относятся и все шесть архаических признаков юго-западночешских окраин, анализ которых дается во II главе работы: закрытое произношение дифтонга ou традиционно объясняемое в связи с запоздалой дифтонгизацией ú > ou; подобное же закрытое произношение ej вместо ú (включая тип stejná), остатки особого произнесения гласного u, реликты твердого f, остатки ударения на пенультине, прежде всего в мелодической кульминации выделяемых слов, вин. ед. ср. р. je вм. обычного ho. Для первых двух параллельных явлений характерно колебание реализации, обычное в периферийных районах: манетинском, ходском, дулебском, стапском и на моравском юго-западном участке близ Дачиц и Йемницы: закрытость первого элемента дифтонга может перейти даже в двувершинное ou, ij, иногда даже в монофтонг ú (никогда, однако, в í). Добавим из своей монографии (Ibid., s. 48), что на дачицко-йемницком участке дифтонг ej связан в отношении к реликтам краткого u и его можно фонологически оценивать как uj — так, собственно, транскрибировано уже Ф. Бартошем. На тех же участках, включая западночешский стршибрский остров, дает себя знать и особое произношение y, характерное в прошлом и для Подкрконошья в узком смысле на противоположной северной окраине Чехии — что, в сущности, действительно и для сохранения твердого l, но больше — для его следов типа ходского Tumačov < Třumačov, прахатицкого Nebahovu < Nebřahov, дулебского Chum < Chřum. Тип oumara, koutra из almara, kořtra соответствует северочешскому исконному vrdlouhat из v hrdlo řhát, в случаях же типа Oubrechčice вм. Albrechtice мы встречаемся с явлением, характерным в прошлом для всей чешской территории.

В литературе особое внимание уделялось широкому южночешскому явлению, переходящему также на юго-западную Моравию и зафиксированному в последнее время и в районе Подкрконошья¹⁸ — явлению акцентологическому, resp. его мелодическому следствию: выделению пегультивы. Здесь приходится еще более, чем для предыдущих явлений, сожалеть, что оно лишь в самой незначительной степени подвергалось акустическому анализу.

Наконец, морфологический архаизм вин. ед. ср. р. je, сохранившийся в противоположном западном и южном районе Чехии, но еще шире представленный и далее на восток в Моравии (иногда лишь в предложном сочетании na ěe и под.), не выходит из тех же юго-западночешских территориальных рамок.

Из десяти характерных признаков западночешской области в разделе В основательно рассматриваются два близких фонетических явления — эпентеза j в типах zejď, zaplajť и редукция слова ěi, ěí, ní (přence, hutčící, hutčící, rjekně из rjekní) и морфологические аналогии дат. п. мн. на -om типа chlarom, Rokicanom, lidom, kravom и род. п. ед. типа do práci// do kosti, им., вин. п. мн. типа boleste, řeče, а также местн. п. мн. типа na lavicích. Хотя большинство приведенных новообразований имеет свои параллели в нивелирующих процессах и на других территориях, их

¹⁸ L. B a c h m a n n, J. B a c h m a n n o v a. K přízvuku penultimé v severovýchodních Čechách. «Studia z filologiei polskiej i słowiańskiej», 15, 1976, s. 95 сл.

комплекс позволяет выделить ядерную зону западной Чехии, причем на ее ходскую окраину некоторые типы не проникли.

Следующее далее детальное описание ходского говора — 10 признаков в системе гласных, 9 признаков количественных различий, 5 признаков морфологических — оканчивается экскурсом о развитии концепции Грушки, рассматривавшего ходский говор как интегральную часть южночешского целого, причем, по Ворачу, общему своеобразию ходского говора, включая и его модуляции на соседних территориях к северу и юго-востоку, способствовала как удаленность от центра, так и сильное традиционное областное самосознание, опирающееся на культурно-историческую самобытность. При этом, однако, большая часть характерных черт ходского говора действительна и для всей домажлицкой котловины; они известны и во многих других местах — идет ли речь об инновациях типа *buřu, bul, Houjezdo (Ůjezd)*, или о смешанной категории типа *volát — volál, umřít — umřil* или, наконец, об архаизмах типа *šístej, ze vrát, cíít*.

В прошлом к интересным районам относилась и окрестность Стржибра — небольшой территориальный островок, который не подвергся германизации после поражения на Белой горе и наряду с южночешскими архаизмами, зафиксированными на картах (до чрезмерности эксплицитно) венками соответствующих изоглосс, сохранил также некоторые не типичные для юго-запада черты — напр. им.--вин. мн. типа *(pro) ti naši klucí* (так же, как и на противоположной юго-восточной окраине Чехии в районе Йиндржихова Градца).

Южночешская область характеризуется шестью признаками, из которых детально рассмотрена диссимилиация зубных согласных типа *roj ěim, bej sebe, babijce*, далее реликты корреляции по мягкости типа *bjič//bič, holobjata, mjel* и межсловной ассимиляции типа *kolig let, už umřel*. Особенное внимание было уделено первому явлению, причем в его широких диатопических и диахронических аспектах. Спор, который разгорелся при объяснении причин диссимилиации в 20-е годы между Травничком и Якобсоном¹⁹, автор разрешает признанием важности обоих факторов — акцессорной мягкости (включая и отношение к эпентезе) и исходных тенденций к устранению двойных согласных, направивших весь процесс в русло современных изменений.

Еще более широкие отношения демонстрируют два других южночешских признака — мягкость губных и ассимиляция по звонкости, которую здесь удалось установить прямым обследованием даже далеко на север от ранее известной маргинальной зоны. Ворач приводит для территориально весьма изолированной дулебской окраины всего 8 специфических вокалических, 4 просодических (долгота) и 10 консонантных (среди них и негативных) признаков. К 13 приводимым признакам морфологическим (!), с рядом архаизмов, например, *se sousedí, staří učíteli, padl* — в отличие от общего *sousedama, starí, pat* — и инноваций типа *ruki, som, chcou, tebeje* — приводятся и синтаксические особенности типа проклитического *som viděla* или удвоенного дательного падежа типа *to ťi tebeje povídám* (последний пример лишь с минимальной документацией). Из района Прахатиц, обработанного после первой мировой войны в монографии Б. Выд-

¹⁹ F. T r á v n í ě k. Příspěvky k českému hláskosloví. Brno, 1926, s. 147 сл.; R. J a k o b s o n. K odstranování dlouhých souhlásek v češtině. «Slavia», 7, 1928/29, s. 25 сл. Явление имеет параллели и в других славянских языках, см. польск. *ojścis*, словен. *mlajši*.

ры²⁰, еще зафиксированы инфинитивы на -t'i, -t' — тип bej'i, однако, уже практически известен лишь по воспоминаниям информантов.

В первой главе заключительного раздела рассматривается отношение южночешского лингвистического ландшафта к территориальному рельефу и истинным границам, необычайно выразительное особенно в размежевании западной и южной части юго-западночешского массива, а также связь сохранения релевантных диалектных элементов с высотными условиями Шумавского подгорья (что находит параллели, собственно, на всей территории Чехии). Во второй главе даются некоторые комментарии к исчезновению говоров в этой области, особенно в связи с проникновением центральных инноваций и соответственно с расширением нивелирующих волн. Здесь интересны ссылки на высмеивание отдельных диалектных черт, сопровождающее исчезновение релевантных архаизмов и действующее исключительно в пользу инноваций — лишь южночешские «шутки» вроде *okosaté opice/vocasaté vorice* не сместили границу ни в каком направлении. Подавляющая часть областных южночешских признаков относится к явлениям неосознаваемым (например, особенно выразительна в этом смысле межсловная ассимиляция, модуляция в предложении). Так же, как, собственно, и во всей Чехии, здесь пользуются в речи в целом областными вариантами обиходного чешского языка, индивидуально более или менее окрашенными примесями региональных особенностей во всех языковых планах; старые локальные говоры уже отступили и на периферийных участках, где до последнего времени местный узуз отличался от общего более или менее значительно.

3

Кроме комментариев и картографической части рецензируемая работа содержит и тексты, записанные автором без помощи магнитофона. Тем самым, разумеется, диалектность их конденсирована, и следовательно их нельзя использовать некритично для исследования синтаксических явлений. Это в известной степени (но по другим причинам) относится и к только что вышедшему собранию «Чешских диалектных текстов», которое под руководством А. Лампрехта издал коллектив диалектологов Института чешского языка в Праге и Брно в качестве вузовского пособия²¹. Эти тексты в основном переписаны с магнитофонных записей, которые делались в пунктах Чешского лингвистического атласа. Из-за антологического характера и учебного назначения этого издания, однако, и эти тексты были модифицированы (вычеркиванием неясных мест, соединением микротекстов и под.).

Монографические работы о чешских диалектах в последнее время качественно выросли не только в лингвогеографическом отношении, но и в плане тематической специализации. Так, в Моравии была разработана теория синтаксиса диалектных текстов, в Чехии же особое внимание уделено словообразованию. Вслед за обширными монографиями Келнера и Белича растет внимание к словарному составу, вышел ряд областных моравских и силезских словарей, в рукописи подготовлены обширные лексикологические исследования подобного рода²². Особенно сильно обога-

²⁰ В. V u d r a. Popis a rozbor nářečí hornoblanického. Praha, 1923. Статья Гавранка, указанная в сн. 16, является откликом на эту работу.

²¹ Книга «Ceské nářeční texty», изданная в Госпедиздате в Праге под ред. В Михалковой, содержит около 200 текстов традиционных говоров, 34 текста городской речи и 10 образцов речи чехов за границей.

²² К печати подготовлена работа З. Соховой Slovní zásoba jihovýchodního okraje západoláské oblasti.

тился фонд новых собраний лексического материала благодаря детализированным вопросникам, а в Чехии — и специальному тематическому сбору материала корреспондентами Архива народного языка²³. Здесь, однако, в общем опубликовано еще очень мало, и поэтому, в частности, в проекте издания Чешского лингвистического атласа предполагается публикация лексической и словообразовательной части уже в первых томах.

С точки зрения более широкой перспективы программного развития чешской диалектологии можно в заключение обобщить наши заметки, вернувшись к труду Ворача. Монография Я. Ворача для чешской диалектологии является новаторским трудом. Наряду с организаторскими и методологическими заслугами в создании нынешнего диалектологического коллектива Института чешского языка, Я. Ворач достоин не меньшего признания и как создатель нового типа региональных монографий с ориентацией на ареальное распределение и ареальное описание дифференциальных явлений и их отношений. Его книга — важный результат многолетних исследований. Кроме того, работа «Чешские юго-западные говоры» отличается фундаментальной материальной документацией, извлеченной из прямого полевого обследования и при этом имеющей четкую диахроническую направленность. Наблюдение над распространением выделенных дифференциальных признаков, конечно, ведет и к определенной arbitrarности метода, тем более, что в чешских диалектах эти признаки не представляют обычно относительно регулярных и последовательных региональных отличий в фонетической и морфологической системах, но в определенной степени репрезентируются уже лишь лексикализированными архаичными фактами. В ареальном плане это проявляется и в «размытом» характере ряда границ, в частом появлении спорадических полей и т. п. Переходя чисто индуктивным путем от одного явления к другому, автор тем не менее создал цельную и, как уже было подчеркнуто, новаторскую картину чешского юго-запада и одновременно дал образец для подобных трудов в будущем, а также заложил надежную основу для концепций обработки фонетической и морфологической частей Чешского лингвистического атласа, особенно в отношении к территории (собственно) чешского наречия.

---

²³ О собирании лексического материала по тематическим группам сообщает организатор этой работы Б. З и м о в а в статье *K teorii a praxi lexikálního archivu českého lidového jazyka*. «Prace filologické», 18/2, 1964, s. 309 сл.

В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК, Г. Э. САНЧУК

АКАДЕМИК В. И. ПИЧЕТА (1878—1947) (к 100-летию со дня рождения)

В истории советского славяноведения В. И. Пичета занимает особое место. Он был зачинателем марксистских историко-славистических исследований в Советском Союзе, своеобразным связующим звеном между старой дореволюционной русской славистикой и новым советским славяноведением. Ученый широкого профиля, крупный специалист по русской истории, В. И. Пичета являлся выдающимся организатором науки. С его именем неразрывно связаны важные события в истории отечественной науки: открытие Белорусского государственного университета в Минске, первым ректором которого он был; создание в Московском университете кафедры истории южных и западных славян, которую он возглавлял до конца жизни; организация Института славяноведения в системе АН СССР. В. И. Пичета оставил заметный след в становлении и развитии советской марксистской исторической науки, особенно в области славяноведения.

Владимир Иванович родился 9(21) октября 1878 г. в Полтаве в семье учителя духовной семинарии. Его отец, Иоанн Христофорович Пичета, герцеговинский серб из Мостара, в 1858 г. 14-летним мальчиком прибыл в Россию для получения образования по рекомендации тогдашнего русского консула в Боснии и Герцеговине А. Ф. Гильфердинга. Он учился в Одессе и Киеве. В 1867 г. окончил со степенью кандидата Киевскую духовную академию. Приняв в 1869 г. российское подданство, И. Х. Пичета не порывал связей со своими соотечественниками, помогая их освободительной борьбе и словом и делом. Это был человек незаурядный, сильный духом, наделенный большим талантом педагога. Владимир Иванович испытал на себе сильное влияние отца, по его собственному признанию «человека больших способностей и умственного дарования», и матери, Марии Григорьевны, украинки по национальности, «глубокой и тонкой души человека»¹.

Интерес к истории славян, идущий от отца, и воздействие среды, в которой проходило формирование молодого человека во время учебы (Полтава и Витебск), обусловили то, что в конечном счете славист взял в нем верх. Окончив в 1897 г. классическую гимназию, В. И. Пичета поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В дореволюционном университете он прошел путь от студента до приват-доцента, а в советский период стал его ведущим профессором, руководителем основанной им в 1939 г. кафедры.

¹ В. И. Пичета. Моя жизнь до 1905 г. Архив АН СССР, фонд академика Пичеты, с. 23.

Московский университет имел определяющее значение в формировании В. И. Пичеты как ученого-историка и общественного деятеля. Будучи студентом, Владимир Иванович слушал лекции таких известных ученых как В. О. Ключевский, П. Г. Виноградов, В. И. Герье, Р. Ю. Виппер и др. Он учился мастерству исторических исследований в семинарах М. К. Любавского, П. Г. Виноградова, А. Н. Рожкова, М. В. Довнар-Запольского, В. И. Герье, М. С. Корелина. На III курсе в семинаре приват-доцента М. В. Довнар-Запольского В. И. Пичета написал курсовую работу «Экономическое состояние Московского государства во второй половине XVII в. в оценке и освещении Юрия Крижанича». Позднее к творчеству Ю. Крижанича он обращался неоднократно.

Непосредственным учителем Владимира Ивановича стал М. К. Любавский, в семинаре которого историей Великого княжества Литовского он начал заниматься с III курса. Любавский-ученый оказал большое влияние на формирование Пичеты-историка, пробудил в нем интерес к истории Литвы и польско-литовским связям и отношениям. По собственному признанию Владимира Ивановича, в семинарах Любавского, которые велись с большим мастерством и знанием дела, особенно в анализе источников, он «нашел самого себя»². Однако с самого начала В. И. Пичета не разделял реакционных монархических взглядов своего учителя.

В 1901 г. был закончен университет. После неудачных попыток устроиться на работу в Москве, в мае 1902 г. В. И. Пичета уезжает на Украину. В течение года он был наставником коростышевской Учительской семинарии. С 1903 по 1905 г. В. И. Пичета жил и работал в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). Эти два года были заполнены большой и напряженной педагогической работой. Тут были сделаны и первые шаги в области самостоятельной научной деятельности. Владимир Иванович стал членом созданной в 1903 г. Екатеринославской ученой архивной комиссии, в трудах которой были напечатаны его первые научные работы: «Записка Юрия Крижанича о Малороссии»³, «К 100-летию императорского Общества истории и древностей российских»⁴ и др.

В бурный 1905 г. В. И. Пичета переехал в Москву, где работал в разных учебных заведениях, давая по 36 уроков в неделю. Здесь окончательно сформировались его демократические взгляды. Свободомыслие молодого ученого было причиной отстранения его от преподавания на популярных в то время Пречистенских курсах для рабочих. Ему было запрещено и чтение лекций на курсах для народных учителей. Не менее показательная для политических позиций В. И. Пичеты и судьба его университетской приват-доцентуры. Завершив в 1909 г. сдачу магистерских экзаменов и прочтя пробные лекции, Владимир Иванович получил звание приват-доцента Московского университета. Для человека, который, преодолевая огромные трудности, ценой жизненных лишений и изнурительной работы пробивал себе путь в науку, это было, без сомнения, большим достижением, переломным моментом в творческом развитии. Однако В. И. Пичета не остановился перед тем, чтобы пожертвовать приват-доцентурой, когда того потребовали его убеждения. Вместе с передовыми профессорами и приват-доцентами он в 1911 г. покинул Московский университет в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Кассо.

В этот период в научной деятельности Пичеты можно выделить два направления. Во-первых, он ведет большую исследовательскую работу по

² В. И. Пичета. Там же, с. 15.

³ «Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии». Екатеринослав, 1904, с. 1—17.

⁴ Там же, с. 44—53.

истории Великого княжества Литовского XVI в., что завершилось написанием двухтомной монографии «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-русском государстве» (М., 1917). Первый ее том позволил Пичете получить ученую степень магистра (февраль 1918 г.), а второй — доктора русской истории (апрель 1918 г.). Другим направлением была разработка общих проблем истории России эпохи феодализма.

В качестве редактора и автора он принял участие в подготовке таких известных каждому историку изданий, как «Москва в ее прошлом и настоящем» (М., 1909), «Книга для чтения по истории нового времени» (М., 1910), «Русская история в очерках и статьях» (М., 1910), «Отечественная война и русское общество. 1812—1912» (М., 1911), «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем» (М., 1911), «Три века. Россия от смуты до нашего времени» (М., 1912—1913).

В славистических занятиях В. И. Пичеты в этот период преобладает южнославянская тематика. Личные симпатии, память о далекой и поработанной родине с детства были тем важным стимулом, который питал славистические интересы ученого.

Владимир Иванович Пичета оказался в числе тех российских интеллигентов, которые приняли Октябрьскую революцию. В 1918 г. он вернулся в Московский университет. В годы гражданской войны преподавал в Военном педагогическом институте, в Высшей школе командного состава, Школе военной маскировки. С 1918 г., будучи главным инспектором Центрархива, В. И. Пичета активно участвует в громадной реформе архивного дела в СССР, вместе с другими видными историками и архивистами принимает меры к спасению ценнейших документальных фондов. В качестве эксперта по вопросам архивов и памятников культуры он привлекается к советско-польским мирным переговорам (1920—1921). В 1920 г. он участвовал также в качестве эксперта в советско-литовских переговорах. В известной мере благодаря его опыту и научно-обоснованному им принципу неделимости естественно сложившихся архивных и библиотечных фондов ценнейший архивный комплекс «Литовская метрика», как и ряд других важных собраний, остался в советских хранилищах.

С момента основания Белорусского университета в 1922 г. до 1930 г. В. И. Пичета являлся его ректором и ведущим профессором. В 1928 г. он был избран действительным членом АН БССР. В эти же годы он избирался делегатом съезда Советов Белоруссии, членом ЦИК БССР, с 1922 по 1930 г. избирался депутатом Минского горсовета. Для рожденной Великим Октябрем белорусской государственности особенно важное значение имела организация на современном уровне национальной исторической науки. Не будучи белорусом, В. И. Пичета оказался именно тем ученым-историком, который благодаря своей великолепной научной подготовке и пробудившейся еще в детстве любви к белорусскому народу, мог стать во главе формировавшейся белорусской исторической школы. В Белоруссии Пичета прочитал серию спецкурсов по истории и культуре Белоруссии, опубликовал много исследовательских статей (по аграрной истории, по истории белорусского Возрождения, книгопечатания), написал «Историю Белоруссии до XIV в.».

Работая в области истории России, Белоруссии, Украины и Литвы, он естественно вошел в сложную проблематику русско-польских, польско-белорусских и польско-украинских отношений и связей. Изучение с позиции осваиваемого им марксистского метода проблематики классовой борьбы и народных движений в России, особенно в Белоруссии, подготавливало переход и к разработке вопроса польского национально-освободительного движения конца XVIII—XIX вв., в то время как изучение внешней политики России в XIX в., начатое им еще до революции, позволило

предпринять в широких масштабах разработку темы «Польский вопрос в международных отношениях второй половины XIX в.».

Минский период был важным этапом в становлении Владимира Ивановича как историка-марксиста. Интерес к экономическому материализму еще в годы, предшествовавшие первой мировой войне, изучение опыта советских историков, собственные исследования проблем классовой борьбы в феодальном обществе способствовали этому. Владимир Иванович тщательно изучал труды классиков марксизма-ленинизма. Во второй половине 30-х годов он был уже сложившимся историком-марксистом, исследователем, решительно перешедшим на позиции марксистской методологии. В 1938 г. В. И. Пичета был вновь приглашен на работу в Московский университет, одновременно он преподавал в Московском пединституте имени В. И. Ленина. К этому времени В. И. Пичета сосредоточился на широких архивных изысканиях, в результате чего им были написаны крупные работы по истории польского национально-освободительного движения и русской политике в отношении польского господствующего класса в Белоруссии, Литве и на Украине. Попутно собирался большой материал для монографии «Польский вопрос в международных отношениях 1792—1848 гг.». Новаторский характер имела его монография «Западный комитет», в которой он тщательно анализирует политику русского правительства в так называемых западных губерниях по отношению к польскому землевладению, мелкой шляхте, духовенству, крестьянству и евреям после восстания 1830—1831 гг.

Важную для нашей историографии попытку дать характеристику классовой сущности польского национально-освободительного движения конца XVIII в. содержала другая работа В. И. Пичеты — «К истории восстания Костюшко 1794 г.»⁵. Особое внимание было обращено исследователем на анализ крестьянского вопроса в восстании. Тогда же на большом новом архивном материале была написана работа «Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.»⁶.

С 1937 г. Владимир Иванович работал старшим научным сотрудником Института истории АН СССР. В его творчестве наступил новый этап. Центр тяжести своих исследований он переносит на историю Польши и Чехии. Напряженная предвоенная обстановка 1938—1939 гг. поставила на повестку дня в качестве одной из первоочередных задач в области наших общественных наук возрождение в СССР историко-славистических исследований. В. И. Пичета возглавил новое направление в советской историографии. Вокруг него стали группироваться немногочисленные кадры как старых, так и еще относительно молодых тогда историков, по роду своих занятий близких к славяноведческой проблематике. У него появились первые ученики-слависты, студенты и аспиранты, число которых быстро росло, особенно в первые послевоенные годы. В. И. Пичета обобщил на основе марксистско-ленинской методологии большой и ценный фактический материал, собранный дореволюционной русской историографией по истории западных и южных славян. Идейный разгром в 20—30-е годы панславистских и славянофильских концепций исторического процесса создавал для этого необходимые условия.

Советское славяноведение возникало как комплекс научных дисциплин, основанный на марксистском понимании единства исторического развития человеческого общества. Ему были чужды националистические концепции и предрассудки прошлого, а славянская общность понималась как вполне определенное историческое явление, связанное с конкретными историческими условиями формирования и развития славян-

⁵ «Ученые записки Института славяноведения», т. 7. М., 1953, с. 182—209.

⁶ Там же, т. 3. М., 1951, с. 136—175.

ских народов — общностью их происхождения и языковым родством, многовековым соседством, экономическими и культурными связями, в определенные исторические эпохи однотипной стадильностью их развития. Славянская общность, связи между славянскими народами не противопоставлялись связям славян с народами другого этнического корня и других языковых семей и систем. На существовавшие в прошлом противоречия между славянскими странами, противоречия, обусловленные политической господствующими классами, не было нужды закрывать глаза. Справедливо отмечалось, что славянская общность была важным фактором, способствовавшим, особенно в условиях агрессии и иноземного гнета, формированию в славянских странах национального самосознания.

В 1939 г. в Институте истории АН СССР был создан сектор славяноведения, а на историческом факультете Московского университета образована кафедра истории южных и западных славян. Сектор и кафедру возглавил В. И. Пичета, ставший тогда членом-корреспондентом АН СССР.

Теперь его все более занимают планы создания в системе Академии наук СССР центрального славистического научного учреждения — Института славяноведения. Эти планы разрабатываются им совместно с акад. Б. Д. Грековым, при активном участии З. Р. Неудлы.

В 1941 г. Владимир Иванович вместе с Институтом истории АН СССР эвакуируется в Ташкент. Эвакуация чрезвычайно затруднила, но не прервала научную работу сектора. В 1943 г. В. И. Пичета возвращается в Москву, где снова возглавляет сектор и кафедру.

Когда в 1946 г. было принято решение о создании академического Института славяноведения, он формируется как институт комплексный, с двумя основными научными профилями — историческим и филологическим (лингвистика и литературоведение), т. е. на тех основах, которые были предложены его организаторами. Директором Института славяноведения АН СССР был назначен Б. Д. Греков, его заместителем — В. И. Пичета, в том же году избранный академиком АН СССР.

В последний период жизни В. И. Пичета ясно обозначились те направления его научной деятельности, которые имели большое значение для последующего развития советского славяноведения и которые сказываются до сих пор. Следует прежде всего сказать о его монографических исследованиях и их значении. В последние годы Пичета главное внимание обратил на вопросы внутреннего развития славянских стран, о чем свидетельствует его занятие раннефеодальной историей польского и чешского государств, специальный интерес к вопросам польской кодификации и истории средневекового польского цеха, подготовка рукописей «Источники польской истории» и «Чехия в чешской историографии». Но лучше всего говорит об этом его интенсивная работа по созданию задуманной им трехтомной монографии «История Польши», которую он, к сожалению, не успел завершить. Владимир Иванович выдвинул задачу создания на марксистской основе истории отдельных славянских стран и в этом направлении ориентировал коллектив историков Института славяноведения.

Первым опытом в этом направлении было написание первого марксистского очерка по истории Чехии. Научное руководство по его созданию и часть авторской работы В. И. Пичета взял на себя. «История Чехии» под редакцией акад. В. И. Пичеты вышла в 1947 г. и явилась первым опытом Института славяноведения по созданию научно-популярной обобщающей работы по истории отдельных славянских стран. Эта работа нашла положительный отклик у советской исторической общественности. После выхода «Истории Чехии» последовало формирование авторских коллективов по написанию многотомных историй Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии. Как известно, написание этих трудов заняло многие

годы и оставило большую вежу в истории советского славяноведения. В постановке этой задачи и в ее решении большая заслуга принадлежит В. И. Пичете.

Важное значение имело определение В. И. Пичетой основных задач советского славяноведения на ближайшие годы в ряде статей, опубликованных в периодических изданиях («Вопросы истории» и др.). В 1946—1947 гг. В. И. Пичета впервые сформулировал задачи Института славяноведения в области исторических исследований⁷. Определяя конкретные задачи в области изучения истории каждой из славянских стран, он подчеркивал: «Основная задача Института — монографическая разработка отдельных проблем актуальных в научном и общественно-политическом отношении»⁸.

Выдающееся значение имела деятельность Пичеты по формированию славяноведческих кадров. Владимир Иванович никогда не был одиночкой в науке. Он всегда стремился к активному научному общению, группировал вокруг себя людей, преданных науке. Вокруг него объединялась небольшая группа ветеранов истории СССР, занимавшихся и славяноведческой проблематикой, таких, как Ю. В. Готье, С. В. Богоявленский, и относительно еще молодые тогда ученые, из которых в первую очередь следует назвать М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина. Институтские и университетские ученики В. И. Пичеты образовали костяк семинара, еженедельно собиравшегося у него дома по пятницам. Семинар этот стал известен среди аспирантов и научных сотрудников как «пичетник». Он работал с 1943 г. вплоть до смерти его руководителя.

Научное руководство В. И. Пичеты в области исследования истории славянских стран на марксистской основе содействовало сотрудничеству и сплочению историков зарубежных славянских стран. Польский историк профессор Ж. Корманова, находившаяся в 1939—1945 гг. в СССР, вспоминает: «С января 1944 г. я была направлена в сектор, которым руководил В. И. Пичета. Сектор этот был особый, совершенно исключительный. В его состав вместе с советскими товарищами были включены историки из тех национальных групп, в большинстве коммунистических, которых заставила эмигрировать гитлеровская оккупация родины. Советский Союз предоставил беженцам не только бытовые условия, но и возможность стать в ряды борцов против фашизма»⁹. Историки Болгарии, Чехословакии, Югославии встречались ежедневно, готовили доклады, совместно их обсуждали.

«Владимир Иванович Пичета принадлежал к старшему поколению профессоров Московского университета<...> Владимир Иванович сочетал в себе талант большого исследователя и педагога. Его лекции, его выступления всегда были интересны и живы, всегда слушались с неослабным вниманием. Владимир Иванович тщательно заботился о выращивании новых молодых кадров. Он не жалел своего времени и внимательно читал дипломные и семинарские работы нашего студенчества. Ему принадлежит честь создания и укрепления кафедры истории южных и западных славян, непрерывно растущей на наших глазах. Заслуги Владимира Ивановича перед советским славяноведением чрезвычайно велики»¹⁰ — эти слова, сказанные академиком М. Н. Тихомировым на гражданской панихиде, глубоко и емко характеризуют заслуги В. И. Пичеты как педагога, ученого и организатора науки.

⁷ «Славяне в эпоху феодализма», М., 1978, с.87, прим. 20.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 104.

¹⁰ Там же, с. 129.

Ю. А. ЛЬВУНИН

КАМПАНИЯ СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ СССР С ПОЛЬСКИМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ (1922—1923 гг.)

В истории международного рабочего и коммунистического движения в 20—30-е годы значительное место принадлежит Международной организации помощи борцам революции (МОПР) — одной из наиболее массовых организаций трудящихся, действовавших под идейно-политическим влиянием Коминтерна и олицетворявшей на практике идеи международной пролетарской солидарности, пролетарского интернационализма. МОПР боролся против буржуазного террора, фашизма, оказывал материальную, моральную, юридическую помощь преследуемым революционерам и их семьям, объединяя вокруг себя миллионы рабочих, крестьян, представителей интеллигенции независимо от политических убеждений, национальной, религиозной и расовой принадлежности.

Исследование истории МОПР началось по сути дела лишь с середины 60-х годов. В 70-е годы историография МОПР пополнилась значительным количеством публикаций¹. Однако исследование этой проблемы развивается неравномерно. Наряду с большой степенью изученности истории МОПР в первое десятилетие его существования, еще очень мало освещены, например, вопросы предыстории этой организации и, в частности, роль поляков — членов РКП(б) в подготовке создания мопровской организации.

Необходимость в такой организации особенно остро выявилась в момент отлива революционной волны, когда завершился первый этап послевоенного революционного подъема, начавшийся после победы Октябрьской революции. Пролетариат капиталистических стран, поднявшийся на решительную борьбу, не смог преодолеть сопротивления буржуазии и был вынужден отступить с боями. Поражение революционных выступлений зарубежного рабочего класса во второй половине 1920 — начале 1921 г. повлекло за собой усиление буржуазной реакции и классового террора в странах капитала. Десятки тысяч коммунистов и революционных рабочих были замучены и физически уничтожены, многие заключены в тюрь-

---

¹ См. В. В. Иваненко. Деятельность секции МОПР СССР за 1922—1937 гг. в советской историографии. «Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения». Днепропетровск, 1972; Г. Я. Тарле. Советская историческая литература об интернациональных связях трудящихся (1921—1925 гг.). «Строительство Советского государства». М., 1972; е е ж е. Международная пролетарская солидарность с Советской Россией в 1917—1937 гг. (историографический обзор). «Исторические записки», т. 98. М., 1977; А. Н. Васильева. МОПР в новейшей исторической литературе. «Вопросы истории», 1974, № 5.

мы. Буржуазный террор свирепствовал в Германии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Польше и других странах.

В тяжелом положении в начале 20-х годов оказалось революционное движение в Польше. Жестокий полицейский террор и репрессии обрушились на Коммунистическую рабочую партию Польши (КРПП)² и другие революционные организации. По официальным данным Главного статистического управления Польши, с 1919 г. до ноября 1925 г. только в четырех округах страны — Варшавском, Краковском, Люблинском и Львовском — было вынесено 614 смертных приговоров³. За период с апреля 1920 по июль 1922 г. по подозрению в принадлежности к КРПП было арестовано 632 человека⁴. Уже в 1922 г. в тюрьмах Польши находилось около 1000 политических узников⁵.

Массовый буржуазный террор создавал серьезную опасность для революционного движения в Польше. Об этом В. И. Ленин предупреждал польских коммунистов в письме, направленном им в октябре 1921 г.: «Если 100—300 человек убьет буржуазия, это не загубит дела. Но если она сможет, спровоцировав бойню, убить 10—30 тысяч рабочих, это может задержать революцию даже и на несколько лет»⁶.

В этих условиях остро встал вопрос о морально-политической и материальной поддержке революционеров в Польше. С инициативой проведения такой кампании в августе 1922 г. выступила группа поляков — членов РКП (б), известных деятелей польского революционного движения⁷. 23 августа 1922 г. на заседании Польского бюро ЦК РКП(б) совместно с представительством Коммунистической рабочей партии Польши в Исполкоме Коминтерна, на котором присутствовали Ю. Мархлевский, Ф. Кон, Ю. Уншлихт, С. Гельтман, Я. Долецкий, Э. Прухняк и другие,

² Так до 1925 г. называлась Коммунистическая партия Польши.

³ Партийный архив Института истории партии ЦК КП Белоруссии (ПА ИИП ЦК КП Белоруссии), ф. 4, оп. 7, д. 250, л. 28.

⁴ «Красная газета» (Петроград), 1922, 21 октября.

⁵ «Правда», 1922, 19 декабря.

⁶ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 44, с. 181.

⁷ Выступая с такой инициативой, они опирались на опыт работы Краковского союза помощи политзаключенным, созданного в феврале 1910 г. по инициативе революционно и прогрессивно настроенных представителей польской интеллигенции для оказания помощи всем политическим узникам царизма независимо от их партийной и национальной принадлежности, для привлечения общественного мнения к положению политических заключенных в России. Довольно быстро союз превратился во влиятельную организацию, оказавшую значительную помощь жертвам царских репрессий (См. С. М. Ф а л ь к о в и ч. Русские связи Краковского союза помощи политическим заключенным в России (1912—1914 гг.). «Ленин и Польша». Проблемы, контакты, отклики. М., 1970, с. 199—250; Ю. Б е р н о в, А. М а н у с е в и ч. Ленин в Кракове. М., 1972, с. 10—11). В 1912 г. В. И. Ленин и Н. К. Крупская, находясь в Кракове, вступили в члены союза и включились в его работу. Н. К. Крупская стала постоянным представителем ЦК РСДРП(б) в этом союзе. (Более подробно см. W. N a j d u s. Lenin i Krupka w krakowskim Związku pomocy dla więźniów politycznych. Kraków, 1965). Группы и отделения Краковского союза действовали не только в Польше, но и в Вене, Берлине, Праге, Париже, Карлсруэ, Нанси, в ряде городов Швейцарии, в США и Австралии (См. С. Б а г о ц к и й. Краковский союз помощи политическим заключенным. «Каторга и ссылка», 1924, № 2, с. 102, 106). Летом 1922 г. в Советской стране прошли многочисленные митинги протеста в связи с усилением террора и репрессий в Польше против КРПП, революционного движения и, в частности, осуждением видного крестьянского деятеля Т. Домбала к шестилетнему тюремному заключению. В знак солидарности с польским революционным движением Петроградский Совет в июле 1922 г. избрал Т. Домбала почетным членом своего президиума и направил ему приветственное письмо («Петроградская правда», 1922, 11 июля). В марте 1923 г. Советскому правительству удалось добиться освобождения из тюрьмы через обмен группы польских революционеров из 23 человек, среди которых были Т. Домбаль и Э. Бранд (Г. Ляуэр). Тогда же они как политэмигранты прибыли в Москву («Рабочая Москва», 1923, 20 марта; см. также Т. F e d e r. Wymiana więźniów politycznych 1923 г. «Z pola walki», 1960, №13).

после сообщения Э. Прухняка о положении революционного движения в Польше и финансовых трудностях КРПП выступил В. Богущкий с предложением провести самообложение поляков — членов РКП (б) в пользу КРПП и сбор средств в фонд помощи политическим заключенным в Польше. Участники заседания единогласно одобрили его предложение⁸. На заседании было принято также обращение «К коммунистам-полякам в РСФСР», подписанное Ф. Дзержинским, Ю. Мархлевским, Ф. Коном, Я. Ганецким, Ю. Уншлихтом, В. Богущким, Э. Прухняком и другими с призывом начать сбор средств в помощь жертвам террора польской буржуазии и кампанию поддержки Коммунистической рабочей партии Польши⁹.

В конце августа 1922 г. при Польском бюро ЦК РКП (б), принявшем на себя руководство этой кампанией, была создана Комиссия помощи политическим заключенным в Польше под председательством Ю. Мархлевского, а во многих районах Советской республики возникли местные комиссии¹⁰. 31 августа того же года Польбюро ЦК РКП(б) направило циркуляр всем польским секциям местных комитетов РКП(б), в котором, указав на первостепенную важность помощи революционерам в Польше, призвало к самообложению в пользу КРПП и проведению сбора пожертвований в фонд помощи политическим заключенным в Польше и предложило всем польским бюро взять на себя руководство этой акцией на местах.¹¹ К циркуляру прилагались обращение «К коммунистам-полякам в РСФСР» от 23 августа 1922 г. и «Инструкция для местных комиссий и уполномоченных, собирающих пожертвования в пользу Рабочей Коммунистической партии Польши» за подписями секретаря Польбюро ЦК РКП(б) С. Гельтмана и председателя Центральной комиссии по сбору средств для КРПП Ю. Мархлевского. В инструкции разъяснялись вопросы организации и работы аппарата по сбору средств, причем указывалось, что взносы в фонд помощи политическим заключенным в Польше и КРПП не обязательны и «имеют исключительно характер добровольного самообложения во имя лозунга рабочей солидарности и революционной борьбы»¹². Одновременно орган Польбюро ЦК РКП(б) газета «Трибуна коммунистична» объявила сбор денежных поступлений в фонд помощи политзаключенным и Коммунистической рабочей партии Польши¹³.

Вскоре различные пожертвования, денежные взносы не только от поляков-коммунистов, но и от широких слоев трудящихся Советской республики начали поступать в комиссию Польбюро ЦК РКП(б). Раньше, чем в других районах страны, эта кампания началась в Москве. Так, 14 сентября 1922 г. на общем партийном собрании студентов Коммунистического университета народов Запада было принято решение об отчислении в фонд помощи КРПП 10% от сентябрьской стипендии¹⁴. 24 сентября 1922 г. в «Трибуне коммунистичной» была опубликована первая сводка о средствах, собранных в Советской стране в фонд помощи политическим заключенным в Польше — более 123 тыс. руб., а также в Минске и Москве — в пользу КРПП — 142,5 тыс. руб. и 1,5 млн польских марок.

⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 15, л. 48.

⁹ Партийный архив Института истории партии ЦК КП Украины (ПА ИИП ЦК КП Украины), ф. 1, оп. 7, д. 662, л. 85. Это обращение было дважды опубликовано в органе Польбюро ЦК РКП(б) газете «Трибуна Komunistyczna», 28 VIII и 10 IX 1922.

¹⁰ Там же, л. 87.

¹¹ ПА ИИП ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 7, д. 662, л. 87; «Трибуна Komunistyczna», 10 IX 1922.

¹² Партийный архив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС (далее ЛПА), ф. 16, оп. 11, д. 11520, л. 8—10, 14; «Трибуна Komunistyczna», 10 IX 1922.

¹³ «Трибуна Komunistyczna», 24 IX 1922.

¹⁴ Ibid.

Со второй половины сентября 1922 г. эта кампания развернулась на Украине, где она приобрела особенно широкий и активный характер. 17 сентября 1922 г. Польбюро ЦК КП(б) Украины утвердило состав областной комиссии с местопребыванием в Киеве для руководства этой кампанией и постановило направить всем губкомам РКП(б)У циркулярное письмо об организации сбора средств в фонд помощи политзаключенным в Польше и КРПП. В этом письме — «На помощь товарищам, борющимся и томящимся в польских тюрьмах» — ЦК РКП(б) Украины предлагал губкомам оказать всемерное содействие проведению в жизнь приложенных к письму циркуляра и инструкции Польбюро ЦК РКП(б) об организации местных комиссий по сбору пожертвований. В этом же номере газеты была помещена статья руководителя областной комиссии по сбору средств в фонд помощи политическим заключенным и КРПП с призывом оказывать моральную и материальную помощь Коммунистической рабочей партии Польши. «Необходимо мобилизовать общественное мнение и средства... Пусть на всех фабриках и заводах прозвучит проклятие по адресу польских палачей рабочего класса и слово ободрения борющимся и томящимся в тюрьмах польским товарищам», — говорилось в этой статье ¹⁵.

Раньше, чем в других районах Украины, сбор средств начался в Полтавской губернии. Еще 31 августа 1922 г. на общем собрании коммунистов-поляков в Полтаве было принято решение об обязательном отчислении части заработка каждым коммунистом-поляком в пользу политзаключенных в польских тюрьмах ¹⁶. 23 октября 1922 г. была создана губернская комиссия по сбору средств в фонд помощи коммунистам и политзаключенным в Польше во главе с М. А. Кушпером (позднее один из членов Исполкома МОПР), под руководством которой в Полтаве и губернии в ноябре 1922 г. развернулась кампания сбора средств среди коммунистов и беспартийных ¹⁷. Как и во многих других районах страны, в Полтавской губернии эта акция с самого начала вышла за рамки сбора средств только среди поляков-коммунистов, приняв широкий всенародный характер. Только за неполные два месяца (ноябрь — декабрь 1922 г.) поляки-коммунисты, трудящиеся Полтавщины собрали около 630 тыс. руб. (в денежных знаках 1922 г.) и 781 пуд зерна ¹⁸, а за февраль 1923 г. — 90 тыс. руб. (в денежных знаках 1923 г.) ¹⁹ и две тыс. пудов хлеба ²⁰.

Кампания приобрела широкий размах также в Харьковской, Екатеринославской, Донецкой, Киевской, Черниговской, Подольской и других губерниях Украины. Так, Польбюро Харьковского губкома РКП(б)У 6 сентября 1922 г. выработало конкретный план проведения кампании ²¹, который единодушно поддержали поляки-коммунисты на своем собрании в столице Украины 9 сентября 1922 г. ²². В этой акции на Харьковщине участвовали не только поляки-коммунисты. Например, на собрании работников Харьковского губкома партии и губисполкома 24 ноября было принято решение об отчислении трехдневного заработка ²³. Уже к 26 октября 1922 г. трудящиеся Харьковщины собрали около 209 тыс. руб.

¹⁵ «Коммунист» (Харьков), 1922, 24 сентября; «Трубина Комуністична», 8 X 1922.

¹⁶ ПА ИИП ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 7, д. 658, л. 19.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, д. 161, л. 21.

¹⁹ 1 руб. 1923 г. был равен 1 млн руб. денежными знаками, изъятыми из обращения, или 100 руб. денежными знаками 1922 г.

²⁰ «Коммунист» (Харьков), 1923, 11 марта.

²¹ ПА ИИП ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 7, д. 659, л. 13.

²² Там же, л. 14.

²³ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. IV. Апрель 1921 г. — май 1926 г. М., 1966, с. 191—192.

в фонд помощи КРПП и более 162 тыс. руб. в пользу политических заключенных в Польше ²⁴.

О солидарности с революционным пролетариатом и коммунистами Польши заявил и рабочий класс Донбасса. В ответ на воззвание Юзовского уездного комитета КП(б)У и коммунистов-поляков ко всем членам партии Юзовского уезда об оказании материальной помощи политическим узникам в буржуазной Польше (ноябрь 1922 г.) на открытых партийных собраниях рудников и предприятий Юзовского округа с участием беспартийных рабочих масс принимались решения об отчислении однодневного, а в некоторых районах — и двухдневного заработка в пользу заключенных революционеров в Польше. В результате до апреля 1923 г. трудящиеся округа собрали более 138 тыс. руб. ²⁵.

Активное участие в этой кампании солидарности принимало и трудящееся крестьянство Украины. Так, в селах Черниговщины было собрано более 100 пудов хлеба, крестьяне Екатеринославщины на сельских сходах выносили решения о подушном отчислении хлеба в пользу политических заключенных в Польше ²⁶, хотя в Екатеринославской губернии еще не были преодолены последствия голода и голодало более полумиллиона человек ²⁷. А крестьянство Летичевского уезда Подольской губернии за период с 6 октября по 15 ноября 1922 г. наряду со значительными денежными суммами собрало 600 с лишним пудов хлеба ²⁸.

Только за три месяца (сентябрь — ноябрь 1922 г.) на Украине в фонд помощи КРПП и политзаключенных в Польше было собрано 140 млрд руб. (в денежных знаках 1922 г.), или около 70 млн польских марок ²⁹. За период же с 15 октября 1922 г. по 15 августа 1923 г. трудящиеся Киевской, Донецкой, Екатеринославской, Волынской, Одесской, Подольской, Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний направили в этот фонд 857 245 руб. денежными знаками, 275 руб. золотыми монетами, 449 руб. серебряными монетами, 147 червонцев, 130 облигаций золотого займа, облигаций хлебного займа на 195 пудов, 20 золотых марок, три австрийских серебряных кроны, 244 930 польских марок, драгоценные вещи и др. ³⁰.

Еще в августе 1922 г. эта кампания началась в Советской Белоруссии. 2 августа 1922 г., т. е. до появления обращения «К коммунистам-полякам в РСФСР», на собрании поляков-коммунистов в Минске было принято предложение В. Богущого об организации помощи политическим заключенным в Польше и избрана с этой целью комиссия ³¹. 21 сентября 1922 г. на собрании коммунистов-поляков в Минске было принято решение о создании комиссии для организации помощи Коммунистической рабочей партии Польши ³².

Активными участниками этой кампании были трудящиеся и других районов Советской республики — Петрограда, Нижнего Новгорода, Тамбова, Тифлиса, Баку, Енисейска, Челябинска и др. На общегород-

²⁴ «Коммунист» (Харьков), 1922, 29 октября.

²⁵ «Пролетарский интернационализм — наше знамя». Документы и материалы об участии трудящихся Донбасса в укреплении интернациональных связей Советского Союза с народами зарубежных стран (1917—1974 гг.). Донецк, 1974, с. 39—41, 45—46.

²⁶ «Голос труда» (Полтава), 1923, 13 февраля.

²⁷ «Голос труда», 1923, 15 февраля.

²⁸ См. О. О с е т р о в. Сторінки пролетарської солідарності. (Інтернаціональні зв'язки робітничого класу Радянської України. 1917—1927 роки). Київ, 1969, с. 103.

²⁹ «Правда», 1926, 4 февраля; «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. IV, с. 217.

³⁰ См. П. Н. О л ь ш а н с к и й. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921—1924. М., 1974, с. 262.

³¹ ПА ИИП ЦК КП Белоруссии, ф. 4, оп. 1, д. 514, л. 5.

³² Там же, л. 9.

ском собрании коммунистов-поляков в Петрограде 1 октября 1922 г. было решено начать широкую агитацию на предприятиях и учреждениях среди не только партийных, но и беспартийных поляков и всех рабочих Петрограда³³. И уже к февралю 1923 г. для поддержки политических заключенных в Польше в Петрограде было собрано 10 млрд руб. (в денежных знаках 1922 г.)³⁴. На предприятиях и учреждениях проводились отчисления одно-двухдневного заработка³⁵. Рабочие объединенных маслобойных заводов «Красная звезда» отработали четверть рабочего дня в пользу КРПП и политических узников польских тюрем и направили в названный фонд 890 млн руб. (в денежных знаках 1922 г.), заработанных за это время³⁶. Значительные средства отчислили также рабочие Северо-Западной железной дороги, коммунисты завода «Красный путиловец», Технологического института³⁷.

Участие в этой акции не только поляков-коммунистов, но и рабочих, трудящихся крестьян, красноармейцев Советской республики дало возможность с сентября 1922 г. до середины 1923 г. собрать около 1 млн руб. (в денежных знаках 1923 г.)³⁸ и тем самым оказать необходимую поддержку КРПП и политзаключенным в Польше. Хотя в материальном исчислении эта помощь была невелика, однако имела большое морально-политическое значение.

2 февраля 1923 г. на заседании Польбюро ЦК РКП(б) было принято решение о прекращении к 1 марта кампании сбора средств на оказание помощи заключенным революционерам в Польше в связи с начавшейся работой мошровской организации. Одновременно Польбюро ЦК РКП(б) предложило польским бюро на местах продолжать добровольные сборы в пользу КРПП, а местным комиссиям помощи политическим заключенным в Польше — ликвидировать аппарат и выслать собранные средства, счета и документацию по сборам в Центральную комиссию помощи КРПП и политзаключенным в Польше³⁹. На основании этого постановления Центральная комиссия помощи КРПП и политическим заключенным в Польше 20 февраля 1923 г. направила циркуляр польским бюро и соответствующим комиссиям помощи на местах о прекращении к 1 марта 1923 г. акции помощи политическим узникам польских тюрем. К этому времени Центральная комиссия получила 350 тыс. руб. (в денежных знаках 1923 г.)⁴⁰.

Таким образом, начатая коммунистами-поляками кампания солидарности с политзаключенными и Коммунистической рабочей партией Польши, вылилась в широкое движение братской солидарности трудящихся Страны Советов с революционными борцами в буржуазной Польше. Несмотря на тяжелое положение, вызванное гражданской войной и иностранной военной интервенцией, сильным голодом 1921—1922 гг., рабочий класс и трудовое крестьянство Советской России в трудную для польского революционного движения минуту протянули ему руку бескорыстной помощи. Эта кампания стала одной из первых массовых акций интернациональной пролетарской солидарности трудящихся молодой Советской республики с борьбой рабочего класса в странах капитала. Моральная и

³³ ЛПА, ф. 16, оп. 11, д. 11524, л. 16.

³⁴ «Правда», 1923, 24 февраля.

³⁵ ЛПА, ф. 16, оп. 11, д. 11524, л. 20.

³⁶ «Петроградская правда», 1922, 3, 7 декабря.

³⁷ «Петроградская правда», 1922, 23, 26 декабря.

³⁸ «Trybuna Komunistyczna», 24 IX, 8, 22 X, 26 XI, 31 XII 1922; 15 I, 11 II, 14 III, 3 VI 1923 (Подсчитано автором).

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, д. 1027, л. 4.

⁴⁰ «Известия», 1923, 27 февраля; «Trybuna Komunistyczna», 25 II 1923 г. Кампания помощи КРПП среди поляков — членов РКП(б) продолжалась до 15 августа 1923 г.

материальная помощь, оказанная трудящимися Страны Советов в ходе этой кампании, явилась важным источником силы, стойкости духа и сопротивления революционного движения Польши в борьбе с наступлением буржуазной реакции и террора.

Кампания помощи КРПП и политическим заключенным в Польше сыграла важную роль в подготовке создания Международной организации помощи борцам революции. В ходе ее использовались формы и методы помощи революционным борцам, практиковавшиеся затем в работе МОПР. Аппарат местных комиссий, созданный во время этой кампании, был частично использован в качестве организационной основы местных мопровских комиссий. Как правило, с окончанием акции помощи КРПП и политзаключенным в Польше на местах создавались мопровские организации. Так, в Полтавской губернии уже 25 марта 1923 г. была организована губернская комиссия МОПР, которую возглавил М. А. Кушнер. «Продолжая те же формы и методы, наметившиеся в период кампании помощи политзаключенным в Польше, — отмечалось в «Отчете Полтавской губкомиссии по оказанию помощи борцам революции за период с 20 марта по 23 мая 1923 г.», — губкомиссии удалось, связавшись с рабочими организациями, развить с той же интенсивностью и темпом новую кампанию»⁴¹, т. е. кампанию помощи борцам революции в капиталистических странах.

13 сентября 1922 г. на одном из заседаний бюро Общества старых большевиков Ю. Мархлевский предложил организовать помощь политическим узникам не только в Польше, но и в других странах Запада. П. Н. Лепешинский развил его инициативу, внося предложение о создании организации помощи политическим заключенным во всех странах капитала. Для подготовки этого вопроса была избрана комиссия в составе Ю. Мархлевского, П. Н. Лепешинского и А. А. Дивильковского⁴².

24 ноября 1922 г., во время работы IV конгресса Коминтерна, вопрос «о создании комиссии по организации помощи Международного Красного Креста для заключенных товарищей» явился предметом обсуждения на заседании Президиума ИККИ. В комиссию, которая должна была разработать свои предложения, вошли Ю. Мархлевский, Ф. Кон, Э. Прухняк, В. Мицквявичюс - Калсукас, Э. Гернле и др.⁴³ На заседании IV конгресса Коминтерна 30 ноября 1922 г. от имени группы старых большевиков Ф. Кон предложил учредить политический Красный крест и огласил соответствующий проект резолюции, подготовленный Ю. Мархлевским⁴⁴. «IV конгресс, — говорилось в принятой резолюции, — призывает все коммунистические партии способствовать созданию организаций, ставящих своей целью материальную и моральную помощь сидящим в тюрьмах пленникам капитала и приветствует инициативу Общества старых большевиков, стремящегося создать международное объединение этих организаций»⁴⁵.

Таким образом, был сделан важный шаг на пути создания мопровской организации, а день, когда было принято решение IV конгресса Коминтерна об учреждении МОПР — 30 ноября 1922 г. — вошел в историю как день рождения Международной организации помощи борцам революции. До весны 1925 г. ее возглавлял Ю. Мархлевский. МОПР, ведущей секцией которого была советская, оказывал большую моральную и матери-

⁴¹ ПА ИИП ЦК КП Украины, ф. 27, оп. 1, д. 89, л. 11.

⁴² ЦПА ИМЛ, ф. 143, оп. 1, д. 139, л. 2; «Путь МОПРа», 1927, № 10, с. 16.

⁴³ ЦПА ИМЛ, ф. 143, оп. 1, д. 139, л. 4.

⁴⁴ См. Ф. Тых, Х. Шумахер. Юлиан Мархлевский. Биографический очерк. М., 1969, с. 349.

⁴⁵ «Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала». М., 1922, № 27, с. 15—16.

альную поддержку политическим узникам и их семьям во многих странах мира, шефствовал над тюрьмами и отдельными политзаключенными, предоставлял всестороннюю помощь политическим эмигрантам, организовывал и проводил международные и национальные кампании за освобождение и спасение революционеров, против буржуазного террора и реакции.

Велика роль МОПР и прежде всего его советской секции в поддержке революционного движения в Польше. Так, с января 1923 г. до февраля 1924 г. мопровская организация направила в Польшу, в тюрьмах которой в конце 1923 г. томилось до 2 500 политических заключенных, 20 тыс. руб. золотом⁴⁶. Еще более возросла эта поддержка в первой половине 1924 г., когда МОПР посылал политзаключенным в польских тюрьмах по 8 тыс. руб. ежемесячно⁴⁷. Один из политических узников польской тюрьмы отмечал, что питание политзаключенных обеспечено исключительно благодаря работе мопровской организации, не будь которой, сотни заключенных революционеров погибли бы от истощения и чахотки⁴⁸. В 1923—1925 гг. 19% от всей помощи МОПР политзаключенным и их семьям во всех странах направлялось в Польшу⁴⁹. Весной 1925 г. мопровские организации СССР шефствовали над политическими заключенными 29 тюрем Польши⁵⁰. Большую поддержку советская секция МОПР оказывала и политэмигрантам из Польши, которые в общем потоке политической эмиграции в Советский Союз за период с июля 1924 г. до марта 1927 г. составляли свыше 40%⁵¹.

В 20-е годы МОПР выступал организатором и руководителем многих международных и национальных кампаний солидарности с польским революционным движением — против суда над депутатом сейма коммунистом С. Ланьдцким, в связи с убийством В. Багиньского и А. Вечоркевича, против смертной казни польских коммунистов В. Гибнера, В. Кневского, Г. Рутковского и Н. Ботвина, за амнистию политзаключенных в Польше и др.⁵²

Роль мопровской организации в поддержке революционного движения в Польше была высоко оценена ЦК КРПП и польской секцией МОПР, созданной во второй половине 1924 г. «Тысячи рабочих и крестьян, заключенных в тюрьмы, и их семьи, — говорилось в письме, направленном в Исполком МОПР в связи с двухлетней годовщиной существования мопровской организации (ноябрь 1924 г.), — шлют свою благодарность за ту великую помощь, которую вы своей работой оказываете нам. Никакие страдания и тяготы не остановят нашей борьбы. Ваша работа, которая укрепляет международную солидарность рабочего класса в борьбе с помещиками и капиталистами, является одним из средств в борьбе за победу мировой революции»⁵³.

В этих словах была выражена справедливая и заслуженная оценка международной деятельности мопровской организации по осуществлению великих идей пролетарского интернационализма.

⁴⁶ «Известия», 1924, 2 февраля.

⁴⁷ «Красная газета» (Ленинград), 1924, 11 июня.

⁴⁸ См. А. И. А в р у с. Пролетарский интернационализм в действии (Из истории Международной организации помощи борцам революции). Саратов, 1971, с. 50.

⁴⁹ Фонды Центрального музея революции СССР, ф. 34, 28225/467, л. 84.

⁵⁰ «Первому Всесоюзному съезду МОПР. 15 мая 1925 г.». Отчет Исполнительного комитета МОПР. М., 1925, с. 61—62.

⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. 8265, оп. 1, д. 15, л. 122.

⁵² «Бюллетень ЦК МОПР СССР», 1927, № 7, с. 5, 7; см. также А. М а ц к о. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков. 1918—1939 гг. Минск, 1972, с. 104—105.

⁵³ «Путь МОПРа» (Еженедельная газета Исполкома МОПР. Москва), 1924, 1 декабря.

Из истории славистики

К. И. ЛОГАЧЕВ

СОВЕТСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ ДО СЕРЕДИНЫ 30-х ГОДОВ

История советского славяноведения до середины 1930-х годов исследована пока еще очень слабо. Специальных работ, посвященных отечественному славяноведению 1917—1934 гг. (до конца деятельности ленинградского славистического института Академии наук СССР), нет. Лишь в некоторых работах, рассматривающих значительно больший период¹, можно найти очень краткую характеристику отечественной славистики 1917—1934 гг. и немногочисленные (иногда нуждающиеся в уточнениях) сведения о работавших в нашей стране в это время славистических научных коллективах и отдельных ученых-славистах.

Между тем изучение начального периода советского славяноведения представляет собой, несомненно, одну из весьма важных проблем истории отечественной славистики. Именно в этот период, с одной стороны, определялся характер преемственности между советским и дореволюционным славяноведением, а с другой — начинали выявляться и принципиальные различия между ними.

Предлагаемая статья имеет своей целью пополнить очень скудный, опубликованный до сих пор фактический материал по истории отечественной славистики в 1917—1934 гг., и на основе новых данных более полно, чем это делалось ранее, охарактеризовать первый период развития советского академического славяноведения.

В 1917—1934 гг., как и до революции, отечественную славистику представляла прежде всего и почти исключительно Академия наук. В высших учебных заведениях, начавших подвергаться организационной перестройке раньше, чем Академия наук (последняя — в 1927 г.), еще не успели в этот период сложиться новые славистические центры и работавшие в высших учебных заведениях ученые-слависты до середины 30-х годов тяготели в своей научной деятельности к Академии. Уровень внеакадемической довоенной славистики был весьма невысок. В 1932 г. Коллегия академического Института славяноведения, обсуждая вопрос об институтской аспирантуре, подчеркивала, что «университеты в настоящее время не выпускают лиц, достаточно подготовленных в области славянских языков и общего славяноведения»². В Киеве славяноведение было сосредоточено, главным образом, в Киевском университете, но занимающиеся

¹ Например, в работах «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 4. М., 1966; С. Б. Б е р н ш т е й н. Советский славянский филологический институт 50 лет. «Советское славяноведение», 1967, № 5, с. 77—93.

² ААН, ф. 220, оп. 1, д. 1, л. 108.

славяноведением студенты не владели славянскими языками³. Ленинградский Педагогический институт национальных меньшинств Запада считал необходимым тесный контакт с академическими славистами для того, чтобы «поставить свою научно-исследовательскую и преподавательскую работу на должную высоту»⁴.

К 1917 г. в рамках Академии наук славистику представляло Отделение русского языка и словесности, объединявшее ряд научных комиссий. Однако до революции в Отделении собственно славистических (в нынешнем понимании этого термина) комиссий не было. Такие комиссии появились в Отделении лишь после 1917 г., причем не только в результате организации их силами самой Академии, но и в результате присоединения к Академии внеакадемических славяноведческих коллективов (с которыми, однако, Академия наук была тесно связана с момента их создания).

Первой собственно славистической комиссией Академии наук, и вместе с тем первой собственно славистической организацией в советской науке, была Комиссия, занимавшаяся подготовкой научного издания текстов кирилло-мефодиевской традиции. Она открылась 28 января (ст. ст.) 1915 г. при Петроградской духовной академии⁵. Последнее обстоятельство объяснялось чисто случайными причинами⁶. Поэтому, когда 28 января (ст. ст.) 1918 г. Комиссия, в связи с предстоящим прекращением государственного финансирования духовных академий, обратилась к Российской Академии наук с просьбой «взять на себя заботу о защите пред Советскими властями... Комиссии, как научного учреждения, и внести смету Комиссии на 1918 год в общую смету Академии наук»⁷, последняя, считая присоединение Комиссии к себе совершенно естественным и необходимым, выступила с соответствующим ходатайством, которое органы Советской власти встретили с пониманием (тем более, что Комиссия с Петроградской духовной академией практически была почти не связана). Таким образом, уже в самом начале 1918 г. Комиссия стала составной частью академического Отделения русского языка и словесности, а подготавливаемое Комиссией издание — изданием Академии наук⁸.

Организации этой Комиссии (являвшейся большим научным коллективом, объединившим накануне революции почти всех тогдашних филологов и историков России, имевших то или иное отношение к кирилло-мефодиевской проблематике) отечественные слависты начали добиваться еще в 1903 г. Такие ученые, как Г. А. Воскресенский, А. В. Михайлов, И. Е. Евсеев, индивидуально готовя в конце XIX — начале XX в. издания рукописного материала, отражающего кирилло-мефодиевскую традицию, ощутили настоятельную потребность в том, чтобы в рамках отечественной славистики было осуществлено скоординированными и сконцентрированными усилиями специалистов полное научное издание кирилло-мефодиевского письменного наследия в его основных исторических разновидностях.

Каждый из названных ученых делал попытки привлечь внимание центральных научных и правительственных русских учреждений к кирилло-мефодиевской проблематике и добиться организации целенаправленной и планомерной коллективной работы по изучению и изданию текстов кирилло-мефодиевской традиции. Однако в России начала XX в. одним из наиболее серьезных препятствий для осуществления этих попыток ока-

³ ААН, л. 39.

⁴ Там же, л. 78.

⁵ Там же, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 21, 42.

⁶ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 1131, л. 4.

⁷ Там же, ф. 109, о. л. 2, д. 1, л. 72.

⁸ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 1131, л. 4—5; д. 1088, л. 9.

залось совершенно равнодушное отношение к кирилло-мефодиевскому исследованию со стороны Правительствующего синода, к которому в 1903—1914 гг. больше всего и апеллировали отечественные слависты, искавшие поддержки работам в этой области славяноведения.

В 1903 г. вопрос о научном издании текстов кирилло-мефодиевской традиции был поднят на Предварительном съезде русских филологов, организованном Академией наук в Петербурге. Полностью признавая насущную необходимость для славистики такого издания, Академия наук, однако, не смогла тогда изыскать на подобное издание необходимых средств. Поэтому присутствовавшие на съезде Г. А. Воскресенский, И. Е. Евсеев и А. В. Михайлов, которые были особенно горячо заинтересованы в развитии отечественного изучения кирилло-мефодиевского письменного наследия, стали пытаться найти другие источники материальной поддержки задуманного издания.

Г. А. Воскресенский был одним из членов делегации, направленной съездом к тогдашнему первенствующему члену Синода митрополиту Антонию с тем, чтобы ходатайствовать в его лице перед Синодом о финансировании научного издания хотя бы части переводов кирилло-мефодиевской традиции. «Это ходатайство, — рассказывал впоследствии А. В. Михайлов, — осталось, однако, безуспешным»⁹.

А. В. Михайлов вновь поднял в 1907 г. этот вопрос в Славянской комиссии московского Археологического общества. Но и эта попытка не принесла никаких результатов¹⁰.

Вскоре после Предварительного съезда аналогичные попытки предпринял и И. Е. Евсеев. Сначала он обращался непосредственно в Синод, но долго не мог получить оттуда вообще никакого ответа. Наконец ему «предложили организовать это издание в виде подчиненной секции синодского издательства богослужебных книг и разных благочестивых листов, во главе с заведывающим этим издательством». Такой проект был абсолютно неприемлем и «от подобного решения отказались сами синодские заправилы». Вместо этого И. Е. Евсееву предложили «образовать особую Комиссию, во главе с каким-либо назначенным епископом... Но это решение являлось едва ли не большей опасностью для научной ценности предполагаемого издания, чем решение первое... Приходилось медлить и выжидать благоприятного случая, тем более, что и в Синоде с организацией этого научного предприятия вовсе не думали спешить»¹¹.

В 1909 г. Совет Петербургской духовной академии по инициативе И. Е. Евсеева ходатайствовал перед Синодом «об образовании при академии особого фонда на издание памятников древнеслав[янской] и русской письменности», но ходатайство это осталось безрезультатным¹².

В том же 1909 г. Королевское общество наук в Геттингене обратилось к И. Е. Евсееву с просьбой исследовать для нужд подготавливаемого научного издания Септуагинты древнеславянский перевод текста Семидесяти. 17 февраля 1911 г. И. Е. Евсеев произнес в Петербургской духовной академии речь, являвшуюся своеобразным отражением результатов его работы над древнеславянским рукописным материалом по поручению Общества и содержащую программу всей дальнейшей научной и организационной деятельности этого выдающегося отечественного слависта, а также идеи, которые позднее определили деятельность все же созданной в России Комиссии по изучению и подготовке научного издания памятников кирилло-мефодиевской традиции.

⁹ Там же, ф. 171, оп. 1, д. 51, л. 3.

¹⁰ Там же, л. 3, 4.

¹¹ Там же, л. 4.

¹² Там же.

Речь И. Е. Евсеева была посвящена по существу двум из числа важнейших вопросов, касающихся славянских переводов кирилло-мефодиевской традиции: отношению этих переводов к их греческим оригиналам и значению этих переводов для изучения истории, культуры и народной психологии славянства. И. Е. Евсеев выступил решительным сторонником конкретно-исторического подхода к важнейшим древнеславянским письменным памятникам. С одной стороны, он считал необходимым выделять среди рукописей этих памятников различные по происхождению, составу и отношению к греческим оригиналам группы. С другой стороны, он подчеркивал, что лишь в начале своей истории эти памятники зависят «от прямого и точного воздействия церковной власти», вся же остальная их история «строго говоря, развивается под воздействием обычных исторических факторов — влияния той духовной атмосферы, в которой живет народ, которая определяет его национальную психологию» — иными словами, идет «путем обычного литературного развития»¹³.

В конце июля 1911 г. И. Е. Евсеев прочел на XV Всероссийском археологическом съезде в Новгороде доклад о Геннадиевском своде 1499 г. Охарактеризовав обстоятельства создания этого свода, его источники, составителей, его последующие судьбу и место в общей истории кирилло-мефодиевского письменного наследия, И. Е. Евсеев убедительно показал, что главенствующее положение, которое заняла в России геннадиевская традиция, означало разрыв Руси с традицией кирилло-мефодиевской. И. Е. Евсеев сообщил съезду, что он при посредстве Петербургской духовной академии вносит в Синод записку об организации при Академии Комиссии по научному изданию памятников кирилло-мефодиевской традиции, и съезд решил со своей стороны просить Синод принять предложенный И. Е. Евсеевым проект¹⁴.

В «Записке» И. Е. Евсеева, рассмотренной Синодом 7 мая 1912 г., было указано, что в России кирилло-мефодиевские переводы оказались забытыми и что поэтому научное издание всех славянских переводов кирилло-мефодиевской традиции является настоятельно необходимым¹⁵.

Окончательное решение по «Записке» И. Е. Евсеева было принято Синодом лишь в июне 1914 г., а открылась Комиссия, как уже было сказано, 28 января 1915 г. Ассигнования, выделенные Синодом Комиссии, были недостаточны для выполнения даже подготовительных работ¹⁶.

На торжественном собрании Комиссии в день ее открытия И. Е. Евсеев выступил с большой программной речью. Одним из наиболее важных моментов в этой речи было указание на то, что изучение переводов кирилло-мефодиевской традиции неправомерно делать самоцелью, удовлетворением лишь филологических запросов, но его следует связать с «широким и всесторонним освещением славянской культуры». В речи содержались также очень важные положения, касающиеся методологии и практических приемов издания древнеславянских переводных памятников¹⁷.

В «Положение о составе и деятельности Комиссии», подготовленное И. Е. Евсеевым, были включены такие пункты, которые обеспечивали строго научный характер работы Комиссии¹⁸. Будучи фактическим руководителем Комиссии, И. Е. Евсеев настоятельно подчеркивал ее строго

¹³ Речь И. Е. Евсеева опубликована в журнале «Христианское чтение» за 1911 г.

¹⁴ Доклад И. Е. Евсеева опубликован во II т. Трудов Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде.

¹⁵ «Записка» И. Е. Евсеева опубликована в журнале «Христианское чтение» за 1912 г.

¹⁶ ААН, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 27.

¹⁷ Эта речь И. Е. Евсеева опубликована в журнале «Церковный вестник» за 1915 г.

¹⁸ ААН, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 1.

научные задачи¹⁹, понимаемые при этом как общеславянские и предлагавшие сотрудничество с учеными других славянских стран²⁰.

После присоединения в 1918 г. к Академии наук Комиссия стала одним из важнейших научных подразделений Отделения русского языка и словесности²¹. Это значение Комиссии было учтено и в процессе организационной перестройки Академии наук, начавшейся в 1927 г. в связи с утверждением первого советского академического устава. Созданное в 1927 г. Отделение гуманитарных наук сочло сохранение при себе Комиссии «весьма желательным»²². При дальнейшей перестройке Академии Комиссия была сохранена под другим названием. 19 декабря 1929 г. произошло одновременное закрытие Комиссии, готовившей научное издание текстов кирилло-мефодиевской традиции, и восстановление Комиссии по изданию памятников старославянского языка²³. Закрытие первой было чисто формальным, поскольку важнейшими памятниками старославянского языка являются как раз те тексты, которыми она занималась.

Что же касается Комиссии по изданию памятников старославянского языка, то она позднее вошла в состав Комиссии по древнерусской литературе (окончательное решение об образовании этой последней Комиссии было принято Отделением общественных наук Академии 1 октября 1930 г.²⁴).

Научная деятельность Комиссии заключалась в обсуждении и выработке на заседаниях своего Общего собрания и своего Исполнительного комитета принципов академического издания текстов кирилло-мефодиевской традиции, в обсуждении докладов и сообщений, связанных с историей изучаемых текстов, в подготовке их к изданию, а также работ по их истории.

Из важнейших теоретических достижений Комиссии следует назвать, прежде всего, введение понятия о принципиальном различии между двумя типами изданий текстов кирилло-мефодиевской традиции: подготовительными или предварительными и научными, а также четкое определение степени ценности изданий того и другого типа для кирилло-мефодиевской текстологии.

Подготовительные издания представляют собой передачу типографскими средствами текста либо одной рукописи, либо ее, сопровождаемой вариантами из других рукописей и принципиально не могут быть чем-либо иным, кроме как собранием сырого материала, ибо для их выпуска в свет предварительное исследование истории кирилло-мефодиевского письменного наследия не является чем-то абсолютно необходимым. Научные же издания целиком основаны на таких исследованиях, представляя собой реконструкции первоначальных и (или) последующих редакций памятников кирилло-мефодиевской традиции.

К выпуску чисто подготовительного издания хотели свести конечную задачу Комиссии некоторые ее члены. Однако И. Е. Евсеев при обсуждении основных направлений работы Комиссии убедительно показал, что пойти по такому пути — значит воспроизводить устаревший тип изданий, имеющий весьма ограниченную научную ценность, и что Комиссии необходимо заниматься прежде всего научным изданием своего материала, пос-

¹⁹ Там же, л. 176.

²⁰ Там же, л. 52, 170.

²¹ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 1133, л. 6—7.

²² Там же, ф. 1, оп. 1а, д. 176, ГН § 144.

²³ Там же, оп. 1—1929, д. 253, л. 56, 62.

²⁴ Там же, оп. 1—1930, д. 256, л. 66.

тоянно помня, что «главное значение в изданиях имеют не списки и их отличия, а их основные русла — изводы»²⁵.

К важнейшим теоретическим достижениям Комиссии следует отнести предложенное ею понимание редакций текстов кирилло-мефодиевской традиции как ее «исторических проявлений», иными словами, осознание связи редакций этих текстов с конкретными типами древнеславянских книг²⁶.

Наконец к числу важнейших теоретических достижений Комиссии следует отнести тезис о том, что редакции древнеславянских переводов кирилло-мефодиевской традиции должны обязательно определяться через их греческие оригиналы. И. Е. Евсеев подчеркивал, что «точно установленный оригинал перевода — самый надежный свидетель первоначального вида и судьбы перевода, не заменимый ни в каком случае ни языковыми, ни графическими признаками»²⁷.

В целом деятельность Комиссии представляет собой наиболее значительное явление в истории не только отечественной, но и мировой кирилло-мефодиевской текстологии. Положения, апробированные таким представительным коллективом, каким была Комиссия, имеют, несомненно, наибольшую ценность среди всех тех научных результатов, которыми располагает кирилло-мефодиевская текстология на настоящее время. Достаточно указать, что применение исходных положений, по существу идентичных основным положениям, выдвинутым и обоснованным Комиссией, позволило в самое последнее время достигнуть прогресса в попытках установления оригиналов кирилло-мефодиевских переводов²⁸.

Следует также подчеркнуть, что Комиссия была научным коллективом, олицетворявшим начатый еще до революции и продолженный в первые послереволюционные годы поворот к исследованию кирилло-мефодиевской письменной традиции в неразрывной связи с широким исследованием ее социально-исторического контекста. Свидетельством этого поворота служат и программная речь И. Е. Евсеева, произнесенная им 28 января 1915 г., и его резкое выступление при обсуждении основных направлений работы Комиссии против «ученого трюничества», против стремления ограничить деятельность Комиссии «ремесленным извлечением рукописных материалов из своих источников»²⁹, и рассмотрение в ряде докладов, прочитанных в Комиссии, вопросов социально-политической истории славянства, необходимых для уяснения истории памятников кирилло-мефодиевской традиции, например, важного славяноведческо-балканистического вопроса о соотношении греческого и славянского элементов в Охридской архиепископии³⁰. Помимо плодотворности для разработки собственно кирилло-мефодиевской проблематики, подобный поворот, осуществлявшийся Комиссией, имеет в истории отечественного славяноведения и значение методологически важного образца комплексности славистических исследований — той комплексности, которая становится все более характерной для советской славистики.

Непосредственным предшественником второй по времени собственно славяноведческой комиссии Академии наук и второй по времени собственно славистической организации в советской науке — Славянской комиссии — следует считать Петроградское Славянское научное общество. 5 февраля 1921 г. это Общество было включено в число учреждений, свя-

²⁵ ААН, ф. 109, оп. 2, д. 2, л. 72.

²⁶ Там же, д. 1, л. 2.

²⁷ Там же, д. 2, л. 74.

²⁸ Ср. Y. V u n s. Chapter Numbers in Greek and Slavonic Gospel Codices. London, s. a.

²⁹ ААН, ф. 109, оп. 2, д. 2, л. 70—71.

³⁰ Там же, д. 1, л. 56—57.

занных с Академией наук ³¹, но за последующие два года ничем себя как научное учреждение не проявило. В Академии наук, по-видимому, осознавали необходимость иметь собственный активный славяноведческий центр широкого профиля — как ввиду важнейших событий, происшедших в жизни славянских народов после первой мировой войны, так и ввиду успехов в развитии славяноведения на Западе. Поэтому академическое Отделение русского языка и словесности 3 января 1923 г. приняло решение об образовании при себе «Славянской научной комиссии» ³². 19 сентября 1923 г. Отделение следующим образом определило задачи Комиссии: «Комиссия имеет целью научное изучение славянства в историческом, литературном, этнографическом, языковом и других отношениях». Комиссия должна была также проявить себя и «в поддержании и развитии научных и литературных сношений с учеными и литературными обществами и с отдельными лицами в славянских землях» ³³. Очень показательно, что при определении задач Комиссии на первый план выдвигалось историческое изучение славянства. В этом проявились как учет Отделением актуальных задач отечественного славяноведения, так и преемственность Славянской комиссии по отношению к Славянскому научному обществу, стремившемуся удовлетворять запросы более широких кругов общественности, для которых политическая и историческая проблематика представляла значительно больший интерес, чем проблематика сугубо филологическая.

Первое заседание Комиссии состоялось 28 апреля 1925 г. ³⁴. Комиссия активно работала в 1925 и 1926 г. Но с 1927 г., в связи с начавшимся процессом перестройки Академии наук, деятельность Славянской комиссии становится гораздо менее активной.

22—23 апреля 1929 г. Группа языковедения и литературы (одно из подразделений созданного в 1927 г. Отделения гуманитарных наук) предложила, чтобы ее впредь именовали «Русско-европейским разрядом» и разделили на три секции, одной из которых должна была стать секция славяноведения, объединяющая ряд институтов, в том числе Институт славяноведения ³⁵. Проект этот осуществлен не был. 19 декабря 1929 г. Группа приняла новый проект, согласно которому надлежало путем объединения ряда существующих академических комиссий создать Институт русского языка и литературы, а также, «принимая во внимание оживление в общественно-политических кругах интереса к изучению славянства, поставить на очередь вопрос об организации при АН СССР института по славяноведению, в основу коего должны лечь существующие по славяноведению комиссии»; при этом следовало «впредь до организации института по славяноведению все существующие при АН комиссии по славяноведению оставить в составе Института русского языка и литературы в виде... отдела славяноведения» ³⁶. 31 января 1930 г. Отделению гуманитарных наук Группой языковедения и литературы был представлен первый вариант положения об Институте славяноведения ³⁷. Однако пока это положение отработывалось, Комиссия по уставу и реорганизации АН СССР приняла 2 апреля 1930 г. решение о полной перестройке Отделения, согласно которому, в частности, вообще упразднилась Славянская комиссия ³⁸. 4 апреля 1930 г. Группа одобрила и представила Отделению доклад относитель-

³¹ Там же, ф. 1, оп. 1а, д. 169, ОС § 25.

³² Там же, д. 172, РЯ § 7.

³³ Там же, РЯС § 109.

³⁴ Там же, ф. 1, оп. 1а, д. 174, ОРЯС § 130.

³⁵ Там же, оп. 1—1929, д. 253, л. 23.

³⁶ Там же, л. 56; ср. л. 62.

³⁷ Там же, оп. 1—1930, д. 256, л. 16.

³⁸ Там же, л. 34, 41.

но своей реорганизации. В докладе подчеркивалось, что «Группа не может согласиться с полной ликвидацией Славянской комиссии. Ссылка на то, что со временем предполагается образование Института славяноведения на широких основаниях (речь идет о встречном проекте Института славяноведения. — К. Л.) не может служить аргументом против существования Славянской комиссии. С ее закрытием работа славистов неминуемо утратит коллегиальный и плановый характер, что находится в противоречии с основными принципами реорганизации». В докладе было сделано весьма показательное заявление: «Славяноведение составляет столь важную отрасль науки, что отсутствие в АН организованных работ этого рода было бы вопиющим пробелом». В докладе выражалась уверенность, что, пока проект реорганизации не получит окончательного утверждения, существующие учреждения (в том числе и Славянская комиссия) будут функционировать на прежних основаниях³⁹. Однако ни этот, ни последующие шаги Группы не дали желаемых результатов. 1 октября 1930 г. было принято окончательное решение об организационной структуре Группы языковедения и литературы, и Славянская комиссия перестала существовать официально⁴⁰.

На своих заседаниях в 1925—1926 гг. Комиссия рассматривала широкий круг актуальных славяноведческих проблем, причем Комиссия считала для себя одними из важнейших проблемы современного славянства.

Стремление Славянской комиссии обратиться к рассмотрению этих проблем (и, в частности, социальных проблем молодых славянских государств) отразилось уже в программном по характеру сообщении П. А. Лаврова «Современное положение славянства и славяноведения», которое он сделал на первом заседании Комиссии⁴¹.

Социальным проблемам славянских стран в 1920-е годы были посвящены заслушивавшиеся и обсуждавшиеся Комиссией доклады К. А. Пушки-каревича «Аграрная реформа в современной Чехословакии»⁴² и А. В. Королева «География и этнография современной Юго-Славии (по Цвиичу и Милоевичу)»⁴³.

Комиссия не оставляла без внимания и текущие памятные события в славянских странах. Так, П. А. Лавров прочел в Комиссии доклад «Негошевы дни в Цетинье» о торжествах по случаю возвращения праха Петра II Негоша в часовню на вершине Ловчена, призванных подчеркнуть заслуги Черногории как «колыбели сербского государства и оплота сербов во время турецкого господства»⁴⁴.

Одной из характерных черт работы Комиссии было то, что многие ее члены, анализируя славянские письменные памятники прошлого, считали абсолютно необходимым в своих выводах выходить за чисто филологические границы в область социально-исторической проблематики.

Так по существу одной из проблем средневековой социальной истории южных славян было посвящено сделанное в Комиссии М. Г. Долобко сообщение «Новые данные в изучении боснийского богомильства»⁴⁵. Проблеме реформации в славянских странах был по существу посвящен прочитанный в Комиссии Н. И. Серебрянским доклад «О литературных источниках Постиллы Хельчицкого (Хельчицкий — Гус — Виклиф)»⁴⁶.

³⁹ ААН, оп. 1—1930, д. 256, л. 46, 47.

⁴⁰ Там же, л. 66, 67.

⁴¹ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 1150, л. 1, 4.

⁴² Там же, л. 15—16.

⁴³ Там же, л. 27—29.

⁴⁴ Там же, л. 14.

⁴⁵ Там же, л. 10—14.

⁴⁶ Там же л. 12—14.

Очень показательным для стремления Комиссии выйти за пределы чисто филологического анализа древнеславянских письменных источников является ее подход к одному из важных вопросов, связанных с начальным славянским просвещением, — к вопросу об источниках свидетельства «Повести временных лет» о древнейших славянских переводах (рефераты П. А. Лаврова «Сказание о преложении книг у Нестора в отношении к его источникам»⁴⁷ и Н. К. Никольского «Сказание о преложении книг на словенский язык, как составная часть Повести временных лет»⁴⁸).

Ряд докладов, прочитанных в Комиссии, был посвящен проблемам славянских литератур: Н. М. Гальковский прочел в Комиссии доклад «Сербская народная литература: песни женские»⁴⁹; славянским литературам XVIII—XIX вв., и конкретнее — западноевропейскому влиянию на эти литературы — было посвящено два реферата, прочитанных в Комиссии В. Г. Черниобаевым: «Повесть Гольдсмита в переработке Игнатия Красицкого и Досифея Обрадовича»⁵⁰ и «„Иридион“ Красицкого и французская литература»⁵¹. Почти не исследовавшейся проблеме «обратного» влияния древнерусской литературы на литературы югославянские с конца XIII по начало XVI в. был посвящен прочитанный в Комиссии доклад М. Н. Сперанского «„Житие пророка Моисея“ в югославянских и русских текстах»⁵².

Тому, что сейчас называют «лингвистическим источниковедением», был посвящен прочитанный в Комиссии реферат А. И. Соболевского «Об источниках нашего знакомства со старославянским языком»⁵³.

Наконец, уделяя большое внимание истории славяноведения, Комиссия неоднократно отмечала память видных отечественных и зарубежных славистов или заслушивала обзоры их научной деятельности. В числе этих славистов были И. В. Ягич, Т. Д. Флоринский, А. И. Яцимирский, А. Сиротинин, К. Иречек, С. Новакович, И. С. Пальмов, П. Н. Смердынский, В. Вондрак, Ф. Палацкий, Цонев, Водник и П. А. Лавров⁵⁴.

Из всего, сказанного выше о Славянской комиссии, можно сделать вывод, что ее научная деятельность знаменовала собой дальнейший прогресс в развитии отечественной славистики. Этот прогресс был достигнут Комиссией потому, что своими важнейшими задачами она поставила актуализацию отечественных славистических исследований (причем прежде всего — развертывание исследований в области социально-исторической проблематики нового и новейшего времени) и восстановление прерванных первой мировой войной научных контактов с зарубежным славянством⁵⁵. И хотя Комиссии ввиду кратковременности периода ее активной работы не удалось сделать многого, характер ее деятельности несомненно позволяет говорить, что отечественная академическая славистика уже в 1920-е годы приобрела ряд черт, которые свойственны ей в настоящее время.

В 1929—1930 гг., как уже говорилось выше, в Академии наук обсуждались два проекта создания Института славяноведения. Проект Группы языковедения и литературы принят не был. Институт славяноведения был создан по проекту, разработанному Н. С. Державиным. Окончательный вариант составленного им Положения об Институте датирован 15 февраля

⁴⁷ Там же, л. 20—21.

⁴⁸ Там же, л. 30—31.

⁴⁹ Там же, л. 35.

⁵⁰ Там же, л. 9.

⁵¹ Там же, л. 33.

⁵² Там же, л. 32—33.

⁵³ Там же, л. 34.

⁵⁴ Там же, л. 4, 9, 14, 15, 17, 18, 21, 26, 34, 36.

⁵⁵ Там же, л. 18.

1931 г.⁵⁶, свою работу Институт начал под его руководством 22 сентября 1931 г.⁵⁷ и работал до начала 1934 г. (последний протокол заседания Коллегии Института имеет дату 10 января 1934 г.⁵⁸).

Институт открывался как научное учреждение с очень широкой программой. Ему предстояло изучать не только зарубежные славянские народы, но и украинцев и белорусов, не славянские балканские народы, а также генетически зарубежные славянские и балканские группы на территории СССР. Помимо проведения чисто исследовательской работы, Институту предстояло принять активное участие в языковом и культурном строительстве у национальных меньшинств Союза ССР.

Реальные возможности Института находились в резкой диспропорции со столь широкими задачами. В штате Института в первый год его существования находилось всего лишь девять человек; еще двое ученых были включены в его штат только в конце 1933 г. Институт при открытии не имел своего помещения и своей библиотеки, за все время его работы так и не была налажена регулярная доставка ему свежих зарубежных научных изданий. Кроме того, не все сотрудники Института были уверены в целесообразности принятия предложенной им широкой программы. Один из них в 1932 г. заявил, что «целевые установки И[нститу]та расплывчаты», что Институт «вышел за пределы своей основной работы и стал заниматься „собираанием всех земель“» и что Институту «необходимо углубить работу по основным своим объектам — славянским народам и странам»⁵⁹. Но Н. С. Державин полагал, что «расплывчатости в целевых установках Института нет: они в готовом виде даны Институту при его организации, и ни в коем случае не следует сужать задач И[нститу]та, что противоречило бы и Положению об И[нститу]те и директивам руководящих учреждений»⁶⁰.

Необходимо подчеркнуть, что Институт явился фактически прямым преемником Славянской комиссии. Правда, стремясь в довольно сложных условиях начала 1930-х годов преодолеть аполитичность науки (неизменно сохраняя при этом, однако, характер научного учреждения), Институт декларативно отмежевался от всех отечественных славистических традиций. Н. С. Державин в написанной 18 октября 1931 г. программной статье, открывавшей первый том институтских «Трудов»⁶¹, и в программном докладе, прочитанном в Институте 16 ноября 1931 г., выступил против якобы свойственных доинститутскому отечественному славяноведению «филологического формализма» и стремления замкнуться в «комплексе ограниченного круга филологических дисциплин». Позднее Н. С. Державин заявил, что «Институту пришлось заново строить всю свою работу, не имея в прошлом опыта или, вернее, имея отрицательный опыт»⁶². Но о том, что это отмежевание от славистического отечественного наследия прошлого было чисто декларативным, неопровержимо свидетельствуют, во-первых, штат Института, а во-вторых, направления его работы.

Из девяти человек, составлявших штат Института в первый год его существования, пять, включая директора Института Н. С. Державина, были ранее членами Славянской комиссии. Следует заметить здесь же, что единственный не славяновед, входивший в штат Института — неоэллинист И. И. Соколов, был чистейшим представителем «опыта прошлого».

⁵⁶ Там же, ф. 220, оп. 1, д. 17, л. 1—5.

⁵⁷ Там же, д. 3, л. 15.

⁵⁸ Там же, д. 1, л. 1.

⁵⁹ Там же, л. 85.

⁶⁰ Там же, л. 86.

⁶¹ Н. С. Д е р ж а в и н. Наши задачи в области славяноведения. Труды Института славяноведения Академии наук СССР, 1, Л., 1932, с. 1—14.

⁶² ААН, ф. 220, оп. 1, д. 1, л. 85.

В упомянутых программных статье и докладе Н. С. Державина, определявших направления работы Института, наличествовала яфетидологическая фразеология. Однако яфетидологическими исследованиями Институт не занимался совсем, да и вообще языковедческая тематика отнюдь не занимала в Институте первого места. Самым правильным, по-видимому, будет сказать, что яфетидология для Н. С. Державина была своего рода символом, примером актуализации гуманитарных исследований, образом подведения под них материалистической методологической базы.

Некоторые из направлений работы Института по существу прямо продолжали те направления, которые были представлены в работе Славянской комиссии.

Подобно Славянской комиссии, Институт одним из важнейших участков своей работы считал изучение проблем современного славянства. Так, в Институте состоялся доклад А. Т. Арского «Экономический кризис в Польше»⁶³; Н. С. Державин сделал сообщения «Вопрос об интегральной Югославии в болгарской печати» и «Процесс вождя хорватской крестьянской партии д-ра Мачека в Белградском чрезвычайном суде по обвинению Мачека в государственной измене»⁶⁴; состоялись и другие подобные доклады и сообщения.

В Институте, как и в Славянской комиссии, уделялось значительное внимание проблемам славянских литератур. В. Г. Чернобаев прочел целый ряд докладов и сообщений по польской и чешской литературе. Большинство докладов по болгарской литературе прочел Н. С. Державин. В Институте было сделано много докладов по украинской литературе (староукраинской — в большинстве своем В. Н. Перетцом, новоукраинской и современной украинской — В. В. Дроздовским).

Наконец, как и в Славянской комиссии, в Институте неоднократно отмечалась память видных отечественных и зарубежных славистов или заслушивались обзоры их научной деятельности. Однако изучение истории славяноведения было поставлено в Институте шире, чем оно было поставлено в Комиссии. В частности, сотрудники Института много работали в архивах над изучением неопубликованных материалов о деятельности отечественных и зарубежных исследователей славянства. Большую часть докладов по истории славяноведения прочел на институтских заседаниях В. Н. Кораблев.

Но помимо названных выше направлений, в работе Института были представлены и такие направления, которых в работе Славянской комиссии не было — например, изучение генетически зарубежных славянских и генетически балканских народов на территории СССР, в том числе изучение истории появления этих народов на территории СССР. В частности, Институт изучал чешскую иммиграцию и греческие колонии в России.

Из собственно балканских неславянских народов в Институте занимались почти исключительно греками (конкретнее — историей Греции конца XVIII — начала XIX в.).

В области исторического изучения славянских стран больше всего внимания уделялось в Институте Польше.

В плане попыток обнародования и практического использования результатов научной деятельности Института, помимо издания институтских «Трудов» (их вышло два тома), важное значение имело сотрудничество Института с редакцией «Большой Советской Энциклопедии». Нужно также отметить, что Институт планировал издание научно-популярной славяноведческой серии.

⁶³ Там же, л. 130.

⁶⁴ Там же, л. 38, 39.

Как можно видеть из всего сказанного, научная деятельность Института характеризовалась дальнейшим расширением славяноведческих горизонтов по сравнению с теми тематическими рамками, в которых шла научная деятельность Славянской комиссии. Шире разворачивалась в Институте работа по ставшим уже традиционными для отечественной академической славистики направлениям и одновременно к этим традиционным направлениям добавлялись новые. Кроме того, впервые в отечественной науке силами сотрудников Института были начаты систематические балкановедческие исследования.

Оценивая деятельность Института, необходимо указать, что большую часть своих усилий он направлял на разработку историко-экономических и историко-политических проблем.

Заканчивая краткий обзор истории советского славяноведения до середины 1930-х годов, нужно отметить следующее. Предлагаемая пока в нашей литературе характеристика советского академического славяноведения 1917—1934 гг. сводится к тому, что отечественные слависты, связанные в этот период с Академией наук, продолжали, как правило, работать по типичным для дореволюционной отечественной славистики сугубо филологическим темам, а актуальным историко-политическим, историко-экономическим и историко-культурным славистическим проблемам внимания почти не уделяли, хотя общенаучные задачи требовали от отечественной академической славистики преодоления подобной филологической односторонности. Такое положение имело место, в частности, потому, что в первые послереволюционные годы практически не менялось содержание историко-филологических исследований в Академии наук⁶⁵.

Однако изучение материалов о деятельности в 1918—1934 гг. двух славяноведческих комиссий Академии наук и академического Института славяноведения заставляет от такой точки зрения на начальный период истории советского академического славяноведения отказаться. Более близкой к истинной представляется следующая картина: еще до революции в рамках отечественной славистики началась реакция против абсолютного преобладания в славистике «филологии» в ягичевском понимании этого термина, ярче всего проявившаяся в процессе подготовки научного издания кирилло-мефодиевских переводов и их последующих видоизменений. Комиссия, готовившая это издание, став после революции первой чисто славистической комиссией Академии наук, олицетворяла стремление к преодолению прежней филологической ограниченности в изучении древнейших славянских письменных памятников, к комплексности в их исследовании, к выходу при работе над ними в область социально-исторической и культурно-исторической проблематики.

Начало советского славяноведения совпало с периодом очень важных перемен в жизни славянских народов — перемены, происшедших в результате первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции. Наши ученые не могли, естественно, не откликнуться на те актуальные задачи, которые эти перемены ставили перед отечественной славистикой. Как подобные задачи, так и стремление отечественных славистов к комплексности изучения прошлого славян, определили характер деятельности Славянской комиссии — второй собственно славистической комиссии Академии наук.

⁶⁵ Ср. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 3. М., 1963, с. 498 сл.; т. 4. М., 1966, с. 245—246; В. Д. К о р о л ю к. Советские историко-славистические исследования (1917—1967). «Советское славяноведение», 1967, № 5, с. 37—52; В. Д. К о р о л ю к, Н. И. Т о л с т о й, И. А. Х р е н о в, И. М. Ш е п т у н о в, С. А. Ш е р л а и м о в а. «Советское славяноведение. Краткий обзор литературы 1945—1963 гг.». М., 1963, с. 3—4, 10—11.

Значительным расширением круга славистических исследований в сочетании с усилением внимания к социально-исторической славяноведческой проблематике характеризовалась деятельность Института славяноведения.

Таким образом, уже в первый период своей истории советское академическое славяноведение, организационно представляемое тогда названными выше тремя научными коллективами, было ощутимо комплексным и разносторонним, т. е. уже обладало теми характеристиками, которые типичны для современного советского славяноведения и через которые советское славяноведение объединяется с тем лучшим, что было достигнуто отечественной славистикой до революции.

Разумеется, было бы совершенно неверным считать, что в 1917—1934 гг. советское академическое славяноведение являлось тем же, чем оно является сей час. Но при всем том существенные изменения в оценке начального периода его истории необходимы, а изменения в оценке этого периода позволяют, несомненно, сблизить тогдашние искания отечественных славяноведов и проблематику советского славяноведения наших дней.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

И. А. АЛЬТМАН

О. М. ГОВОРУХИН В ЭМИГРАЦИИ

Орест Макарович Говорухин известен в советской историографии прежде всего как близкий товарищ и соратник А. И. Ульянова и один из руководителей покушения на Александра III 1 марта 1887 г. За несколько дней до неудачной попытки покушения на царя, 20 февраля 1887 г., Александр Ильич проводил своего друга, выезжавшего за границу, с Варшавского вокзала Петербурга. Для этой поездки О. М. Говорухина А. И. Ульянов заложил золотую медаль, полученную им за научную работу по зоологии на III курсе университета, и достал необходимые средства на костюм и проезд Говорухина.

В литературе освещены лишь отдельные моменты почти сорокалетней жизни О. М. Говорухина в эмиграции¹. К сожалению, эти работы не нашли отражения в обширной историографии по делу 1 марта 1887 г., не были использованы они и в биографической справке о Говорухине в последнем издании Большой Советской Энциклопедии². Между тем, жизнь и деятельность О. М. Говорухина в этот период, а также после возвращения в Советский Союз, представляет несомненный интерес и заслуживает специального изучения.

В настоящем сообщении использованы как опубликованные в разное время документы, так и архивные материалы, в частности, из Центрального государственного исторического архива НРБ в Софии³.

Бывший студент IV курса Петербургского университета О. М. Говорухин оказался в Швейцарии в конце февраля 1887 г. Его первое письмо к А. И. Ульянову от 27 февраля (11 марта) из Цюриха попало в руки жандармов и было предъявлено Александру Ильичу на одном из допросов⁴. Говорухин и другие участники дела 1 марта 1887 г., выехавшие за границу, сыграли большую роль в освещении истории покушения и личностей его руководителей среди русских эмигрантов и студентов, обучавшихся за границей. Уже через несколько дней после приезда в Цюрих О. М. Говорухин выступил на собрании русских студентов, сообщив «подробности покушения 1 марта и о приготовлениях к нему»⁵; впоследствии он неоднократно читал свои рефераты в разных городах Швейцарии. Первые месяцы пребывания Говорухина в эмиграции вызвали пристальный

¹ А. П а т о в. Поколение революционеров. «Новое время», М., 1965, № 12, с. 10—11; Е. П. Л ь в о в а. Из истории русско-болгарских художественных связей конца XIX — начала XX в. «Советское славяноведение», 1965, № 3, с. 80—87.

² «Большая Советская Энциклопедия», изд. 3, т. 6, ст. 1853. М., 1971.

³ ЦДАИ НРБ, ф. 1040, оп. 1, д. 29. Выражаю искреннюю признательность профессору С. О. Шмидту, любезно предоставившему в наше распоряжение микрофильмы данного дела.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 649, л. 307.

⁵ Там же, ф. 102, 3 д-во, 1887, оп. 184, д. 335, ч. 1, л. 59.

интерес к нему П. Рачковского — руководителя русской агентуры за границей. В шифрованной телеграмме от 4 апреля 1887 г. директор Департамента полиции П. Дурново требовал от него установить место жительства Говорухина. Шеф политического сыска указывал, что «розыску придается особое значение, так как Говорухин был одним из руководителей дела первого марта»⁶. Вскоре после приезда в Цюрих О. М. Говорухин написал несколько писем русским народолюбцам в Париж и одному из лидеров революционной эмиграции П. Л. Лаврову⁷, пытаясь получить у последнего ответы на актуальные вопросы, волновавшие передовую русскую интеллигенцию. Примерно до начала зимы 1887/1888 гг. О. М. Говорухин поддерживал связи с цюрихским кружком народолюбцев, в числе руководителей которого были участники подготовки дела 1 марта 1887 г. из Вильно, также эмигрировавшие за границу. Как отмечал Орест Макарович в своих воспоминаниях, именно в Швейцарии он почувствовал в среде эмигрантов резкий антагонизм между народолюбцами и социал-демократами⁸, что заставило его сделать окончательный выбор. После переезда в Женеву в октябре 1887 г. Говорухин знакомится с Г. В. Плехановым и вскоре становится деятельным членом группы «Освобождение труда», работает наборщиком в ее типографии. Его имя (под псевдонимом Григоров и Григорьев) неоднократно упоминает в переписке Г. В. Плеханов⁹. Встречи Говорухина с руководителем русских марксистов 80-х годов не остались незамеченными политической агентурой самодержавия. В телеграмме в Петербург от 14 марта 1888 г. П. Рачковский сообщал, что Говорухина «часто видят с Плехановым» в Женеве¹⁰. Участие Ореста Макаровича в деятельности группы продолжалось вплоть до его переезда в Париж в 1891 г. Как видно из письма О. М. Говорухина Г. В. Плеханову от 29 августа 1891 г. из Франции, он продолжал поддерживать связи с группой. Однако, как признается Говорухин в письме Плеханову, «дела мои тоже в беспорядке. Какая-то скверная полоса нашла...»¹¹. Во Франции О. М. Говорухин пробыл до середины 1894 г., а затем вместе с женой, Т. С. Барщ, переехал в болгарский город Пловдив. Можно предположить, что выбор этого города во многом был обусловлен пребыванием в нем давнего знакомого Говорухина по Петербургскому университету, руководителя одной из первых марксистских групп в России Д. Благоева¹². Два года Орест Макарович работает техническим агентом в Пловдиве, а с 1897 г. живет в Софии и служит в столичной городской управе геометром-чертежником. В 1903 г. О. М. Говорухин получает свидетельство об окончании химического отделения при физико-математическом факультете Софийского университета и начинает преподавать химию и русский язык во II Софийской мужской гимназии, а затем в течение пяти лет является секретарем Государственного художественного училища¹³. Еще на рубеже веков Орест Макарович начал активную пропаганду передового болгарского искусства. Его статьи, публиковавшиеся как в России, так и во многих странах Западной Европы, пробуждали интерес к болгарско-

⁶ Там же, л. 13.

⁷ «Лавров — годы эмиграции», Dordrech — Boston, 1974, т. 2, с. 169—193.

⁸ О. М. Г о в о р у х и н. Воспоминания о террористической группе Александра Ильича Ульянова. «Октябрь», 1927, № 3.

⁹ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». М., 1925, с. 27—28; «Группа „Освобождение труда“» (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча), сб. 3. М. — Л., 1925, с. 231, 235; «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII. М., 1940, ч. 1, с. 244.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 д-во, 1887, оп. 184, д. 335, ч. 1, л. 188.

¹¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. 1. М., 1934, с. 254.

¹² ЦДИА НРБ, ф. 1040, оп. 1, д. 29, л. 39—40.

¹³ Там же.

му народу и его культуре, пропагандировали идею связей русского и болгарского искусства¹⁴.

Свое истинное призвание революционер-эмигрант нашел в 1911 г., когда его пригласили в Софийский университет читать первый в Болгарии курс лекций по русскому языку и литературе. В течение почти 14 лет увлекательные и живые лекции вызывали неизменный интерес болгарских студентов разных факультетов, до отказа заполнявших аудиторию¹⁵. В 1915 г. Орест Макарович составил и издал «Избранные произведения русских писателей», а спустя четыре года — «Русскую хрестоматию», содержащую отрывки лучших классических произведений, критические статьи Белинского, тексты и ноты русских песен и небольшой русско-болгарский словарь. Можно без преувеличения сказать, что выдержавшие несколько изданий эти учебные пособия для II—IV классов гимназии стали настольными книгами целого поколения болгарской молодежи. Прогрессивные взгляды Ореста Макаровича отразил и цикл его статей в журнале «Ново време», публиковавшихся в начале 20-х годов под красноречивым заголовком «Русская литература и революционное движение в России»¹⁶.

И в Болгарии, где О. М. Говорухин проживал под именем Ореста Георгиева, он активно участвовал в рабочем движении. Видный общественный и политический деятель Болгарии, член Политбюро ЦК БКП, председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы Ц. Драгойчева вспоминала, что профессор Георгиев «был действительно колоритной фигурой, пользовавшейся большим авторитетом и уважением всей Софийской партийной организации». Его часто видели в Центральном партийном клубе или в первых рядах организованных партией манифестаций. «Старый профессор, связавший всю свою жизнь с революционной борьбой, глубоко верил в коммунистическое будущее человечества, и это придавало ему силы и бодрость»¹⁷. Весьма ценно и замечание Ц. Драгойчевой о том, что О. М. Говорухин «отдавал все свои силы делу сближения русского и болгарского революционного движения, страстно пропагандировал революционную стратегию и тактику большевиков»¹⁸.

В доме Говорухиных-Георгиевых часто бывали видные деятели болгарского рабочего движения — Д. Благоев, В. Коларов и др., здесь переводилась и перепечатывалась переписка ЦК РКП (б) и ЦК БКП¹⁹. Активное участие в революционной работе принимали жена и обе дочери Говорухина — Татьяна и Евгения. После фашистского переворота в 1923 г. отношение властей к лектору русской литературы, не скрывавшему своих убеждений, резко ухудшилось. Жить и работать в Болгарии стало трудно, и в 1925 г. семья Говорухиных переезжает в Советский Союз.

Первые годы Орест Макарович работал референтом ВСНХ, а затем все силы сосредоточил на литературной работе. В 1927 г. в двух номерах журнала «Октябрь», который редактировал товарищ Говорухина по новочеркасской гимназии и Петербургскому университету А. С. Серафимович, были опубликованы его интересные воспоминания о группе А. И. Ульянова. В 1930 г. О. М. Говорухин совместно с поэтом С. Городецким перевел «Избранные произведения Христа Ботева», а вскоре — книгу А. Константинова «Бай Ганю». До конца своей жизни О. М. Говорухин оставался страстным пропагандистом передовой болгарской литературы. Умер Орест Макарович Говорухин 2 апреля 1939 г. в Москве.

¹⁴ Е. П. Л ъ в о в а. Там же, с. 82—83.

¹⁵ А. П а т о в. Там же, с. 11.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Цола Д р а г о й ч е в а. По велению долга. Воспоминания и размышления. М., Политиздат, 1974, с. 149.

¹⁸ Там же.

¹⁹ А. П а т о в. Там же.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П. С. СОХАНЬ. Очерки истории украинско-болгарских связей. Киев, 1976, 290 с.

На протяжении многовековой истории трудно найти еще один пример такой тесной и бескорыстной дружбы, которая сложилась между славянскими народами — русским, украинским, белорусским и болгарским. С давних времен их связывала общность происхождения, близость языка и культуры, совместная освободительная борьба, широкие революционные контакты.

Имеется немало книг, посвященных истории русско-болгарских и советско-болгарских взаимоотношений, историческим связям отдельных республик (Белоруссии, Молдавии, Армении) и областей нашей страны и Болгарии. Однако ни в советской, ни в болгарской историографии нет обобщающих трудов, освещающих историю дружественных отношений украинского и болгарского народов¹. Ценным вкладом в научную разработку этой важной проблемы явилась рецензируемая монография. Как отмечает автор, он стремился обобщить то, что уже сделано исследователями, и вместе с тем, на основе хранящихся в советских и болгарских архивах многочисленных документов и других источников раскрыть малоизвестные или вообще неизвестные страницы украинско-болгарских исторических связей как составной части общих отношений народов России и Болгарии.

В книге удачно воссоздается картина далекого прошлого, когда закладывались основы дружбы славянских народов. Словно перелистывая древние летописи, читатель узнает о широких связях Киевской Руси и Первого болгарского государства, о поддержке болгарами дружин Олега и Игоря, об отношении Святослава и Владимира к Болгарии, видевших в ней союзника в борьбе с византийскими завоевателями. «И заключил Владимир мир с болгарами, — говорится в Никоновской летописи, — и дали они

клятву один одному, и сказали болгары: тогда только перестанет мир между нами, когда камень поплывет, а хмель потонет» (с. 27).

Дальнейшее развитие взаимосвязей между Болгарским государством и Киевской Русью было связано с двумя знаменательными событиями — созданием славянской письменности и принятием христианства. П. С. Сохань обстоятельно показывает развитие интенсивных политических и культурных болгаро-украинских отношений в последующие века. Они не прерывались и после того, как в конце XIV в. болгарские земли оказались под властью османских поработителей.

История содружества братских народов богата поистине волнующими событиями. Русско-болгарская дружба развивалась и крепла в совместной борьбе против иноземных угнетателей. С большим интересом читаются разделы монографии, в которых автор рассказывает о храбрости и мужестве болгар, сражавшихся бок о бок с русскими, украинскими солдатами в войсках А. В. Суворова, в Дунайской армии под командованием П. И. Багратиона и М. И. Кутузова.

Когда в 1875 г. вспыхнуло Старозагорское, а в 1876 г. — самое крупное и героическое — Апрельское восстание, на Украине, как и по всей России, развернулось широкое народное движение в поддержку болгар.

В работе приводятся многочисленные факты, характеризующие существенный вклад украинского народа в освободительную борьбу болгарского народа. Только в течение года — с декабря 1875 по декабрь 1876 — в адрес Киевского славянского благотворительного комитета поступило около 35 тыс. рублей. Комитет снарядил и отправил на Балканы 11 групп добровольцев в количестве 233 человек (с. 111).

С большим удовлетворением встретили на Украине известие о вступлении России (апрель 1877 г.) в войну против оттоманской Турции. Десятки тысяч воинов из украинских губерний в составе русской армии самоотверженно сражались в боях под Плевной, Старой Загорой,

¹ В 1958 г. П. С. Сохань опубликовал брошюру «Огонь вечной дружбы», вышедшую в Киеве на украинском языке, где сделал первую попытку кратко осветить болгаро-украинские связи с древнейших времен до наших дней.

на легендарной Шипке, под Шейново, завершившихся разгромом противника.

Значительное место в монографии занимает освещение революционных связей России, Украины и Болгарии. Как известно, Д. Благоев, с января 1879 г. по октябрь 1880 г. и Г. Кирков с 1879 по 1886 г. жили и учились на Украине (в Одессе и Николаеве), где впервые познакомились с идеями революционной демократии, освободительным движением России и до конца жизни оставались горячими сторонниками революционного сотрудничества наших народов.

Многочисленные новые архивные документы, приведенные в работе, рассказывают о пребывании русских и украинских социал-демократов в Болгарии, их тесном сотрудничестве с болгарскими тесняками в революционной борьбе, о широких связях заграничных большевистских организаций и болгарских политэмигрантов, о многих других формах контактов. Все это способствовало, подчеркивает П. С. Сохань, развитию и укреплению у трудящихся чувства интернациональной классовой солидарности, которая с особой силой проявилась в период Великой Октябрьской социалистической революции.

В книге убедительно раскрыто влияние Великого Октября на революционное движение в Болгарии, отражена большая работа болгарских коммунистов в лагерях русских военнооленных, солдат и казаков врангелевской армии, среди которых было много украинцев. Немало болгар-интернационалистов с оружием в руках приняли участие в борьбе за Советскую власть на Украине. Большую работу проводили болгарские коммунистические группы в Киеве, Харькове, Екатеринославе, Луганске, Славянске. Весной 1919 г. из Москвы в Одессу переехало Центральное бюро болгарских коммунистических групп.

Ярко и увлекательно П. С. Сохань показывает крепнущие узы интернационализма в последующие годы. Опираясь на обширный фактический материал, он анализирует многогранную деятельность общественных организаций Украинской ССР — МОПР, профсоюзов, комсомола по оказанию моральной и материальной помощи жертвам белого террора в Болгарии. Советские люди по-братски встречали тех, кому удалось вырваться из фашистских застенков и приехать в СССР. Большое внимание в книге уделено участию болгарских политэмигрантов в со-

циалистическом строительстве на Украине, пребыванию в республике (Одессе, Полтаве и других городах) Г. Димитрова, В. Коларова, С. Димитрова-Марека, Г. Генова. В 30-е годы Украина стала одним из центров сосредоточения представителей болгарской эмигрантской пролетарской литературы.

Без волнения нельзя читать страницы книги о боевой дружбе, сложившейся в годы Великой Отечественной войны, о героизме и самоотверженности болгарских патриотов, сражавшихся в партизанском соединении дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова, отряде Д. Н. Медведева. В свою очередь, в рядах болгарских партизан боролись против фашизма славные сыны украинского народа — Ф. М. Бурейко, Н. А. Матвиенко, Н. С. Ткач и многие другие. Совместно пролитая кровь скрепила навечно братскую дружбу с русским, украинским, белорусским и другими народами нашей страны.

В заключительной главе — «На принципах социалистического интернационализма» — убедительно показано, какой размах приобрело движение болгарского народа за укрепление и расширение дружбы и традиционных связей с советским народом после 9 сентября 1944 г.

В свое время читатели познакомились с монографией П. С. Соханя о вкладе Украинской ССР в советско-болгарское экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество в 1945—1965 гг.² На этот раз автор дает характеристику современного уровня развития украинско-болгарских связей в области экономики и культуры.

П. С. Сохань проделал большую и скрупулезную работу. Большая источниковедческая база, широта анализа событий и фактов, глубокая аргументированность научных положений и выводов — несомненные достоинства нового крупного монографического исследования. Бесспорно оно является весомым вкладом в благородное дело укрепления советско-болгарской дружбы.

Д. Б. Мельцер

² П. С. Сохань. Социалистический интернационализм в действии. Украинская ССР в советско-болгарском экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. 1945—1965 гг. Киев, 1969, 326 с.

А. К. КАВКО. *Польша: отечество и социализм. М., 1977, 245 с.*

Советскими учеными уже много сделано по исследованию и пропаганде истории братского польского народа. В рецензируемой книге поставлена и решается трудная задача: «показать с учетом общих закономерностей и на основе конкретного историко-социологического материала наиболее существенные особенности зарождения и развития польского социалистического отечества и патриотизма польского народа» (с. 9).

Автор книги рассматривает тему широко, на большом временном отрезке, уводя ее с основными проблемами формирования польской нации, с борьбой польского народа за социальное и национальное освобождение.

Книге предпослано введение, состоящее из двух частей: теоретической — о марксистско-ленинском понимании патриотизма и значении национально-патриотического фактора в классовой борьбе пролетариата, и исторической, где проанализированы преимущественно новые польские научные и публицистические монографии и статьи по патриотической проблематике. Следует отметить, что работа А. К. Кавко — первое советское специальное исследование указанной в названии темы, хотя вопросы взаимосвязи и развития социального и национального, патриотического и интернационального на различных этапах истории польского общества были не раз предметом изучения советских историков-полонистов.

Книга А. К. Кавко состоит из трех хронологически законченных, но проблемно связанных воедино разделов.

Раздел «Из истории прогрессивных патриотических идей в Польше» охватывает наиболее длительный во временном отношении период — с конца XVIII в. до начала второй мировой войны. Рассматривая проблемы развития патриотических идей в допролетарский период, А. К. Кавко констатирует огромное влияние национально-освободительного движения и рожденных им в ту пору прогрессивных лозунгов национального единения на складывание национальных чувств и формирование польского патриотизма. При этом исследователь обращает внимание на потенциальный негативизм этих призывов, со временем действительно ставших тормозом появления классового самосознания трудящихся. Их стойкое воздействие длительное время сохранялось в самых различных социальных слоях польского общества, не исключая и пролетариат. И тем не менее уже на допролетарском этапе, что специально подчеркнуто в книге, проявилась «неодинаковость национальных чувств и по источнику и по социальной

направленности у имущих слоев и просто-го народа» (с. 57).

Определению места, роли и значения патриотических идей в истории польского рабочего движения, где борьба с подменной социальной национальностью стала одной из самых острых и трудных задач, посвящена специальная глава исследования. Автор высоко оценивает вклад первых польских революционных идеологов, которые подошли к пониманию патриотизма с классовых пролетарских позиций, противопоставили национализму власть имущих интернациональную солидарность трудящихся. В показе борьбы за победу этой идеи в рабочем движении, за принятие ее всеми трудящимися и истинными патриотами Польши и состоит основной замысел и главное достоинство книги.

А. К. Кавко определил начало формирования пролетарских патриотических идей, показал становление новых традиций в упорной борьбе мнений по национальному вопросу в рабочем движении, формирование двух течений в этом движении, по-разному понимающих категории «отечество» и «патриотизм». История идейного развития польского социалистического движения довольно обстоятельно изучена и в польской и в советской исторической науке. Заслуга А. К. Кавко состоит в попытке дать весьма убедительное объяснение позиции польских социал-демократов, которые утверждали лозунги интернационализма «в некотором смысле ценой забвения патриотизма» (с. 63). Не в противопоставлении или взаимоисключении национального и социального (а такие точки зрения существуют) видит А. К. Кавко причины отказа от общенациональных требований, а в том, что СДКПиЛ не решалась выдвигать такие лозунги, учитывая националистическое давление на пролетариат в период созревания его классового сознания.

В книге дано глубоко продуманное объяснение позиции ППС — партии, которая выдвинула верное в своей сути требование национальной независимости, но не связала его с классовыми задачами пролетариата, а поэтому «...два противоположных течения... были разделены между собой не столько отношением к национальному вопросу, сколько отношением к главнейшим принципам марксизма: классовой борьбе, социалистической революции, интернационализму» (с. 79). В межвоенный период польские коммунисты, развивая идейное наследие СДКПиЛ, определили меру соотношения классового и общенационального, подошли к пониманию того факта, что «вопрос создания новой Польши — это прежде всего вопрос сплочения на патриоти-

ческой основе подавляющего большинства населения» (с. 100).

Главная идея книги ярко проявилась в разделе о второй мировой войне и утверждении народной власти. Автор рассматривает этот ключевой этап польской истории в различных аспектах: через анализ процесса складывания выдвинутой ППР концепции возрождения Польши, через наблюдавшие эволюции национально-политических настроений польского общества, через показ тех глубоких общественных преобразований, которые становились инструментом и социально-классового и интернационально-патриотического воспитания польского народа. Такой многоплановый и вдумчивый подход дал автору возможность рассматривать сложнейшие историко-политические вопросы. Например, в книге подвергнуты тщательному анализу проблемы формирования в польском обществе дружественного отношения к Советскому Союзу, нормализации и становления добрососедских отношений с ГДР и некоторые др. Автор правильно видит огромное значение в этом освободительной миссии Советского Союза, но, на наш взгляд, несколько упущено психологическое воздействие факта героической борьбы советского народа против фашизма. Настроения польского общества, десятилетиями воспитывавшегося на оголтелом антисоветизме, стали меняться уже тогда, когда до 9 мая 1945 г. было еще далеко. Вспомним, какой отзвук в оккупированной Польше находили первые победы Красной Армии, как потерпела полный провал гитлеровская акция «Берга», рассчитанная именно на использование антисоветских настроений в польском обществе.

Анализу политических, социально-экономических и идейных основ социалистического отечества и патриотизма посвящен последний раздел книги, хронологически завершающийся серединой 70-х годов. А. К. Кавко видит одну из особенностей процесса строительства социализма в Польше в значительном объеме общенациональных, общедемократических задач. Это выдвигало перед политическим авангардом пролетариата

сложнейшие вопросы идейного, интернационального воспитания различных социальных слоев польского общества, политических союзников пролетариата. Правда, материал, рассказывающий об идейно-политической эволюции союзников ППР по Демократическому блоку — людовцев, социалистов, демократов — мог бы быть с пользой для дела расширен. Именно в этих партиях шла в первые послевоенные годы переоценка всех аспектов их национально-патриотической концепции и ее связи с проблемами социально-политическими. Еще более выразительно предстала бы заслуга и историческая роль польских коммунистов в патриотическом воспитании народа, во внесении в широкие массы материалистического научного понимания патриотизма.

В монографии читатель найдет рассказ о гигантской работе ПОРП по интернациональному воспитанию народа, по борьбе с проявлениями и рецидивами национализма, по углублению единства патриотического и интернационального начал в польском обществе. Материалы съездов и пленумов ПОРП последних лет дали А. К. Кавко возможность раскрыть развернутую концепцию социалистического патриотизма, успешно претворяемую в жизнь партией рабочего класса.

Закономерным стремлением автора не ограничиться рассмотрением только внутреннего аспекта проблемы объясняется включение в книгу главы «Польша в социалистическом содружестве», где главное внимание уделено складыванию и развитию добрососедских отношений ПНР с СССР и ГДР. К сожалению, за рамками книги А. К. Кавко остался южный сосед Польши — Чехословакия, контакты с которой имеют давние исторические традиции, а характер межгосударственных отношений претерпел качественные изменения тоже в послевоенные годы.

А. К. Кавко успешно выполнил задуманную работу, завершающуюся показом интернационального единства трудящихся Польши с народами других стран социализма.

А. Носкова

«Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв.». М., «Наука», 1976, 343 с.

Коллективный труд «Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв.» посвящен истории театральной культуры, ее социальной функции и месту в общественной жизни народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период с середины XVIII в. до 70-х годов XIX в.

Труд создан на базе сектора историко-культурных проблем Института славяноведения и балканистики АН СССР¹.

¹ Редколлегия: И. А. Богданова, А. А. Гершкович, В. И. Злыднев, Л. Н. Титова.

Проблематика, которую охватывает книга, слабо разработана в науке. В советском театроведении это первое специальное исследование отдельных сторон театрального искусства народов Центральной и Юго-Восточной Европы на заре его самоопределения как особой сферы национальной художественной культуры. Новизна рецензируемого труда состоит и в подходе к проблеме. Театр рассматривается как активный фактор общественной жизни, как художественная деятельность, тесно связанная с перестройкой общества в духе нового времени и в свою очередь воздействующая на этот процесс. Развитие театральной жизни представлено в книге в комплексе историко-культурных проблем региона.

Книга охватывает основополагающий период складывания национальных культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Развитие художественного творчества протекало под знаком тесного сплетения отечественных традиций с новыми художественными завоеваниями, сосуществования разнородных и, казалось бы, несовместимых стилевых направлений, сложного взаимодействия культур угнетающих и угнетенных наций в самом регионе и, наконец, включения народов Центральной и Юго-Восточной Европы, до этого отстававших в культурном развитии от Западной Европы, в общеевропейский культурный процесс. Это важный, но также крайне сложный для исследования отрезок времени.

Рецензируемый труд по типу научных исследований представляет переходную форму от сборника статей к коллективной монографии. От последней его отличают различные точки зрения на театральную культуру; от общепринятого сборника статей — цельность исследования различных авторов, подчиненных общей задаче. Подобная конструкция работы позволила исследователям поставить широкий круг вопросов, проявить оригинальность в видении отдельных сторон театральной жизни разных народов, но в то же время обусловила известные лакуны в разработке проблемы.

Принципиальное значение имеет предпринятое А. А. Гершковичем в обобщающей статье «Театр и национальная культура (к постановке проблемы)» обоснование определенной схожести условий и близости процессов развития театральной культуры у народов Центральной и Юго-Восточной Европы при всех национальных особенностях искусства. А. А. Гершкович обоснованно ищет истоки общих тенденций в театральном творчестве народов данного региона в особенностях социально-экономического развития, сходстве или близости исторических судеб этих народов. Нет сомнения, что и национальный вопрос, которому автор уделяет большое внимание, нало-

жил серьезный отпечаток на культурный процесс в указанной части Европы. Проводя сравнение развития Западной Европы эпохи Ренессанса и Просвещения и Восточной Европы изучаемого времени, автор видит различия в общественной значимости национального вопроса и степени его воздействия на художественную культуру. На наш взгляд, главное отличие коренится глубже. Оно заключается в разных типах национального вопроса в Западной и Восточной Европе. Если на Западе, возникнув в конце средневековья, он сводился к преодолению феодально-абсолютистских преград развитию наций и образованию национальных государств, то в Центральной и Юго-Восточной Европе он был связан не только с ликвидацией феодальной обособленности частей отдельной национальной территории, но и с уничтожением внешнего инационального гнета. Что же касается места национального вопроса в общественной жизни, и здесь и там он был частью широкой формационной проблемы перехода от феодализма к капитализму.

Большой и сложной является проблема типологических различий культурных процессов внутри рассматриваемого региона. Выделение субрегионов оправданно, но внутрирегиональная специфика ими не ограничивается. Во всяком случае северную Адриатику с точки зрения типа аграрных отношений, роли городов-коммун, общественной атмосферы, культурных традиций и связей безоговорочно нельзя отнести ни к одному из указанных субрегионов, хотя в рассматриваемое время шел процесс ее включения в хорватскую и словенскую сферы национальной жизни.

В связи с вопросом о субрегионах следовало отметить историческое значение революции 1848—1849 гг. как в плане периодизации, так и ее воздействия на все стороны жизни народов Центральной Европы. Именно она хронологически разделяет здесь феодальную и капиталистическую формации.

Культура молодых наций складывалась в XIX в. в процессе сложного взаимодействия культурного опыта, накопленного народами в процессе исторического развития, и внешних идейных и художественных влияний, но главное — в результате глубокого переосмысления национальной художественной интеллигентной культурных традиций и духовных заимствований в ходе создания нового идейного содержания искусства и поисков новых художественных форм в соответствии с общественными идеалами времени. Театральное искусство не составляло исключения, хотя насыщенность театральных традиций у отдельных народов Центральной и Юго-Восточной Европы была неодинаковой. Поляки и хорваты имели старинную театральную культу-

ру. В статье Л. А. Софроновой «Дидактическая функция польского театра эпохи Просвещения» раскрывается тема преемственности театрального искусства. Л. А. Софронова показывает черты сходства первого польского профессионального общедоступного театра со школьным театром. Но при этом хотелось бы, чтобы более четко была проведена мысль о разной социальной направленности дидактической функции того и другого.

Связям театра с музыкальным творчеством посвящена богатая фактическим материалом статья И. Ф. Балзы «Театральная культура западославянских народов и роль музыки в ее развитии». Формирование художественной культуры польской, чешской, словацкой наций представлено в ней как неразрывный процесс становления разных видов искусства и их взаимодействия.

Сквозной нитью в коллективном труде проходит мысль о связи развивающейся театральной культуры с народным творчеством, о фольклоре как духовной и художественной первооснове нового театра, об его ориентации на широкого зрителя. Хотя фольклорные истоки национальной драматургии и сценического искусства не стали предметом самостоятельного исследования, собранный в книге фактический материал, наблюдения авторов рисуют многоликую картину строительства национальной театральной культуры в изучаемых землях и странах на народной основе.

В центре обстоятельной статьи Л. Н. Титовой «Театр и чешская городская культура конца XVIII в.» проблема — театр и общественная среда. Автор отмечает многостороннюю связь чешского театра с социальной жизнью города, решение чешским театром насущных задач национального развития. Ю. И. Ритчик в статье «Театр и национальное самосознание (из истории чешского национально-патриотического движения за создание Национального театра)» обращает внимание на прямое соотношение между ростом национального самосознания и уровнем развития театрального искусства.

Особенностью художественной деятельности у народов Центральной и Юго-Восточной Европы было ее развитие как фактора национально-освободительной борьбы. Театр рождался как общественная трибуна, пропагандист национальных идей. Эта «региональная специфика» театра обстоятельно раскрывается на страницах книги. Живо и образно она представлена, в частности, в статье М. Брадистиловой «Болгарский театр 60—70-х годов XIX в. и национально-освободительное движение».

Значительно слабее показано в книге проявление в театральной сфере общественных внутринациональных коллизий, идейных и художественных столкновений.

Об этом говорится лишь вскользь в статьях И. Ф. Балзы, М. В. Фридмана, Ю. И. Ритчика. Последний обращает внимание на борьбу младочехов и старочехов за национальный театр в 60—70-х годах XIX в. При этом автор видит в ней фактор, осложнявший положение чешского театра. В действительности борьба прогрессивных сил в области культуры поднимала культурный процесс на более высокую ступень развития.

XIX век был временем не только оттаивания, но и сближения культур европейских народов. Находясь в диалектическом единстве, эти процессы отражали тенденции развивавшегося капитализма. Положительной стороной коллективного труда является освещение истории театра в Центральной и Юго-Восточной Европе в тесном взаимодействии театрального творчества разных народов внутри региона, на фоне их культурных контактов с Западной Европой и Россией. Эти сюжеты затронуты многими авторами.

В статье А. В. Даниловой «От любительского театра к профессиональному (к истории сербского, хорватского и словенского театров)» на материалах развития театрального творчества этих родственных народов прослеживается процесс их культурного сближения, фиксируется исторический момент ломки конфессионального барьера, веками разделявшего культуры сербов и хорватов. М. В. Фридман раскрывает особенности складывания репертуара национального театра в Дунайских княжествах в 30—40-х годах XIX в., рассматривая его в контексте европейской культуры. Т. А. Путищева в статье «Проблемы австрийского театра в его связях с театром венгров и славян (конец XVIII — начало XIX в.)» показала роль театра в межнациональных контактах. В работе сделан акцент на положительное воздействие австро-немецкого театра на культурную жизнь населения немецких земель Габсбургской монархии. Такая постановка вопроса могла бы оказаться одной из сторонней, если бы другие авторы — А. А. Гершкович, А. В. Данилова, Л. Н. Титова — не показали сложность взаимодействия австро-немецких передвижных трупп с интонационной средой.

В труде характеризуются взгляды передовых национальных деятелей на общественное назначение театра. Эти данные важны для более глубокого понимания истории общественной мысли народов Центральной и Юго-Восточной Европы в целом.

В приложении к книге даны документы и материалы, дополняющие содержание отдельных статей.

Статьи и материалы, представленные в коллективном труде, подводят к главному выводу об общественной значимости театра в жизни народов Центральной и Юго-Восточной Европы, о важной роли.

театра, в утверждении самобытности национальной культуры, в воспитании личности и общества на принципах патриотизма и высокой нравственности, в утверждении национального самосознания, в духовном противостоянии народов национальному угнетению.

Этот труд вносит определенный вклад

в марксистскую разработку театроведения и истории культуры в целом. Книга написана с пониманием важности изучения общественных явлений, сближавших народы в прошлом, выявления интернационального содержания искусства.

И. И. Лещиловская

Г. ГЕРМАНОВ. Окървавено навечерие (България и българите в руската литература). Варна, 1976, 350 с.

Автор рецензируемой книги «Окровавленный канун (Болгария и болгары в русской литературе)» Георгий Германов — видный болгарский русист, писавший о Пушкине, Лермонтове, Некрасове, Тургеневе, Достоевском и др. Его новая монография примечательна тем, что она превосходно соединяет решение актуальной научной задачи со стремлением содействовать укреплению болгаро-советской дружбы.

В настоящий момент русское влияние на болгарскую литературу XIX в. уже достаточно изучено, и требуется осветить и обратное воздействие. Конечно, эти взаимные влияния ни по силе, ни по формам своего проявления неравнозначны, как неодинаковы были они и в XIV в., когда дающей литературой была болгарская. Однако одностороннее изучение только достижений дающей литературы, их трансформации в воспринимающей среде и т. д. с течением времени становится все менее оправданным. При таком одностороннем освещении невозможно выявить ни того, какими международными связями обогащала себя дающая литература, ни того, какое место занимают во всеобщем литературном развитии воспринимающие литературы. Поэтому можно только приветствовать начинание Э. Георгиева, В. Велчева, Г. Германова и других ученых, обратившихся к выявлению «следов» болгарского воздействия на русскую литературу.

Особого внимания под этим углом зрения заслуживает рецензируемая книга Г. Германова — первый опыт обобщенного освещения болгарских мотивов в русской литературе XIX в.

Во «Введении», говоря о задачах и принципах своего исследования, автор поясняет, что обращение русских писателей к болгарской проблематике — это «процесс, обусловленный сложным комплексом причин социально-политического, культурного и собственно литературного характера» (с. 6). Чтобы воссоздать его во всей полноте, как того требует историческая истина, исследователю

приходится останавливаться на творчестве всех, в том числе и второстепенных, литераторов, касавшихся болгарских проблем. Однако обстоятельность не должна оборачиваться попытками воскресить забытых «авторов и произведения», не представляющие эстетической ценности (с. 6). Следует постоянно иметь в виду, что изображение Болгарии и болгар для русских литераторов было лишь частью той международной тематики, которая «должна рассматриваться с учетом закономерностей самой русской литературы» (с. 7). Такая методологическая установка и помогла Г. Германову избежать как недооценки, так и преувеличения роли болгарских мотивов в истории русской литературы.

Г. Германов полагает, что болгарское влияние на русскую литературу XIX в. шло не по каналам литературных контактов, а реализовалось в форме непосредственных откликов на события в Болгарии. Подробный анализ этой формы болгарского влияния на русскую литературную жизнь составляет одно из основных достоинств труда Г. Германова. Он убедительно доказывает, что интерес к Болгарии у русской общественности был обусловлен ее горячим сочувствием многострадальному болгарскому народу, с которым Россию многое связывало.

В истории развития этого интереса Г. Германов выделяет три органически связанных между собой идейно-тематических цикла, хронологически связанных со следующими периодами: а) с 20-х годов XIX в. до Крымской войны; б) Крымская кампания; в) Апрельское восстание 1876 г. и русско-турецкая война 1877—1878 гг. Эти циклы отражены соответственно в трех разделах книги: «Великое начало», «Прояснение идеалов» и «Окровавленный канун».

Первый раздел посвящен А. С. Пушкину, В. Г. Телякову, И. П. Липранди, А. С. Хомякову, А. Ф. Вельтману и В. Г. Белинскому. Автор отмечает, что «болгарская тема входит в русскую литературу в момент, когда формируется ее

интернациональная, славянская и балканская тематика» (с. 13). Он подчеркивает принципиальные различия в трактовке болгарских проблем у разных писателей и обращает внимание на эволюцию их взглядов, отражавших сдвиги в болгарской и русской жизни. Особое значение придает ученым тому, что значателем болгарской тематики в русской литературе явился Пушкин, создатель повести «Кирджали». Высказав немало любопытнейших наблюдений, касающихся истории творческого замысла этого произведения, его сюжета, прототипа и т. д., Г. Германов фактически обосновал ту мысль, что повесть «Кирджали» должно рассматривать в ряду таких пушкинских произведений, как «Дубровский» и «Капитанская дочка», что она тоже связана с целостным процессом в развитии гражданско-политического мышления Пушкина, с его философией истории» (с. 33). Для изучающих русский исторический роман немалый интерес представляет также анализ повести Вельмана «Райна, королева болгарская» (1843).

Во втором разделе, знакомящем читателей с преломлением болгарской тематики в поэзии А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, Ф. И. Тютчева, в произведениях Л. Толстого и Тургенева, в публицистике Добролюбова и Чернышевского, центральное место занимает разбор тургеневского романа «Накануне».

Наиболее интересной главой третьего, самого обширного раздела — «Окровавленный канун» — является глава «Ф. М. Достоевский и болгары». Проанализировав фрагменты «Дневника писателя» (с середины 1876 г. по ноябрь 1877 г.), касающиеся трагических событий на Балканах, и письма, Г. Германов пришел к заключению, что кровавая расправа над болгарами после Апрельского восстания, усилив отрицательное отношение Достоевского к буржуазной цивилизации, заставила его «уточнить некоторые свои суждения и выводы по социальным, философским и политическим проблемам» (с. 212). Из главы «Василий Немпрович-Данченко и болгары» мы узнаем, что брат известного режиссера был тем русским беллетристом, в творчестве которого жизнь Болгарии представлена наиболее полно. Наряду с освещением борьбы «Отечественных записок» Некрасова и Салтыкова-Щедрина за правильную ориентацию русского общественного мнения в болгарском вопросе, откликов В. М. Гаршина, Л. Н. Трефолева, Я. П. Полонского, К. М. Станюковича, В. А. Гиляровского, Г. И. Успенского и др. на болгарские события, в третьем разделе рассматриваются также произведения братьев Василия и Александра Верещагиных, дневник полковника М. Газенкампа, мемуары генерала П. П. Карцева, письма профессора С. П. Боткина и сообщения корреспондента «Московских ведомостей» князя Л. В. Шаховского. Для полноты картины и выявления ее неоднородности, ее противоречивости здесь разбирается также детективно-приключенческий роман В. В. Крестовского «Тамара Бендавид» и даже сочинение С. С. Окрейдца, противопоставлявшего себя тому единодушью, с каким поддерживала болгарское освободительное движение вся русская демократия.

Важнейшие выводы, к которым приходит автор, сводятся к двум положениям. Во-первых, в освещении болгарских мотивов в русской литературе по-особому проявляется та же идейно-общественная борьба, которая характерна для всего литературного развития России XIX в. Во-вторых, болгарская проблематика «представлена в русской национальной литературе не слабее, чем проблематика, взятая из жизни других европейских народов» (с. 332).

Очерки об отдельных писателях, как правило, заканчиваются краткой информацией о рецензии их произведений в Болгарии — происходит как бы замыкание цепи болгаро-русского литературного взаимодействия.

Книга Г. Германова не лишена некоторых пробелов и неточностей. Но не они определяют ее облик. Обстоятельное освещение болгарского влияния, испытанного русской литературой XIX в., не только обогащает наше представление о ее международном начале, но и создает фактическую основу для оценки роли двусторонних болгаро-русских связей и уточнения степени их действительной взаимобусловленности в процессе становления всемирной литературы, где каждая национальная литература выступает уже не сама по себе, а в многообразных отношениях с другими литературами и несет на себе отпечатки их воздействия. Вместе с тем труды такого рода повышают интерес со стороны зарубежной общественности (в данном случае болгарской) к инациональной литературе, чутко откликавшейся на жизненные потребности другого народа, и тем способствуют росту международного авторитета этой литературы, укреплению ее позиций в общечеловеческом культурном фонде. Поэтому, на наш взгляд, болгарский рецензент книги Г. Германова не без оснований утверждает, что ее появление «накануне столетней годовщины освобождения Болгарии от османского ига является выражением признательности к великому освободительному делу братского русского народа»¹.

И. К. Горский

¹ П. Т ро е в. Фундаментальный труд, посвященный болгарской теме в русской литературе. «Болгарская русистика», 1977, № 2, с. 84.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ в 1977 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Аболтин В. Революция, преобразившая мир. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1977 г. М., 1977.

Александров С. В. Критика буржуазных, реформистских и ревизионистских фальсификаций мирового революционного процесса в условиях научно-технической революции. В кн. Научно-технологическая революция и мировой революционный процесс. Киев, 1977.

Бутенко А. Международное значение концепции развитого социализма. Мировая экономика и международные отношения, 1977, № 10.

Вировский М. Польская Народная Республика: стратегия динамичного развития. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1977 г. М., 1977.

Гусак Г. Верность заветам Октября. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1977, № 11.

Ентяков В. Г. Процесс всестороннего сближения социалистических стран и некоторые вопросы развития сотрудничества молодежи союзных стран. В кн. Некоторые проблемы современного международного молодежного движения. М., 1977.

Жромская И. П. Критика буржуазных и ревизионистских извращений природы и роли классов при социализме. В кн. Актуальные проблемы современной идеологической борьбы. М., 1977.

Клепацкий Л. Н. Ведущая сила стран социалистического содружества. Рабочий класс и современное мир, 1977, № 6.

Кондакова Н. И. Исторический опыт Великого Октября и его международное значение. Вопр. истории КПСС, 1977, № 10.

Красавин Э. К. XXV съезд о дальнейшем укреплении дружбы и сотрудничества социалистических стран. В кн. По заветам В. И. Ленина. Некоторые вопросы сов. внешней политики и дипломатии, вып. 5. М., 1977.

Кузнецов М. ЧССР: программа строительства развитого социализма. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1977 г. М., 1977.

Лапшин А. О. Характер закономерностей развития мировой системы социализма и их взаимодействие. В кн. Вопросы политического и экономического развития стран социализма. М., 1977.

Лилов А. Великий Октябрь и сов-

ременный социальный прогресс. Вопр. истории КПСС, 1977, № 10.

Лилов В. Торжество идей и дела Октября. В кн. Великий Октябрь и современность. М., 1977.

Маргулик П. Великая сила социалистического интернационализма. Вестн. Моск. ун-та. Теория науч. коммунизма, 1977, № 5.

Международная теоретическая конференция. «Коммунист», 1977, № 15.

Международный симпозиум, посвященный Октябрю. Мировая экономика и международные отношения, 1977, № 10.

Мелихар В. Возникновение народно-демократических государств и переход к строительству социализма — проявление основных социально-экономических изменений после второй мировой войны. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Мокроусов В. Укрепление социалистических стран и закономерность их постепенного сближения. Коммунист Сов. Латвии, Рига, 1978, № 1.

Новашин Ю. Буржуазные фальсификации принципов взаимоотношений стран социализма. Полит. самообразование, 1977, № 5.

Общее и особенное в историческом опыте строительства социализма в разных странах. В кн. Интернациональная сущность научного коммунизма. М., 1977.

Орлик И. И. Октябрь и мировой социализм. Вопр. истории, 1977, № 10.

Павлова-Сильванская М. П. К вопросу о сочетании общего и особенного в социалистическом строительстве в европейских социалистических странах. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Пономарев Б. Н. Борьба против антикоммунизма — важнейшее условие успеха революционных сил современности. В кн. Пономарев Б. Н. Избранное. Речи и статьи. М., 1977.

Пономарев Б. Н. Мировая обстановка и революционный процесс. В кн. Пономарев Б. Н. Избранное. Речи и статьи. М., 1977.

Рудakov Е. Народная Республика Болгария: по пути повышения эффективности и качества. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1977 г. М., 1977.

Семенова Л. С. Польская Народная Республика. В кн. Научно-техническая политика стран социализма. М., 1977.

Скшипек А. Этапы политико-экономического развития Польской Народной Республики (1944—1971 гг.). Вопр. истории, 1977, № 12.

Смирнов Г. В. Научная конференция «Политическое и экономическое сотрудничество стран СЭВ и развивающихся стран Африки». «Народы Азии и Африки», 1977, № 4.

Станишев Д. Социалистическая Болгария — воплощение идей Великого Октября. В кн. Великий Октябрь и современный мир. Прага, 1977.

Терехов В. Ф. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. В кн. Научно-техническая политика стран социализма. М., 1977.

Томицкий Я. Великая Октябрьская социалистическая революция и Польша. Вопр. истории, 1977, № 12.

Тягуненко Л., Каменецкий В. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1977 г. М., 1977.

Филипов Г. Великий Октябрь, общие закономерности и национальные особенности социалистической революции и строительства нового общества. В кн. Великий Октябрь и современная эпоха. Междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 60-летию Великой Октябрьской соц. революции (Москва, 10—12 ноября 1977 г.). М., 1977.

Фойтик Я. Всепобеждающая сила идей марксизма-ленинизма. В кн. Великий Октябрь и современный мир. Прага, 1977.

Фрелек Р. Революция, преобразующая мир. В кн. Великий Октябрь и современный мир. Прага, 1977.

Шахназаров Г. Х. XXV съезд КПСС о развитии мировой социалистической системы. В кн. Проблемы международной политики КПСС и мирового коммунистического движения. Материалы Всесоюз. науч.-теорет. конф. «XXV съезд КПСС и развитие марксистско-ленинской теории». М., 1977.

Ширяев Ю., Баковецкий О. Великий Октябрь и мировое социалистическое содружество. Эконом. науки, 1977, 10.

Ширяев Ю. С., Яковлев А. Г. Социалистическое содружество и его пекинские недруги. «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 3.

Яблонский Г. Наш праздник. «Коммунист», 1977, № 14.

2. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Антосяк А. В. Главные направления политического и военного сотрудничества государств — участников Варшавского договора. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Базылев Л., Войцеховский М. Критика буржуазной историо-

графии, касающейся характера польско-советских отношений. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Быков О. Международные отношения в 1976 г. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1977 г. М., 1977.

Владимиров Н. Важный этап в развитии советско-югославских отношений. Междунар. жизнь, 1977, № 10.

Волков В. К. Защита Советским Союзом на международной арене интересов народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Волков Ф. Д. Варшавский договор — фактор мира и безопасности. В кн. Советская Программа мира в действии. М., 1977.

Вопросы мирного урегулирования с бывшими союзниками Германии. В кн. История внешней политики СССР. 1917—1976, т. 2. 1945—1976. М., 1977.

Гавлин Й. Единство — залог успехов коммунистического движения. В кн. Великий Октябрь и современная эпоха. Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Великой Октябрьской соц. революции (Москва, 10—12 ноября 1977 г.). М., 1977.

Горбачев Б. В. Социалистическое содружество как новый тип международных отношений. Вопр. истории КПСС, 1977, № 9.

Добросельский М. Борьба социалистических стран за безопасность и сотрудничество в Европе. В кн. За Европу мира и прогресса. М., 1977.

Добросельский М. Мирная стратегия социализма. Мировая экономика и междунар. отношения, 1978, № 1.

Добросельский М. Польша и европейская безопасность. В кн. Добросельский М. Вопросы теории и практики мирного сосуществования. М., 1977.

Добросельский М. После радужных надежд и разочарования. В кн. Добросельский М. Вопросы теории и практики мирного сосуществования. М., 1977.

Добросельский М. Принципы и направления сотрудничества Польши и СССР в области внешней политики. В кн.: Добросельский М. Вопросы теории и практики мирного сосуществования. М., 1977.

Добросельский М. Сотрудничество между ПНР и СССР в области укрепления единства мировой социалистической системы, упрочения мира во всем мире, обеспечения безопасности в Европе и оказания помощи национально-освободительному движению. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Жыгня К. Л. Борьба Советского Союза за дипломатическое признание

правительство Болгарии и Румынии на первом этапе мирного урегулирования (1945 г.). В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Ж и г н я К. Л. Режим наибольшего благоприятствования и позиция западных держав в мирном урегулировании с Болгарией, Венгрией и Румынией (1945—1946). В кн. Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев, 1977.

Ж у к о в Е. М. Братская дружба и сотрудничество народов Советского Союза и Польской Народной Республики — воплощение принципов социалистического интернационализма. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

З а г л а д и н В. Берлинская конференция коммунистических и рабочих партий Европы. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономка. вып. 1977 г. М., 1977.

З е е б е р Е. Внешнеполитическая концепция СССР о демократическом мирном урегулировании в Европе в 1943—1945 гг. Первые двусторонние соглашения СССР с Чехословакией и Польшей. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

К а в к о А. К. Роль революционных традиций в формировании братского союза СССР — ПНР (1944—1948 гг.). В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

К а в к о А. К. Укрепление дружбы и сотрудничества между СССР и ПНР. В кн. Строительство социализма в Польской Народной Республике. Киев, 1977.

К а т у ш е в К. Ф. Братский союз. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

К о в а л ь с к и й В. Т. Защита Советским Союзом национальных интересов польского народа на Потсдамской конференции. В кн. Под знаменем боевой дружбы. М., 1977.

К о в а л ь с к и й В. Т. Союз Польши и Советского Союза. Вопр. истории, 1977, № 12.

К о л о д н и к о в а Л. П. Освещение истории советско-чехословацких отношений 1945—1955 гг. в советской литературе и документальных изданиях. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

К о с т ю ш к о И. И. Советская внешняя политика и ее значение для освободительной борьбы польского народа. В кн. Под знаменем боевой дружбы. М., 1977.

К у л и к о в В. Варшавский договор — военно-политический союз братских народов и армий. Воен.-ист. журн., 1977, № 11.

Л а к о ш Ш. Успехи социалистических стран и маневры антикоммунизма. В кн. За Европу мира и прогресса. М., 1977.

Л и п с к и й А. Е. ПНР в борьбе за мир и безопасность в Европе. В кн. Строительство социализма в Польской Народной Республике. Киев, 1977.

М а к а р Ю. I. Борьба СРСР за справедливе міжнародно-правове вирішення польської проблеми (1944—1947). «Проблеми слов'язнознавства», Київ, 1977, вип. 16.

М а н у с е в и ч А. Я. Развитие социалистического содружества и формирование новых межгосударственных и международных отношений. В кн. Великий Октябрь и национальный вопрос. Ереван, 1977.

М а т о х и н а О. А. Антикоммунизм и принципы взаимоотношений социалистических стран. В кн. Вопросы политического и экономического развития стран социализма. М., 1977.

М е л ь н и к о в а И. Н. Участие Советской Украины в сотрудничестве с европейскими странами социализма (некоторые аспекты исследования проблемы). В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

М и к у л ь с к и й К. Современный этап реализации преимуществ социализма. «Коммунист», 1977, № 16.

М и л я к о в а Л. Б. О некоторых идеологических установках американских буржуазных авторов в отношении ПНР. В кн. Вопросы политического и экономического развития стран социализма. М., 1977.

М о р о з В. К. Интернациональное единство ПНР со странами социалистического содружества. В кн. Строительство социализма в Польской Народной Республике. Киев, 1977.

М у н т я н М. А. Борьба СССР и придунайских народно-демократических государств за справедливый судоходный режим Дуная после второй мировой войны. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Н а к о в А. Болгарско-советские отношения в системе политического сотрудничества европейских социалистических стран. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Н е ж и н с к и й Л. Н. СССР и укрепление социалистического содружества. В кн. Советская Программа мира в действии. М., 1977.

Н о в о п а ш и н Ю. С. Критика буржуазных концепций социалистических межгосударственных отношений. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Н о в о т н ы й Л. Патриотизм и интернационализм. В кн. Великий Октябрь и современный мир. Прага, 1977.

П е т е р с И. А. Советско-чехословацкое сотрудничество в 1948—1974 гг. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

С а н а к о е в Ш. П. Образование мировой системы социализма и коренное изменение соотношения сил на международной арене. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

С а н а к о е в Ш. П. Социалистическая внешняя политика — важнейший

фактор мира и прогресса. В кн. Советская Программа мира в действии. М., 1977.

Симонидес Я., Мультан В. Проблема международной безопасности в Программе мира и внешняя политика СССР. В кн. Советская Программа мира в действии. М., 1977.

Сиполс В. Я. Советская дипломатия в борьбе за справедливое и демократическое послевоенное мирное урегулирование. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Солодухин Ю. Укрепление братского сотрудничества стран социализма. Междунар. жизнь, 1977, № 12.

Станишев Д. Путем Великого Октября. В кн. За Европу мира и прогресса. М., 1977.

Степанов А. И. Координированная внешняя политика социалистических стран — важный фактор воздействия на международные отношения. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Тихвинский С. Л. Об издании документов по некоторым внешнеполитическим проблемам, поставленным в Программе мира. В кн. Советская Программа мира в действии. М., 1977.

Толстой В. С. Вклад Белорусской ССР в укрепление советско-польского сотрудничества. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Федосеев П. Н. Международная солидарность — могучая сила освободительного движения. В кн. Великий Октябрь и современная эпоха. Междунар.

науч. конф., посвящ. 60-летию Великой Октябрьской соц. революции (Москва, 10—12 ноября 1977 г.). М., 1977.

Фирсанов В. К. Ленинский внешнеполитический курс СССР на Балканах — курс на укрепление позиций социализма и мира. В кн. По заветам В. И. Ленина. Некоторые вопросы сов. внеш. политики и дипломатии, вып. 5. М., 1977.

Хренов И. А. Братское сотрудничество Советского Союза и народной Польши. В кн. Под знаменем боевой дружбы. М., 1977.

Хренов И. А. Основные направления советско-польского сотрудничества в послевоенный период. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Цапанов В. И. Мирное сосуществование и идеологическая борьба. В кн. Советская Программа мира в действии. М., 1977.

Штепанек Ю. Вклад Чехословакии в укрепление социалистического сотрудничества. В кн. Советская Программа мира в действии. М., 1977.

Штефаняк М. Согласование политики, координация действий стран социалистического содружества. В кн. За Европу мира и прогресса. М., 1977.

Якеш М. Могучий братский союз. Междунар. жизнь, 1977, № 11.

Янин А. А. Некоторые вопросы становления и развития советско-чехословацких отношений (1945—1948 гг.). В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Język Polski», 1977, № 3

Е. Островская. Лингвистический комментарий к стихотворению Т. Новака «Глухонемые»; З. Кемпф. Как возникло польское слово *oszołomić*? О функциях приставок **owz-* и **o-*; Я. Венгер. Интеграция лексик на Щецинском Поморье. Терминология родства, свойства, семейных отношений; Э. Бреза. Параллелизм *t:k* и его следы в названиях Гданьского Поморья; М. Бжезинова. Неопубликованные высказывания о языке, относящиеся к XIX в. Учебник Яна Новиньского; Б. Крея. Словообразовательные мелочи; 13. *Rodzic* 'отец или мать', 14. *Muzykant* (и др. сингулятивы на *-ant*); Я. Годынь. *Jlicz*, *Llicz*, *Licz* или юбилейные размышления о принципах транскрипции русских слов.

№ 4

Ф. Славский. К юбилею проф. Евы Островской; В. Любась. Литературная организация рифмы у Яна Коха-

новского; К. Писаркова. Профессия — поэт; З. Салони. О пунктуационном отделении члена предложения; Э. Хома. Изменения в языке деревни на Центральном Поморье за послевоенное 30-летие; Б. Крея. О глаголах типа *przebudować* 'перестраивать', известных на Коцежье; Г. Поповска-Таборска я. О древнейшем членении польской языковой территории; З. Издебская. Еще о суффиксе *-arnia*.

№ 5

Я. Сятковский. О некоторых языковых особенностях чешской Силезии Тешиньской; Р. Ляковский. Почему лучше *lepszy*? (дополнение Я. Сафаревича); М. Куцала. Окончание *-ę* вин. п. ед. ч. женск. рода прилагательных в свете новейших диалектологических исследований; М. Бжезинова. Диалектные существительные женского рода с основой на твердый согласный типа *ta łodyg, ta łeb*; Э. Бреза. Фамилия *Krofej*; М. Карплюк. Из лексики XVI в.: *kołomyjka* — соль из Коломыи;

Я. О ж д ж и н ь с к и й. Черты стиля газетных спортивных известий.

«Български език», 1977, № 4

Е. Г е о р г и е в а. Состояние и проблемы болгарской научно-технической терминологии; Э. М о м и р о в. Некоторые проблемы нормативной научно-технической терминологии; Э. П е р и н с к а. Некоторые семантические особенности терминов с точки зрения связи с общенародным языком; М. П о п о в а. Синтагматическая классификация глаголов в современном болгарском литературном языке; Ст. С т е ф а н о в а. Статистический анализ абстрактных имен существительных в публицистике Л. Каравелова и Хр. Ботева.

№ 6

Д. М и р ч е в а. Задачи изучения церковнославянского языка; Б. В е л ч е в а. Проблема глаголического «и» и Рилские листки; И. Х а р а л а м п и е в. Степени наречий в языке Евфимия Тырновского; М. С. М л а д е н о в. Заметки о говоре села Куфалово (Солунско).

«Език и литература», 1977, № 5

С. Р у с а к и е в. Три советских поэмы о Георгии Димитрове. И. Н е д е в. Разграничение двух синтаксических явлений: контекстуально обусловленный эллипсис и усеченные предложения; П. С т. П е н е в. К характеристике среднеболгарской орфографической системы; Ц. Ж е л е з я к о в а. О сложных словах в современном болгарском языке; В. М и х а й л о в. Пейзаж у Чудомира.

«Slavia», 1977, № 3

Советское языкознание на страницах журнала «Slavia»; Я. Д а ш к е в и ч. К истории украинского г; Э. М и х а л е к. О библейских именах у Кларета; Й. В л а ш е к. Пьеса Малинка о Цишинском. (К вопросу о развитии современной лужицкой драматургии); Д. Г о д р о в а. Символика «Маринки» Махи; А. Г р а с с х о ф ф. О политической роли русской литературы конца XVIII в. в восстании декабристов 1825 г.

«Slovo a slovesnost», 1977, № 3

В. Г а в р а н е к. «Slovo a slovesnost» к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции; К. Г о р а л е к. Теория знака и философия языка; Г. Ф а с с к е. К вопросу о соотношении нормы и узуса; С. Р о м п о р т л. О теоретической концепции сложного высказывания; Э. С к а л а. О возникновении и развитии чешско-немецкого билингвизма; А. М а ц у р о в а. Функции и развитие образов в «Веселом лете» Ванчур.

№ 4

В. С к а л и ч к а. К 70-летию П. Троста; К. Г о р а л е к. Слово, предложение и высказывание; Б. Г а в р а н е к. Один из путей проникновения средиземноморской лексики в древнечешский язык; П. Н о в а к. Эмпирический vs вербальный подход в лингвистике; Ф. К о п е ч н ы й. Об условиях этимологической реконструкции; А. Э р х а р т. Медий в германском и других западноевропейских языках; И. Н е м е ц. О развитии функций инфинитива в чешском и литовском; Ф. Д а н е ш. К вопросу о членах предложения; П. С г а л л. Семантическая база и прагматика; Й. Ф и л и п е ц. О некоторых проблемах семантики слова; Б. Т р и к а. Существует ли нулевая фонема?; М. Р о м п о р т л. Велярные и ларингальные фрикативы в фонологических системах; Э. П а у л и н и. Слоговые [r], [l] в словацком; М. Д о к у л и л. Статус так называемых собственных имен; С. У т е ш е н ы. Диастратические аспекты исчезновения немецких заимствований в чешском языке; А. Е д л и ч к а. К отношению социолингвистики и функциональной стилистики; Й. В а х е к. О материальных средствах стилистики письменного языка; К. Х а у з е н б л а с. Речь о речи в рассказе Яна Неруды; Я. П о в е й ш и л. Об одном нерифмованном стихотворении Брехта с неправильным ритмом.

1978, № 1

Я. П е т р. Классики марксизма-ленинизма о языке; М. К о м а р е к. О семантической структуре деиктических слов в чешском языке; Я. К о р ж е н с к и й. Проблемы построения лингвистических моделей на основе семантики; П. С г а л л. Синхронное сопоставление языков и его семантические основания; Я. П а н е в о в а. О семантической структуре ядра предложения.

«Slovenská reč», 1977, № 4

Я. С а б о л. Частота типов склонения слов среднего рода в чешском языке; М. М а р с и н о в а. Названия движений по имени собственному; М. М а й т а н о в а. Словацкая ботаническая терминология в так называемом Гемерском рецептадии.

№ 5

Ш. П е ц я р. К 60-летию Великого Октября; Й. М л а д е к. «Очарование послонца» Рисулы и фразеология; Л. Д в о н ч. Лок. ед. ч. о *kojovi*, *na koni*; К. П а л к о в и ч. Рукопись «Горняцкой книги» XVII—XVIII вв.

VIII ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ

1—4 февраля 1978 г. в Донецке состоялась VIII Всесоюзная научная конференция историков-славистов, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летию образования независимых национальных государств на Балканах, а также другим актуальным проблемам истории зарубежных славянских народов.

Конференция была организована Министерством высшего и среднего специального образования СССР, Министерством высшего и среднего специального образования УССР, Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, Институтом экономики промышленности АН УССР и Донецким государственным университетом.

В ее работе приняли участие 230 человек, представлявших 82 учебных и научных учреждения 51 города нашей страны. Около 20% составляли молодые ученые, для которых конференция явилась серьезной проверкой актуальности их научных поисков. На конференции присутствовали зарубежные историки-слависты — профессор Лодзинского университета В. Бортновский и старший научный сотрудник Института истории Болгарской Академии наук К. Шарова.

Конференцию открыл председатель оргкомитета Г. Я. Пономаренко. На пленарном заседании участники конференции с большим вниманием заслушали содержательный доклад секретаря Донецкого обкома компартии Украины Г. П. Ерхова «60 лет Великого Октября и социально-экономические преобразования в Донецкой области», в котором он рассказал о достижениях трудящихся Донецчины за годы Советской власти. В докладе «Великий Октябрь и его роль в исторических судьбах народов Центральной и Юго-Восточной Европы» А. Я. Манусевич раскрыл значение Великой Октябрьской социалистической революции для развития революционного процесса в славянских странах и образования независимых славянских государств. Н. Г. Чумаченко в докладе «Экономическая интеграция — основа сотрудничества социалистических стран» рассмотрел этапы развития сотрудничества стран социалистического содружества, роль экономической интеграции для даль-

нейшего развития и выравнивания уровня экономики каждой из них.

В. Н. Виноградов в докладе «Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение балканских народов от османского ига» охарактеризовал значение русско-турецкой войны для дальнейшего развития национально-освободительного движения южнославянских народов и образования независимых национальных государств.

В докладе «Развитие исследований по истории европейских социалистических стран в Академии наук и вузах Украинской ССР» И. Н. Мельникова рассказала о результатах исследований в академических институтах и вузах УССР проблем закономерностей развития мировой системы социализма, истории зарубежных социалистических стран и формирования социалистических международных отношений. Координация работ украинских историков, отметила докладчица, осуществляется Научным советом по проблемам истории мировой системы социализма, созданном на базе соответствующих отделов Института истории АН УССР.

В докладе «Курс истории южных и западных славян в системе университетского образования» В. Г. Карасев отметил, что включение с 1945 г. в учебный план исторических факультетов университетов этого курса явилось результатом достижений славяноведческой науки в нашей стране. Современный уровень развития этой дисциплины таков, что имеются все условия для проблемного чтения курса в течение двух семестров. Особое внимание следует уделить совершенствованию методики чтения курса и изданию учебных пособий. Целесообразно издавать учебные пособия по отдельным периодам курса.

После пленарного заседания работа конференции продолжалась в восьми секциях. В первой секции были заслушаны и обсуждены доклады и сообщения, раскрывавшие роль Великого Октября в образовании независимых славянских государств, созданных коммунистических партий, их борьбу за единство трудящихся. Секция рассматривала также деятельность буржуазных и мелкобуржуазных партий, связи СССР со славянскими

странами в межвоенный период и другие вопросы. Преобладающей была польская и болгарская проблематика. С обстоятельным докладом «Великий Октябрь, крушение европейских реакционных монархий и образование независимых славянских государств» выступил И. М. Кулинич. В. П. Колесник в совместном докладе с П. М. Калениченко рассказал о роли Великого Октября в воссоздании польского государства.

Разработку национального вопроса видными деятелями Коммунистической партии Польши осветил А. Е. Клевченя; роль В. Спасского в пропаганде ленинских идей в буржуазно-помещичьей Польше — И. Я. Маращ; позицию Польской социалистической партии в аграрном вопросе — А. А. Титова; политическую ориентацию представительных организаций правящих классов Польши в 20-х годах XX в. — Г. Ф. Матвеев. И. И. Белякевич и К. И. Поздняков выступили с сообщениями об участии польских интернационалистов в борьбе за Советскую власть. Белорусско-польские экономические связи в 1921—1925 гг. охарактеризовал П. К. Кравченко, интернациональные связи трудящихся Советской Украины с трудящимися Польши в конце 20—30-х годов — В. А. Нерод и С. В. Купинская.

Г. Г. Лазько раскрыла позицию Польши по отношению к франко-советскому договору о взаимной помощи. В. П. Чугаев рассказал о борьбе трудящихся Польши против наступления фашизма в 1933—1939 гг.; Г. А. Слахубо — об участии польской молодежи в защите Испанской республики; С. И. Дорошенко — о деятельности польской секции МОПР.

Чехословацкая проблематика была представлена семью докладами и сообщениями. Совместный доклад Н. М. Гранчака и С. Ю. Пруницы раскрывал влияние Великого Октября на революционное и рабочее движение в Чехословакии, сообщения: А. В. Божук — разработку аграрного вопроса в трудах К. Готвальда; Т. А. Кургуния — советско-чехословацкий договор 1935 г. и безопасность Чехословакии; П. Н. Служенко — борьбу чешского и словацкого народов против капитулянтской политики буржуазии в период Мюнхена; В. А. Жулхевского — основные направления, формы и методы подрывной деятельности германского фашизма против Чехословакии накануне Мюнхена; Б. М. Руколь — освещение в современной чехословацкой историографии борьбы марксистской и ревизионистской концепций об образовании Чехословацкой республики.

Исследованию в советской историографии проблемы влияния Великого Октября на коммунистическое движение на Балканах посвятил доклад Е. И. Спива-

ковский. А. В. Крапивин рассказал о влиянии Великого Октября на активность революционной деятельности техных социалистов в 1917—1919 гг., Т. Ф. Маковецкая — о борьбе политических партий Болгарии в 1918—1923 гг. за массовую базу и их политических доктринах. Характеристика деятельности БКП стала темой сообщений В. Г. Дядькина, В. Ф. Ширяевой и Х. Ойматова. Проблема антифашистского движения в Болгарии, солидарности трудящихся СССР и других стран с болгарскими антифашистами раскрывалась в докладе Г. И. Чернявского и сообщениях Л. Л. Дубовой, Е. Л. Валевой и Г. А. Космач.

В. А. Кадацкий охарактеризовал движение за народный фронт, а также фашистский переворот в 1939 г. Доклад Д. Б. Мельцера посвящен болгаро-советским отношениям в первые годы монархофашистской диктатуры в Болгарии (1936—1939). Внешней политике Болгарии в 1924—1934 гг. посвятили совместное сообщение О. Н. Исаева и И. С. Кашкин; оценке всемирно-исторического значения Великого Октября Д. Благоевым — Е. Н. Андрушин; историческим взглядам Г. Димитрова — Л. А. Пашковский; участию Р. Кандеевой в женском и революционном движении в Болгарии — С. К. Мишуриева; деятельности болгарской политической эмиграции в Одессе в 1923—1924 гг. — М. Д. Дыхан. Солидарность Страны Советов с Венгерской и Словацкой советскими республиками стала темой выступления А. Ф. Бондаря, солидарность и взаимопомощь трудящихся Доббасса и пролетариата славянских стран — Е. Н. Струканова, интернациональные связи советской и югославской молодежи в 1919—1931 гг. — В. А. Тесемникова.

На второй секции обсуждались проблемы строительства социализма в зарубежных славянских странах. С обобщающим докладом «Ленинская теория социалистической революции и опыт славянских стран» выступил С. Э. Крапивенский. Б. И. Желички в своем сообщении раскрыл роль рабочего класса в борьбе за установление социалистических производственных отношений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на этапе строительства социализма, Т. Б. Ионова рассказала о партийном руководстве союзами молодежи. Остальные доклады и сообщения касались проблем истории отдельных стран.

Н. Ф. Филоненко-Алексеев проанализировал изменения в социальной структуре социалистической Польши, О. М. Швыдак и Е. И. Франчук — процесс формирования рабочего класса ПНР, а В. А. Мизяк — исследование этого вопроса в польской и советской историографии. О двух тенденциях в аграрной политике ПОРП в 1948—1955 гг. рассказал

Ю. А. Поляков. Зарождение соревнования за социалистический труд в ПНР проанализировал Л. В. Лойко. Особенный интерес вызвало сообщение В. Бортновского «Успехи культурной революции в ПНР». О провале империалистической пропаганды в отношении польской молодежи говорил В. В. Коклюхин, об отношении государства к католической церкви в ПНР — А. А. Малихин.

Проблемам строительства социализма в Болгарии были посвящены 10 докладов и сообщений. В. П. Белановский раскрыл принципы строительства развитого социализма в Болгарии; В. И. Владимирская рассмотрела вопросы исследования социальной структуры рабочего класса НРБ в современной болгарской историографии; Г. М. Ачагу — развитие кооперативных хозяйств в горных и предгорных районах Болгарии в 1958—1965 гг. Некоторые аспекты взаимосвязи демографического и социально-экономического развития НРБ в современных условиях охарактеризовал В. А. Авдеев. Идеологическая работа БКП в 40-е годы являлась темой сообщения Н. И. Леднева; на этапе строительства развитого социализма — К. И. Савицкого; о работе БКП среди молодежи рассказал М. И. Иванов. А. И. Черный подверг критике попытки буржуазных историков фальсифицировать политику БКП в вопросе индустриализации страны. Деятельность болгарских профсоюзов по осуществлению социальной политики БКП в 1971—1975 гг. раскрыла Г. Г. Сергеева. Тема структурных сдвигов в составе рабочего класса Чехословакии в годы строительства основ социализма была освещена В. В. Сухаревым. И. С. Пимоенко охарактеризовал решения X съезда СКЮ об общественном развитии СФРЮ, А. И. Слива — развитие коммунальной системы в югославской литературе 60—70-х годов.

Проблемы сотрудничества социалистических стран в строительстве социализма стали объектом обсуждения в третьей секции. В ее работе приняли участие также экономисты. А. Ф. Кизченко доложил об основных этапах развития и характере социалистических международных отношений, А. Ф. Носкова и И. И. Поп — о начальном этапе формирования нового типа межгосударственных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Девять докладов и сообщений этой секции раскрывали основные этапы развития и характер экономического и научно-технического сотрудничества социалистических стран.

О складывании экономического сотрудничества европейских социалистических стран сообщили Э. Г. Лаврик и Т. А. Покивайлова; об экономическом сотрудничестве братских стран на современном этапе — Г. М. Дроздова; о сотрудничестве членов СЭВ в области развития

атомной энергетики — Н. В. Моисеев. Е. И. Крехтин охарактеризовал вопрос совершенствования структуры общественного производства в условиях мировой социалистической системы хозяйства, а А. И. Доронченков — интернационализацию социалистической собственности в рамках СЭВ.

М. П. Паринов сделал обзор материалов партийной и советской печати УССР, раскрывающих экономическое и научно-техническое сотрудничество СССР с социалистическими странами в 1971—1975 гг. Проблемам экономического и научно-технического сотрудничества НРБ и ПНР в 1966—1976 гг. посвятил свое сообщение А. В. Петров. Л. А. Якименко и А. М. Маковская остановились на вопросах обмена производственным опытом рабочих коллективов УССР и НРБ в 1959—1970 гг.; М. Д. Римша — на связях трудящихся Житомирской области УССР и Михайловградского округа НРБ в 1966—1976 гг.; Р. И. Шевченко — на роли сотрудничества СССР и европейских социалистических стран в интернациональном воспитании советской молодежи. Три доклада и сообщения были посвящены проблематике сотрудничества в области образования и культуры. Совместный доклад В. В. Бойко, Г. Н. Попова и С. Ю. Лукаша освещал развитие сотрудничества советского и болгарского народов в области народного просвещения в 1944—1977 гг., сообщение Л. П. Мирочичко и В. С. Толстого — чехословацко-польское культурное сотрудничество в 1971—1975 гг. Л. Д. Чекаленко сделала обзор историографии по вопросу советско-польского сотрудничества в области науки и высшего образования в 1945—1975 гг.

Семь докладов и сообщений раскрывали проблемы идеологического сотрудничества в послевоенные годы. А. Н. Тельгарин проанализировал вопросы идеологического сотрудничества КПСС и КПЧ, Т. Г. Шман — укрепление сотрудничества ПОРП с Объединенной крестьянской и Демократической партиями на современном этапе. Об установлении связей между советскими и чехословацкими профсоюзами в 1945—1947 гг. рассказала С. И. Митряева. Роль молодежных организаций СССР и ЧССР в развитии советско-чехословацкого сотрудничества в 1969—1977 гг. посвятил сообщение Р. М. Постоловский; К. В. Балабанов охарактеризовал развитие дружественных связей между комсомольскими организациями Донецкой области и организацией польской молодежи Катовицкого воеводства ПНР. М. Г. Ставчев остановился на сотрудничестве советских и болгарских комсомольцев в области культуры в 1961—1970 гг. Деятельность славянских комитетов СССР и НРБ, их роль в развитии советско-болгарского сотрудничества в 1944—1948 гг. яви-

лась темой доклада Н. И. Туривненко. Сотрудничество стран социалистического содружества на международной арене осветили Э. А. Лейкин и В. Е. Скалковский.

Четвертая секция обсуждала вопросы победы над фашизмом и установления народно-демократического строя в зарубежных славянских странах. Три выступления были посвящены теме революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В. М. Алексеев рассмотрел процесс складывания революционной ситуации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны; Л. Я. Гибианский — характерные черты революций 40-х годов; Т. В. Владиславлева охарактеризовала советские и зарубежные исследования в своем докладе «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1967—1976 гг.». Н. И. Салехов подверг критике попытки реакционной буржуазной историографии фальсифицировать освободительную миссию Советского Союза в годы второй мировой войны. И. Я. Омеляненко раскрыл влияние борьбы советского народа против немецких оккупантов на рост антифашистского движения славянских народов в годы второй мировой войны. Л. Е. Леонтьева остановилась на участии славянских организаций США в движении солидарности с Советским Союзом в годы Великой Отечественной войны (1941—1943), С. С. Паливода — на участии узников из балканских стран в Бухенвальдском восстании. Преобладающая часть докладов и сообщений этой секции относилась к польской тематике.

Об исторических предпосылках установления народно-демократического строя в Польше доложил Ю. И. Макарь; Л. А. Любимский рассказал об участии польских интернационалистов в создании народного Войска Польского; Л. В. Ярош дал анализ печати польских воинских формирований на территории СССР в годы второй мировой войны. Участие поляков в партизанском движении в Белоруссии раскрыл И. О. Царюк, а С. Е. Иванчук — совместную борьбу советских и польских партизан на территории Люблинского воеводства. На участии польской демократической эмиграции в движении Сопротивления во Франции остановился А. А. Шевчук. Борьбе советской дипломатии на Крымской конференции за демократическое решение польского вопроса посвятил свое сообщение Е. Р. Симоненко. Н. А. Рудой охарактеризовал начальный этап формирования органов народной власти в Польше; В. В. Беньковский — условия формирования многопартийной системы в Польше на этапе становления строя народной демократии, а Л. А. Запкильняк — политические предпосылки соци-

ально-экономических преобразований в Народной Польше в 1944—1946 гг. М. Д. Куликковский раскрыл борьбу Польской рабочей партии за революционное решение аграрного вопроса в 1944—1945 гг. Роль народного Войска Польского в революционно-демократических преобразованиях в Польше в 1944—1945 гг. стала темой сообщения И. М. Мирошниченко. Ш. Д. Пиримкулов рассказал о польских школах в советских республиках Средней Азии в 1943—1945 гг.

Н. В. Волостнова проанализировала современную чехословацкую историографию по проблеме Словацкого вооруженного восстания.

Болгарской тематике были посвящены сообщения: А. А. Копылова — «Участие коммунистов Отечественного фронта Болгарии в подготовке и проведении выборов народного суда (октябрь 1944 — апрель 1945 гг.)» и Т. В. Игнатъевой — «Анархистское движение в Болгарии после 9 сентября 1944 г. и его ликвидация».

Югославская тематика прозвучала в выступлениях Г. М. Славина — «Советско-югославский договор 1941 г.»; С. Л. Каирова — «Взаимодействие Советской Армии в НОАЮ под Ритопеком»; А. Р. Щербакова — «Деятельность КПЮ по интернациональному воспитанию трудящихся в годы народно-освободительной борьбы»; В. Н. Казака — «Интернационалистская политика Советского Союза в отношении народов Югославии в период второй мировой войны (1939—1945)»; Б. Н. Тарасова — «Политика британского империализма в отношении Югославии (1941—1943)».

В пятой секции обсуждались вопросы рабочего, социалистического и демократического движения в последней трети XIX — начале XX в. По польской проблематике выступили П. Н. Сершенинов — о рабочем движении в Королевстве Польском в первой половине XIX в.; В. Н. Черепица — о связи Польской рабочей партии «Пролетариат» с народо-вольцами Белоруссии; Л. Е. Волькович — о первоначальном понимании «программы-минимум» польскими социалистами-интернационалистами; Х. Х. Хайретдинов — об освещении в современной польской историографии крестьянского движения в Королевстве Польском в начале XX в.; С. М. Фалькович — о русско-польском революционном союзе и польском молодежном движении в 1907—1914 гг. Г. Б. Никольская рассказала об участии поляков в событиях первой русской революции в Туркестане, А. М. Матвеев — о чехах и словаках в Туркестане накануне Великого Октября.

Болгарскую тематику представляли доклады: А. К. Мартыненко — «Поддержка Болгарии Россией в борьбе за укрепление государственного суверенитета после освобождения» и С. Ш. Гринберг — «Русско-болгарские экономические связи

в 80-е годы XIX в.», сообщения В. Н. Мороко — «Болгарские революционеры в заграничных большевистских организациях (1904—1907)» и А. П. Чицова — «Российская революционная эмиграция в Болгарии (1890—1917)».

Об отражении революционного движения в России 1902—1903 гг. на страницах сербской социал-демократической газеты «Радничке новине» сообщил С. А. Виноградов; Е. С. Позина — об обучении южнославянских уроженцев в учебных заведениях России в конце XIX — начале XX в. С. Л. Магазинер охарактеризовал позицию Италии в период Балканских войн 1912—1913 гг.

Вопросы национально-освободительного движения славянских народов в конце XVIII — 70-х годов XIX в. стали предметом обсуждения шестой секции. В. П. Чорный прочитал доклад о политике турецкого правительства в Болгарии после подавления Апрельского восстания 1878 г.; Т. В. Козберг сообщила о междонародных откликах на Апрельское восстание; Н. Н. Яковлев выступил с докладом «Помощь России в становлении болгарской государственности»; И. И. Григорьев рассказал о помощи населения Среднего Поволжья национально-освободительной борьбе южных славян (1876—1978); А. Ф. Мельничук и В. Т. Полек — об отношении прогрессивных деятелей украинской культуры к освободительной войне южнославянских народов. Начальный период деятельности южнославянского пансиона в г. Николаеве (1862—1866) охарактеризовал Ю. Н. Иванов; С. В. Павловский сделал историографический обзор исследований по теме «Газета Г. С. Раковского „Дунавски лебедь“».

Проблема польского национального движения рассматривалась в докладах В. В. Кутявина, С. М. Стецкевича, В. А. Якубского «Соотношение национальных и социальных моментов в польском освободительном движении конца XVIII — первой половины XIX в.»; И. А. Воронкова — «Польско-русские связи в период восстания 1830—1831 гг.», а также в сообщениях: Б. С. Пошкова — «Историография польского национально-освободительного движения 30-х годов XIX в.»; Д. М. Туган-Барановского — «К вопросу о происхождении польского общества „филадельфов“»; Д. А. Гродзицкого — «Общественно-политические взгляды А. Мицкевича после восстания в 1830—1831 гг.». Л. С. Кармазинов рассказал об идейных связях Г. Каменского с представителями передовой общественной мысли России первой половины XIX в.; В. М. Фоменкова — о пребывании Г. Каменского в Вятской ссылке. Доклад И. И. Лещиловской был посвящен идейно-программным аспектам славянских национально-освободительных движений в Австрийской империи в первой половине XIX в.

Обзор югославской и советской историографии о социально-экономическом развитии Сербии в 40—50 годах XIX в. сделала Е. Ю. Гуськова. В. Е. Задорожный раскрыл экономические связи западноукраинских земель с Чехией в первой половине XIX в., К. Г. Кожоланко — торговые связи Буковины с западными и южнославянскими землями в конце XVIII — первой половине XIX в.

Седьмая секция рассматривала проблемы развития славянских народов в период феодализма. Значительная часть выступлений на секции была посвящена южнославянским городам в XIII—XVI вв. М. М. Фрейденберг дал характеристику развития южнославянских городов в XV—XVI вв.; Н. П. Мананчикова остановилась на вопросе взаимовлияния города и его сельской округи в XIV — начале XV в. (на примере Дубровника); Д. И. Польвянный — на развитии Видина в XIII—XIV вв. И. Г. Воробьева сделала обзор современной югославской литературы по проблеме населения далматинского средневекового города, Е. П. Наумов — по вопросу динамики феодального строя Сербии и Боснии.

Политическая история болгарского государства явилась темой сообщения В. И. Мельника, болгаро-русских культурных связей в XIV—XVII вв. — Л. В. Гориной. Супрасль как один из центров межславянских культурных связей охарактеризовал А. И. Рогов, связи Украины с балканскими странами в области изобразительного искусства в XVIII в. — Ф. П. Шевченко. На истории создания славянской азбуки остановился П. П. Охрименко; Е. С. Макова — на развитии культуры славянских народов в XVII в. Полонистика была представлена следующими докладами и сообщениями: «Социально-экономическая история Речи Посполитой XVII в. в современной польской историографии» (Я. С. Мельничук); «Ревизии как источник по истории польского феодального государства конца XVII — начала XVIII в.» (В. А. Пирко); «Торговые связи Левобережной Украины с Польшей во второй половине XVIII в.» (И. Г. Шульга); «Позиция польского правительства в русско-турецкой войне 1768—1774 гг.» (Р. Р. Юсупов); «Крестяньские выступления в Русском и Волынском воеводствах в годы освободительной войны 1648—1654 гг.» (В. С. Степанков); «Современная польская историография о роли прибалтийских славян в международных отношениях X—XIII вв.» (В. С. Савчук).

Доклад Л. В. Заборовского раскрывал внешнюю политику России в отношении Великого княжества Литовского; сообщение Е. В. Чистяковой — совместную борьбу России и Польши с татаро-турецкой агрессией в XVII в. в оценке русских современников. Чехословацкая тематика была представлена сообщением И. Р. Фи-

шер — «Барщина в поместье Чехии в конце XVII — первой половине XVIII в.».

Проблемы развития славяноведения рассматривались на заседаниях восьмой секции. Выделение специальной секции — свидетельство роста интереса к вопросам развития славяноведения как отдельной отрасли исторических знаний. В. А. Дьяков выступил с докладом о политической интерпретации идеи славянской взаимности и развитии славяноведения с конца XVIII в. до 1939 г.; В. Г. Карасев, В. Д. Королюк и Г. Э. Санчук в совместном докладе остановились на роли В. И. Пичеты в развитии советского славяноведения; А. Е. Москаленко проанализировал славистические труды Ю. В. Готье; Г. Э. Санчук — лекции З. Р. Неядлы в Московском университете и их роль в развитии советского славяноведения; Л. И. Уткина — воспоминания В. И. Пичеты «Моя жизнь до 1905 г.». Ю. П. Шестаков сообщил о значении научно-теоретического наследия К. Сверчевского; Н. Г. Шарифуллина — о роли Л. Каравелова в формировании болгарской прогрессивной историографии; С. В. Туманова — об отношении Р. У. Сентона-Уотсона к югославянскому вопросу в Габсбургской монархии. О роли И. С. Пальмова в создании славянофильской концепции гуситского движения в русском славяноведении рассказал Г. А. Саксельцев, об оценке славянофилами болгарского национального движения — Б. Н. Билунов.

Значение Российской академии в налаживании научных связей России с зарубежными славянами раскрыла И. А. Калоева; В. З. Фрадкин сообщил об изучении славистического наследия Харьковского историко-филологического общества; Б. С. Шостакович — об изучении истории пребывания ссыльных поляков в Сибири (конец XIX — начало XX в.). Вопросы историографии явились темой выступлений В. С. Эйсымонта (историография строительства социализма в ПНР) и В. М. Фомина (историография развития высшего образования в Югославии. 1918—1977). Методология исторической науки в современной польской историографии явилась темой сообщения М. Н. Терешко, некоторые общие проблемы в изучении славянских культур — Е. М. Богдановича. Н. И. Пашаева рассказала о славяноведческих материалах в советской библиографии по архивоведению; А. А. Большой — об одесских краеведческих материалах по истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций: А. Я. Манусевича, И. М. Мельниковой, А. Ф. Кизченко, Л. Б. Валева, А. К. Мартыненко, В. П. Чорния, Е. П. Наумова, А. Е. Москаленко. К. Шарова информировала участников конференции о работах болгарских исто-

риков, посвященных 100-летию юбилею Апрельского восстания и освобождению Болгарии от османского ига; В. А. Дунаевский — о работе Научного совета по проблеме «История исторической науки»; В. А. Дьяков — об основных направлениях работы Института славяноведения и балканистики АН СССР; И. А. Калоева — об основных изданиях ИНИОН АН СССР. Участники конференции тепло поздравляли одного из активных участников славистических конференций В. П. Белановского с 80-летием со дня рождения.

В принятом конференцией решении отмечается, что работа пленарных заседаний и секций, на которых были обсуждены актуальные вопросы развития славистической науки, была плодотворной и способствовала дальнейшему стимулированию и координации исследований, притоку в науку молодых сил. Конференция с удовлетворением констатировала выход в свет к 60-летию Великого Октября ценных исследований, посвященных международному значению Великой Октябрьской социалистической революции и ее воздействию на исторические судьбы зарубежных славянских народов, истории социалистических революций, строительства социализма в славянских странах, формированию и развитию социалистического содружества и другим актуальным проблемам советского славяноведения. В славистических журналах и сборниках, других специальных изданиях получили освещение многие актуальные и недостаточно разработанные вопросы истории славянских народов и межславянских связей. Большую роль в дальнейшем развитии советского славяноведения играет курс истории южных и западных славян, читаемый в университетах страны, спецкурсы и спецсеминары. Предприняты определенные шаги по совершенствованию координации историко-славистических исследований в рамках советов по комплексным проблемам советского славяноведения и балканистики и истории социалистического строительства в европейских странах. Значительно улучшилась за последнее время информация по проблемам славяноведения и истории зарубежных социалистических стран в целом. Важную роль в этом играет ИНИОН АН СССР.

Вместе с тем в научной и педагогической работе историков-славистов имеются некоторые недостатки: узость тематики, описательность, недостаточно глубокий анализ источников и проблем историографии, недостаточное внимание к вопросам методики чтения курса, издания методических пособий.

Конференция признала важнейшими задачами историков-славистов дальнейшее повышение идейно-теоретического уровня научных исследований и совершенствование преподавания истории зарубежных славян в свете решений XXV

съезда КПСС. Конференция особо подчеркнула важность и первоочередность разработки проблем, связанных с социалистическим строительством в зарубежных славянских странах, формированием и развитием социалистического содружества, но ослабляя при этом внимания к изучению закономерностей общественного развития в периоды феодализма и капитализма, вопросов межславянских связей и международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе, прежде всего в сравнительно-историческом и комплексном плане. Учитывая, что проблемы культуры имеют первостепенное значение для изучения процессов прошлого и настоящего, конференция считает необходимым включить в программу изучения и преподавания истории южных и западных славян историко-культурную проблематику как в страноведческом, так и сравнительно историческом плане.

Признано целесообразным включить эту проблематику в программу работы следующих конференций историков-славистов. Одной из важнейших задач является повышение научного уровня историографических исследований, разоблачение буржуазных фальсификаций и ревизионистских концепций по вопросам строительства социализма, революционного движения, межславянских отношений и др. Очередную IX Всесоюзную научную конференцию историков-славистов предложено провести в сентябре 1980 г. на базе Кубанского государственного университета и рассмотреть на ней наиболее актуальные проблемы советского славноведения. Участники конференции выразили сердечную благодарность ректору, преподавателям исторического факультета Донецкого университета.

В. А. Пирко, Н. И. Турианенко

СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОЛЛОКВИУМ ПО ИСТОРИИ ФАШИЗМА И АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЫ В ЕВРОПЕ

С 10 по 11 января 1978 г. в Праге на основе двухстороннего соглашения о научном сотрудничестве между Институтом чехословацкой и всемирной истории ЧСАН и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР проходил коллоквиум на тему: «История фашизма и антифашистской борьбы (итоги и перспективы исследований в СССР и ЧССР)», в работе которого приняло участие 28 чехословацких и советских историков. В выступлениях участников коллоквиума рассматривались методологические проблемы ведущихся в обеих странах исследований, была проанализирована советская, чехословацкая, венгерская, болгарская, югославская современная историография вопроса, а также итальянская марксистская историческая литература, дан критический анализ современной буржуазной историографии, рассмотрены некоторые конкретные исторические сюжеты, связанные, в частности, с историей фашистских движений и антифашистской борьбы в Чехословакии. Кроме того, советская сторона поделилась опытом некоторых комплексных, сравнительно-исторических исследований по этой проблематике, завершенных в 1977 г. Коллоквиум открыл директор Института чехословацкой и всемирной истории (ИЧВИ) ЧСАН чл.- корр. ЧСАН проф. Я. Пурш. Затем с докладом «Важнейшие проблемы истории фашизма и антифашистской борьбы в современной историографии» выступил заведующий отделом новой и новейшей истории ИЧВИ

ЧСАН К. Герман. Большое внимание в докладе было уделено основным тенденциям современной западной буржуазной историографии фашизма и ее критическому разбору. Доклад А. Фалтыса (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ) был посвящен актуальным проблемам исследования исторических корней фашизма. Острую необходимость всестороннего исследования современного неофашизма подчеркнул в своем выступлении В. Эрбан (Чехословацкий институт международных отношений).

М. Тейхман (Чехословацко-советский институт ЧСАН) в своем докладе подчеркнул необходимость сравнительного изучения истории фашистских движений в странах Юго-Восточной Европы. Методологическим проблемам исследования истории фашизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы был посвящен доклад Р. П. Гришиной (Институт славяноведения и балканистики АН СССР). Исследование истории болгарского фашизма в 20-е годы привели, подчеркнула докладчица, к выводу, что для изучения любой конкретной формы режима фашистского типа следует использовать в качестве методологических критериев узловые положения марксистско-ленинской концепции фашизма, разработанной на базе изучения истории государств, где фашизм приобрел законченные формы.

С. П. Пожарская (Институт всеобщей истории АН СССР) выступила с докладом «Некоторые аспекты анализа фашизма

в Западной Европе в новейшей советской историографии», в котором поделилась опытом комплексного исследования западноевропейского фашизма, предпринятого советскими исследователями в коллективном труде «История фашизма в Западной Европе».

В первый день заседания, которое вел заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ И. Кремпа, были заслушаны выступления, посвященные проблематике истории фашизма и антифашистской борьбы в Чехословакии. Й. Гарна (ИЧВИ ЧСАН) остановился на вопросах проникновения фашизма в политическую систему межвоенной Чехословакии. Словацкой разновидности фашизма посвятил свое выступление И. Каменец (Институт истории САН). Р. Квачек (философский факультет Карлова университета) остановился на некоторых аспектах истории Национальной фашистской общины. Е. Ф. Фирсов (исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова) свое выступление «Партия национальных демократов и чешский фашизм в первой половине 20-х годов» посвятил начальному этапу чешского фашистского движения и влиянию итальянского фашизма на формирование праворадикального крыла Чехословацкой национально-демократической партии.

Проблемы истории антифашистской борьбы в Словакии были затронуты в докладе Л. Сушко (Институт истории САН). В. Блодиг (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ) и К. Гиришлова (Институт чехословацкой и мировой литературы ЧСАН) выступили с сообщениями о деятельности германской антифашистской эмиграции в Чехословакии и помощи КПЧ германским антифашистам.

Обзором современной чехословацкой историографии фашизма и антифашистской борьбы, который сделала Л. Нецкаржова (ИЧВИ ЧСАН), была завершена работа первого дня коллоквиума.

Во второй день с докладом об опыте сравнительного исследования истории антифашистской борьбы 30-х годов в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, предпринятого историками Института славяноведения и балканистики АН СССР, выступил А. Х.

Клеванский. Проблемам антифашистской борьбы в странах Юго-Восточной Европы были посвящены выступления сотрудников Института европейских социалистических стран САН В. Быстрицкого («Антифашистская борьба Болгарии в 1923—1941 гг.»), Л. Деака («Особенности антифашистской борьбы в Югославии в 1935—1939 гг.»), Д. Чиерной («Проблема образования антифашистского фронта в Венгрии»).

Два выступления были специально посвящены вопросу о характере межвоенного режима в Венгрии. В докладе «Венгерская историография проблематики фашизма» А. И. Пупикаша (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) отмечалось, что длительная дискуссия венгерских историков о сущности хорстистского режима связана с выявлением существа феномена фашизма вообще. На характеристике исторических корней и фашистских черт межвоенного режима в Венгрии остановилась также М. Рампортлова (философский факультет Брненского университета им. Я. Е. Пуркине).

Вопросу об освещении роли мелкой буржуазии западноевропейской буржуазной историографией было посвящено выступление В. Псотовой (ИЧВИ ЧСАН). Современная буржуазная историография фашизма была критически рассмотрена в выступлениях научных сотрудников ИЧВИ ЧСАН Д. Моравцовой (западногерманская историография), П. Крживского (итальянская), М. Червинковой (французская), С. Раковой (английская). Г. Ткадлечкова (философский факультет Братиславского университета им. Я. А. Коменского) остановилась на разработке итальянскими коммунистами истории фашизма в Италии.

Заключая работу коллоквиума, К. Герман подчеркнул его большое научное значение и, в частности, ценность опыта организации сравнительно-исторических исследований, которым советская делегация поделилась с чехословацкими учеными.

Материалы коллоквиума будут опубликованы в специальном сборнике.

Е. Ф. Фирсов

CONTENTS

<i>Kostyushko I.</i> Traditions of the joint struggle for freedom, independence and social progress of the peoples of the USSR and Polish People's Republic. <i>Klevanski A. Kh.</i> To the history of disintegration of Austria-Hungary and formation of the Czechoslovak bourgeois state. <i>Kirshevskaya A.</i> To the class nature of the conflict in Bulgarian society at the end of the XIX-th — beginning of the XX-th centuries. <i>Nenasheva Z. S.</i> The 1910 congress of neo-slavists in Sofia. <i>Zaloznjak A. A.</i> The opposition of letters <i>o</i> and <i>ω</i> in the old-Russian manuscript of the XIV century «Merilo Pravednoje». <i>Utešeny S.</i> (Czechoslovakia). On the dialectography of the Czech dialects to day.	3
--	---

COMMUNICATIONS

<i>Karasev V. G., Korolyuk V. D., Sanchuk G. E.</i> Akademician V. I. Picheta (1878—1947). <i>Lvunin Yu. A.</i> The campaign of solidarity of the USSR working masses with the Polish revolutionary movement (1922—1923)	77
--	----

From the history of the Slavic Studies

<i>Logachev K. I.</i> The Soviet Slavik studies up to the middle of the 1930s.	91
--	----

PEOPLE, EVENTS, FACTS

<i>Altman I. A.</i> O. M. Govorukhin in emigration	104
--	-----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Meltser D. B.</i> П. С. Сохань. Очерки истории украинско-болгарских связей. <i>Noskova A. A. K.</i> Кавко. Польша: отечество и социализм. <i>Leshchylovskaya I. I.</i> «Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII — XIX вв.». <i>Gorski I. K. G.</i> Германов. Окървавено навечерне (България и българите в руската литература)	107
---	-----

Bibliography

The main articles and materials on the present state, history, culture, and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1977 (continued). The contents of foreign periodicals	115
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Pirko V. A., Turyvnenko N. I.</i> The VIII-th All-Union scientific conference of historians-slavists. <i>Firsov E. F.</i> The Soviet-Czechoslovak colloquium on the history of fascism and anti-fascist struggle in Europe	120
---	-----

Технический редактор *Е. В. Синицина*

Сдано в набор 12.06.78	Подписано к печати 21.08.78	Т-40762	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Уч.-изд. л. 12,8	Бум. л. 4
Тираж 1225 экз.		Зак. 604	

Издательство «Наука». 103717 Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099 Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Индекс 70891